

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 1 (11)

Ярославль
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 1 (11). – 155 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-1-11
2022, № 1 (11). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Синь Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цизюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сютао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиш Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022

© Юго-Западный университет КНР, 2022

© Авторы статей, 2022

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU
RIO, 2022. – № 1 (11). – 155 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-1-11
2022, № 1 (11). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2022

© Southwest University of the People's Republic of China, 2022

© Authors of articles, 2022

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бугайчук Т. В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России **5**

Колода С. А. Советская политика «коренизации» и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси **23**

ФИЛОЛОГИЯ

Чжао Ян Переводы и исследования творчества В. Распутина и русской деревенской прозы в Китае **46**

Пэй Цзян Художественное своеобразие первого перевода и издания пьес И. Крылова в Китае **60**

Букарева Н. Ю., Шушкова Д. Р. Интерпретация сюжета о Юзуфе и Зулейхе в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» .. **68**

Полтевская К. Е. От классической драмы к «новой драме»: поэтика сюжета в пьесах И. Н. Потапенко «Искушение», Н. И. Тимковского «Дело жизни», А. С. Суворина «Вопрос» и А. П. Чехова «Вишневый сад» **82**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Юрьева Т. В. Иконостасы русской эмиграции: иконописец В. А. Цевчинский **98**

Летин В. А. Исторический дискурс художественного универсума Михайловского замка: аспекты власти **112**

Азеева И. В., Назлукханыан А. В. Русская режиссерская школа и драматургия в театре Ваге Шахвердяна **134**

Условия публикации статьи в научном журнале «МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН» и требования к оформлению рукописей **150**

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Bugaychuk T. V. The political aspect of forming civic identity and characteristics of socio-cultural transformation in modern Russia **6**

Koloda S. A. Soviet policy of “indigenization” and its influence on the language situation in Belarus **24**

PHILOLOGY

Zhao Yang Translations and studies of V. Rasputin and Russian rural prose in China **47**

Pei Jiang Artistic originality of the first translation and publication of I. Krylov's plays in China **61**

Bukareva N. Yu., Shushkova D. R. Interpretation of the story about Yuzuf and Zuleikha in the novel “Zuleikha opens her eyes” by G. Yakhina **69**

Poltevskaia K. E. From classical drama to “New Drama”: plot poetics in the plays “Redemption” by I. N. Potapenko, “The Work of Life” by N. I. Timkovsky “The Question” by A. S. Suvorin and “The Cherry Orchard” by A. P. Chekhov **83**

CULTURAL SCIENCE

Yurieva T. V. Iconostases of russian emigration: icon painter V. A. Tsevchinsky **99**

Letin V. A. Historical discourse of Mikhailovsky castle's artistic universe: aspects of power **113**

Azeeva I. V., Nazlukhanyan A. V. Russian directing school and dramaturgy in Vahe Shakhverdyan's theater **135**

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts **153**

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22

Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России

Татьяна Владимировна Бугайчук

Доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль. mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Аннотация. В статье представлено актуальное направление исследования становления гражданской идентичности у молодого поколения, где на первый план выдвигается личность и особенности формирования и развития гражданского самосознания человека в ситуации социально-экономической неустойчивости и политической нестабильности, вызванной трансформационными процессами во всех сферах жизни современной России. Целью статьи является политологический анализ социокультурных факторов становления гражданской идентичности молодого поколения россиян в период социокультурной трансформации в современной России. В статье особое значение придается роли государственной власти в развитии гражданского самосознания россиян (образовательной и молодежной политике), представлено исследование по выявлению факторов, влияющих на формирование гражданской идентичности, по мнению педагогов образовательных организаций и преподавателей вуза. Обозначена проблема влияния Интернета на становящуюся личность, так как особенностью эпохи виртуализации социальных коммуникаций является вытеснение традиционной шкалы ценностей и фундаментальных социальных структур развития личности, постоянные «эксперименты» с собственной идентичностью молодого поколения, преобладание субъективной составляющей идентичности в общей структуре самосознания молодого поколения. Поэтому семья, образование, молодежная политика государства, общественные институты являются пространством системного формирования гражданской идентичности молодого поколения, направленного на сохранение исторической памяти, культуры, традиций государства. Автор

© Бугайчук Т. В., 2022

доказывает, что только системная интеграция всех субъектов развития гражданского общества в стране, которая находится в затянувшемся периоде трансформации, взаимодействие всех участников процесса в целостной общественно-государственной системе становления гражданской идентичности молодого поколения россиян позволят получить развитое, активное и стабильное гражданское общество.

Ключевые слова: гражданская идентичность; молодое поколение; социокультурная трансформация; становление гражданской идентичности; современная Россия

Для цитирования: Бугайчук Т. В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 5-22. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22>

POLITICAL SCIENCE

Original article

The political aspect of forming civic identity and characteristics of socio-cultural transformation in modern Russia

Tatiana V. Bugaichuk

Doctor of political sciences, candidate of psychological sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Abstract. The article presents an important area of research into the formation of civic identity in the younger generation, where the focus is put on the personality and features of forming and developing civil consciousness in a situation of socio-economic and political instability caused by transformation processes in all spheres of life in modern Russia. The article aims at a political scientific analysis of the socio-cultural factors in the formation of the civil identity of the young Russians during the period of social and cultural transformation in modern Russia. The article emphasizes the role of state power in the development of civil consciousness of the Russians (educational and youth policy), presents a study to identify factors that influence the formation of civic identity, according to teachers of educational establishments and university lecturers. The issue of the Internet influence on the developing personality is outlined, as the features of the online social communications era are the displacement of the traditional value scale and fundamental social structures of personal development, constant “experimentation” of the younger generation's

own identity, the predominance of the subjective component of identity in the overall structure of the younger generation's self-consciousness. Therefore, family, education, youth policy of the state, and public institutions are the space of systemic formation of the youth civic identity, aimed at the preservation of historical memory, culture, and traditions of the state. The author proves that only systemic integration of all subjects in the country's civil society development, while in the long period of transformation, as well as the interaction of all participants of the process in the integral national system of forming the civic identity of the young Russians, will allow to have a developed, active and stable civil society.

Keywords: civic identity; young generation; socio-cultural transformation; formation of civic identity; modern Russia

For citation: Bugaychuk T. V. The political aspect of forming civic identity and characteristics of socio-cultural transformation in modern Russia. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11):5-22. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22>

Введение

Состояние современного общества, его особенности и тенденции развития, безусловно, связаны с процессами «глобализации», увеличения интенсивности информации и степени открытости, размытия национально-культурных границ. Данные процессы оказывают сильнейшее влияние на экономическую, политическую, гражданскую, культурную и другие сферы жизни общества. Но, кроме того, они ведут и к трансформации самоосмысления и самосозидания каждой личности. В условиях быстрого роста информационного потока, его высокой плотности и неоднородности социальные технологии трансформируются, изменяя формы и способы идентификации человека. Они формируют гражданский опыт молодых людей

и развивают их гражданскую активность. Тем не менее, молодые люди во многом продолжают придерживаться традиционных взглядов [Viola, 2020].

Мы согласны с В. Н. Гришай и другими, что трансформация понимается как существенное изменение системы, нередко сопровождающееся ее коренной ломкой [Гришай, 2020]. Анализ идущих социально-политических процессов в России исходит из многовариантности и системности изменений. Действительно, федеральная, отраслевые, региональные, национальные социальные элиты становятся субъектами трансформации. Стратегия трансформации России направлена ее политической элитой не на достижение фундаментальных целей, а на решение текущих интересов. Для успеха текущих

преобразований в условиях неопределенности общественно-политических процессов утверждается особая роль государственных структур и принципа «социальной справедливости».

«Социальная трансформация» – главное направление преобразований социальной структуры общества. Социальная трансформация в России сегодня характеризуется социальным неравенством, которое изменило социальную структуру.

С конца 80-х до 1994 года «ломается» социальная структура советского общества, распадаются старые и рождаются новые классы, растет неравенство. В 1994–1998 годах мы наблюдаем временную стабилизацию новой социальной структуры. Августовский кризис 1998 года ослабил позиции нового среднего класса, а в начале XXI века возрастает «закрытость» элитных групп – поляризация общества усиливается. В современный период наблюдается несоответствие прежних социальных механизмов гражданской идентификации новым общественным потребностям. В этих условиях особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности.

Теоретические основы исследования

Внешнеполитическая обстановка, проблемы и успехи внутри страны являются благоприятными стимулами для сплочения народа вокруг национальной идеи. Такой

идеей для России на сегодняшний день становится патриотизм, и политика патриотического воспитания провозглашается приоритетным направлением в образовании. Но, на наш взгляд, чувство патриотизма должно эмоционально «сопровождать» осмысленную и принятую личностью гражданскую идентичность.

Кризис национальной идеи и фрагментация культурной идентичности являются следствием разрушения системообразующих основ советской идентичности [Коряковцева, 2017] в связи с распадом СССР и советской ценностно-нормативной системы [Символическая политика, 2017]. Одним из наиболее разрушительных проявлений идентификационного кризиса является разрушение в массовом сознании единого образа Отечества. В условиях социокультурной трансформации российской государственности, прервана историческая преемственность, идет формирование аномии, в молодежной среде усилились проявления абсентизма, сепаратизма и даже экстремизма. При этом важно учесть, что наша страна многонациональна, поэтому прежде всего следует решать проблему формирования именно гражданской идентичности, предполагающей чувство гражданской общности, оценку каждым своего статуса российского гражданина.

Гражданская идентичность, безусловно, является частью социаль-

ной идентичности как осознания обществом своего внутреннего единства на основе исторически сложившихся ценностей, норм и идеалов. Навязывание обществу приоритетов массовой культуры, ценностей и норм потребительского образа жизни сегодня разрушает данную идентичность. Права Н. А. Моисеева, что формирование новой социально-культурной идентичности связано с глубинной трансформацией социума и культуры, а не с «введением» населения в рынок [Моисеева, 2011]. Широкая социокультурная дифференциация в российском обществе позволяет длительное время поддерживать трансформационные процессы [Лавин, 2000].

Вызовом формирования общероссийской идентичности являются национализм и имущественное расслоение. В политическую науку прочно вошло понятие многоуровневой, многосоставной идентичности (наряду с политической и гражданской – этнокультурная, региональная, религиозная идентичности). Любая из социальных идентичностей при определенных обстоятельствах вторгается в политическую сферу, претендуя на ведущую роль [Комаровский, 2015].

Современному молодому поколению предстоит жить и работать в условиях усиления глобальной конкуренции, возрастания значения инноваций и человеческого капитала как основных факторов экономического развития страны. И хотя

мы работаем с самым образованным поколением молодежи за всю историю России, но ни качество отечественного образования, ни состояние здоровья, ни имеющиеся сегодня возможности для самореализации не обеспечивают российской молодежи достаточных преимуществ, гарантирующих ее конкурентоспособность и успешность в мировом сообществе.

На фоне маятниковой инверсии российской культуры, резкой смены политических режимов в XX веке, сложности ментальных отечественных традиций и кризиса гражданской идентичности возникает необходимость развития гражданской идентичности российского молодого поколения как субъекта политико-социально-культурных преобразований, взаимодействующего с другими субъектами данного процесса. Анализ существующей практики формирования гражданской идентичности у детей и молодежи обнаруживает недостаточность системной работы в этой сфере. Например, представление об успешности не связывается в молодежном сознании с успехами страны, с понятиями долга, ответственности, добросовестности [Коряковцева, 2018].

Гражданское становление личности и развитие самосознания осложняется доступностью противоречивого по содержанию информационного пространства, формирующего у молодежи негативное представление о политической дея-

тельности государства и власти, пропагандирующего протестную активность и радикализм. Это сопровождается низким уровнем политической культуры, отсутствием самостоятельной гражданской позиции, недоверием к старшему поколению, состоянием неопределенности и неуверенностью в своей значимости для общества. В итоге – социально-политическая пассивность значительной части молодежи [Никонова, 2020].

На наш взгляд, процесс становления гражданской идентичности современной молодежи основывается на понимании гражданской идентичности как результата личностного самоопределения на основе свободного выбора. Она выступает как осознание человеком своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющее определенный личностный смысл. Гражданская идентичность не тождественна гражданству, а предполагает целостное отношение к социальному и природному миру на основе собственного выбора и уважения выбора других.

В этих условиях система образования может оказаться наиболее устойчивым институтом гражданской социализации и гражданского образования, блокируя негативные тенденции в сознании и поведении молодежи, используя присущие ей средства для утверждения в обществе гражданской культуры и являясь связующим звеном между се-

мьей и гражданским обществом. Именно система образования может донести необходимые знания по исследуемой нами проблеме до родительского сообщества.

Вместе с тем, уровень сформированности гражданской идентичности зависит от комплекса условий, в которых происходит этот процесс, от воздействия окружающего социума, развития социальных отношений и их отражения в идеологии. Гражданская позиция личности проявляется в её отношении к обществу, к деятельности, к самой себе, она должна базироваться на активном начале в каждом ребенке как субъекте собственного развития и как члене общества, такое начало формируется в первую очередь в семье.

Ядром отношений, создающих гражданскую идентичность личности, являются «активность духа и активность действий» [Бердяев, 1991, с. 35], которые необходимо формировать у подрастающего поколения на нравственной основе, чтобы избежать деструктивных явлений. Внутренняя духовная пустота порождает ощущение бессмысленности жизни, отсюда – «бегство» молодежи в виртуальную «нереальную жизнь»: наркотики, алкоголь, Интернет, компьютерные игры и другие поведенческие аддикции. Современная наука рассматривает эти формы как скрытые хронические формы суицидального поведения. По данным ЮНЕСКО, Россия занимает первое место в

мире по суицидам среди детей и подростков. Жизненные ценности определяют ценность самой жизни!

Мы убеждены, что «активность духа» личности возможно сформировать только при условии осознанного ею выбора (но не вседозволенности).

Методы исследования

С целью изучения факторов и условий формирования гражданской идентичности в ситуации социокультурной трансформации России научной лабораторией «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» был проведен авторский анкетный опрос, направленный на актуализацию представлений о преемственности поколений в принятии ценностных установок гражданской идентичности и выявление мотивов воспитания патриотических установок молодого поколения. В опросе участвовали педагоги образовательных учреждений и преподаватели вузов. В исследовании принимали участие 133 педагога (учителей – предметников, классных руководителей и администрации) Московской и Ярославской обла-

стей. Также опросные данные были получены у преподавателей высших учебных заведений Ярославской области в количестве 65 человек. Всего – 198 человек.

Педагогам предлагалось ответить на вопрос о том, кто должен заниматься формированием гражданской идентичности у современной молодежи. Им были даны следующие задания: перечислите государственные и социальные институты, которые, на ваш взгляд, должны быть задействованы в процессе формирования гражданской идентичности молодежи. Оцените по 10-балльной шкале уровень Вашей заинтересованности в участии реализации программ по формированию гражданской идентичности молодежи.

Результаты исследования

Результаты опроса педагогов отражены на рисунке 1. На первое место по степени влияния на процесс формирования гражданской идентичности педагоги поставили систему образования, на второе – семью, на третье – гражданские институты, четвертое место – у органов государственной власти, а пятое – у СМИ.

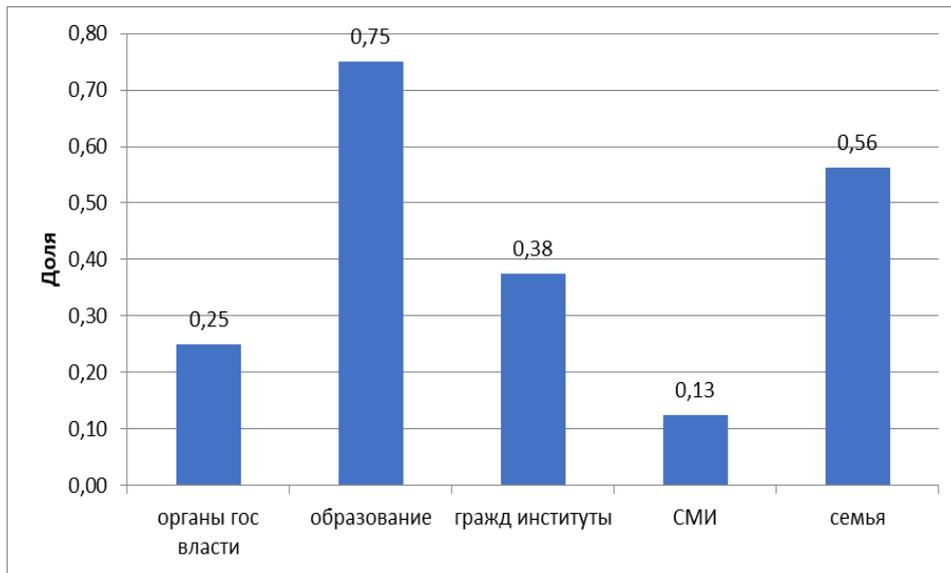

Рис. 1 Факторы, влияющие на формирование гражданской идентичности, по мнению педагогов образовательных организаций и преподавателей вуза

Здесь мы сталкиваемся с неким противоречием: образование, по мнению педагогов и преподавателей, с одной стороны, должно положительно влиять на развитие гражданской ответственности, но, с другой стороны, в педагогическом сообществе только недавно стали говорить о технологиях формирования гражданской ответственности. Причем сами педагоги не уверены в своей собственной профессионально-педагогической компетентности в сфере формирования гражданской идентичности. Очевидно, что в современных условиях именно они должны «продвигать» идею становления гражданской позиции в семье и научить технологиям формирования гражданской ответственности у детей родителей, поскольку задачи форми-

рования гражданской идентичности решаются во всех видах детской деятельности: в играх, в труде, в быту, – уже с раннего детства. Рассматривание иллюстраций, слушание художественных произведений, беседы, а также рисование, экскурсии, игры-путешествия – все это помогает в семье формировать Гражданина страны. Это следует делать, начиная с развития семейных традиций и навыков родителей в этом направлении.

«Семья – молодежная политика государства – образование – общественные институты» – такое системное становление гражданской идентичности молодого поколения, начиная с семьи, является особенно актуальным, поскольку может оказать прямое влияние на решение

таких важных социальных задач как повышение относительно гомогенного патриотического сознания молодого поколения и активизация гражданского общества.

Мы уже отмечали, что одним из важных социокультурных инструментов развития гражданской идентичности являются средства массовой информации и в первую очередь, – Интернет. В современном мире виртуальные социальные коммуникации становятся главным средством общения и воздействия на социум. Первичная социализация молодежи, а также социальная идентификация осуществляется именно посредством социальных сетей.

Для молодого поколения России, взрослеющего в трансформирующейся среде, особую опасность представляют внешние и внутренние вызовы и угрозы, носящие социокультурный характер: социальные расколы, неравенство, кризис идентичности, аномия, дефицит коллективизма, запрос на социальную справедливость, поскольку именно «в цифровую эпоху под влиянием сети Интернет происходят интенсивные процессы реструктуризации моделей социальной идентичности и социального поведения пользователей» [Шестопал, 2018, с. 92].

Отметим, что многие сетевые микросообщества отличаются трайбализмом, то есть они не зависят от таких характеристик традиционного социума, как экономиче-

ские, социальные и даже мировоззренческие. Вместе с тем, как отмечают исследователи, мировая глобализация вовлекает во взаимодействие разные сообщества и культуры и требует развития идентичностей, диалектически противоположных социальной стандартизации [Пэлфри, 2011]. Вот почему базовыми константами социального бытия становятся толерантность, плюрализм, космополитизм, глобализм.

Процессы глобализации разрушают национальный суверенитет и обостряют проблемы национальной идентичности, стремление наций к самобытности и к самоопределению. «При разрушении любой ценностной системы, объединяющей общество, возрастает роль национальной идентичности как естественной реакции на неопределенность» [Коробейникова, 2019, с. 84].

В условиях массированного воздействия на сознание юных граждан необходимо создание общегосударственной системы, интегрирующей образовательную и молодежную политику по формированию гражданской идентичности [Магомедов, 2018].

Вместе с тем, в условиях «открытого общества» индивидуальном и общественном сознании возрастает неуверенность, рушатся традиционные ценности и фундаментальные социальные структуры. В этих условиях современный индивид вынужден находить собственные решения в ответ на воз-

никающие коллективные противоречия, таким образом, становясь частью «массового субъективного поворота» современного социума. Поиск собственного пути к самореализации особенно значим для молодежи.

Особенностью эпохи виртуализации социальных коммуникаций является вытеснение традиционной шкалы ценностей «экзистенциальным вакуумом». Комментируя данный процесс, Виктор Франкл обращает внимание на то, что «... в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно» [Франкл, 1990, с. 200]. Вместе с тем, неопределенность, недостаточно четкое знание представителями современной молодежи должного и нужного способствует развитию в молодежной среде конформизма, абсентеизма либо экстремизма. Это отрицательные качества следует преодолевать в процессе воспитания.

Распространение онлайн коммуникаций способствует развитию новых традиций, норм, образцов поведения молодежи. Но есть опасность стирания граней между виртуальным и реальным мирами.

Основным интегрирующим интернет-сообщества фактором становится обретение «единомышленников», чувство ментальной идентичности родственными по взглядам Интернет – пользователями, разделение на «своих» и «чужих». Количество виртуальных «друзей»

повышает статус данного пользователя в глазах других пользователей, а также способствует росту его статуса и самооценки. Как известно, данный мотив является основным мотивом социализации. Особенно важным является обретение онлайн-друзей среди молодого поколения.

Как отмечают G. Grimalda, N. Buchan, M. Brewer участие в глобальных сетях меняет социальную идентичность: увеличивается склонность к сотрудничеству [Grimalda, 2018]. Но для России очевидно и обратное: увеличение глобальной социальной идентичности ведет к уменьшению гражданской идентичности, степени солидарности, общности с гражданами снижается. Вряд ли это способствует политической стабильности гражданского общества.

Вопрос о необходимости восстановления позитивного значения группы отождествления особенно остро встает в период исторических общественно-политических трансформаций, когда даже нация и государство теряют для человека свое позитивное значение, что и происходит в эпоху digital.

Проведённые нами в течение ряда лет исследования результатов некоторых социальных практик подтверждают, что в стабильном обществе доминирует объективная составляющая, а в условиях радикальной трансформации социокультурных ценностей и норм (что и происходит сегодня в России в про-

цессе сетевого общения), преобладает субъективная составляющая идентичности [Коряковцева, 2016]. Именно это преобладание определяет особую сложность процесса становления гражданской идентичности молодёжи «цифрового поколения».

Заключение и выводы

Многообразие информации ставит молодого человека в ситуацию, когда он не в состоянии осмысливать получаемую информацию, у него не остается времени делать выводы, встраивать ее в систему своего мировоззрения, он способен ее только «потреблять». Духовный мир как целостная система разрушается, приобретая черты эклектичности и релятивизма. В этой ситуации формирование идентичности осложняется разрывом социокультурных связей между поколениями и глубоким социальным неравенством, сложившимся в обществе.

Кризис гражданской идентичности связан с потерей или, лучше сказать, утратой некоторых элементов этой сложной системы ценностей, чувств, правил, традиций. Следовательно, формирование гражданской идентичности необходимо рассматривать в плоскости ее восстановления, возвращения. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это во многом будет новая форма идентичности, не совпадающая с прежней (например, характерной для советского времени).

Как справедливо замечает А. А. Лисенкова, виртуальное пространство представляет собой поле для экспериментов с собственной идентичностью, что приводит к изменению традиционного баланса между общественным и частным и формирует принципиально новый процесс идентификации личности [Лисенкова, 2017]. Таким образом, проблема влияния Интернет-коммуникаций на развитие гражданской идентичности молодежи требует своего дальнейшего осмысления и в рамках научного политологического и социокультурного анализа.

К социокультурным условиям влияния на подрастающее поколение относится образование. Образование как социальный институт выстраивает свою политику становления гражданской идентичности в соответствии с общей политикой государства. Одним из приоритетных направлений образовательной политики является патриотическое воспитание граждан [Шабров, 2013]. Патриотическое воспитание было актуальным во все времена существования человечества. Не теряет оно свою значимость и сегодня. Например, отметим, что с 1 января 2021 года в России стартовала реализация федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование» [Федеральный проект, 2021]. Проект, основная цель которого – воспитание гармонично

развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций путем вовлечения к 2025 году 25 % граждан Российской Федерации в систему патриотического воспитания, станет ресурсной базой для дальнейшей реализации поправок в закон об образовании, направленных на воспитательную работу.

Несомненно, формирование гражданской идентичности и воспитание патриотизма как её главной составляющей все это – процессы долговременные, но если выстроить эффективную интегральную систему и определить эффективные механизмы взаимодействия всех субъектов этих процессов, то результат будет ощутимым.

По нашему мнению, задача и системы образования, и других субъектов развития гражданской идентичности и патриотического воспитания – помочь в главном: в становлении и развитии гражданской идентичности у детей и молодежи. Иначе не может быть сформировано развитое гражданское общество, о котором так много говорят видные политики и СМИ. Кроме того, следует помнить, что в самой среде детей и подростков в связи с недоверием к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и их информации идет поиск новых форм социальной активности и общения, ко-

торый выражается в повсеместном распространении неформальных движений. Подрастающее поколение, которое мы учим, необходимо, прежде всего, хорошо знать и понимать, убеждать делом и привлекать к делу.

Поэтому важно обозначить еще одну проблему, а именно проблему формирования и развития готовности всех субъектов – наставников к патриотическому воспитанию молодого российского поколения [Коряковцева, 2017]. На сегодняшний день мы видим необходимость в поиске новых методик, разработке и реализации программ дополнительного образования взрослых по развитию готовности к патриотическому воспитанию российской молодежи.

Еще одним социокультурным условием становления гражданской идентичности является историческая память. Самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу гражданской идентичности народа в целом и каждого человека в частности. Неоспорим тот факт, что наше сознание, в том числе и историческое сознание, подвержено воздействию как реалий повседневной жизни, так и образов, транслируемых литературой, искусством и средствами массовой информации.

В современной России родилось и сформировалось новое поколение, для которого, прежде всего,

интересен собственный мир, микросоциум. Это явилось результатом экзистенциального кризиса, потери духовного и идейного начал гражданского долга своими корнями. Человек оказался в экзистенциальном вакууме. Профессиональная деятельность, потребление благ и межличностная коммуникация (зачастую виртуальная) заполнили индивидуальное бытие человека [Баева, 2013].

Народы России, начиная с XIX века, уже становились могучей полиэтнической гражданской нацией. В начале XX века этому помешали две революции и братоубийственная Гражданская война. В конце XX века – распад Советского Союза. Из этой исторической ловушки Россия может выбраться «только вновь «собрав» ее народ (нацию) как субъект истории, обладающий политической волей» [Кара-Мурза, 2014, с. 120].

Только историческая память может преодолеть идентификационный кризис, заново найти основу для гражданского объединения. На роль исторической памяти в становлении гражданской идентичности «вливают как историко-культурный характер социальной среды, так и степень внедрения в массовое сознание исторических образов и представлений» [Евгеньева, 2013, с. 160].

В работе «История, память, национальная идентичность» профессор НИУ ВШЭ Ю. П. Зарецкий указывает, что «сам образ прошло-

го, как таковой, в историографии не может быть «объективен» в принципе. Он является либо его «реконструкцией» (в лучшем случае), либо вообще «конструкцией», имеющей мало отношения к «подлинному» прошлому. При этом признается, что в обоих случаях этот образ, во-первых, напрямую зависит от властных отношений в обществе и, во-вторых, является предметом манипуляций сил, имеющих своей целью достижение тех или иных политических результатов в настоящем» [Зарецкий].

Есть основания полагать, что чем меньше сообщество укоренено в существующих и хорошо функционирующих социальных практиках, тем более проблематична его идентичность, тем более конститутивным является для него его «вспоминаемое» прошлое. Развивая эту мысль, А Мегилл пишет: «В мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ, неопределенность идентичности, возможно, является неизбежным побочным продуктом. В такой ситуации для «памяти» вполне достаточно причин выдвинуться на первый план. Можно даже постулировать одно правило: когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [Мегилл, 2007, с. 204]. Очевидно, что память, которая относится вовсе не к прошлому, а выражает отношения

«прошлое-настоящее», в действительности объясняет настоящее.

Уровень духовности общества определяется идеологией и моралью, и не только религиозной, но и той, которую несут государство, общество и, прежде всего, литература и искусство (музыка, кино, театр, народное творчество, живопись и т. п.). Так, известные советские песни культивируют паттерны служения человека государству, обществу. Напротив, некоторые современные композиции выражают индивидуалистическую позицию постсоветской молодежи, отражают «идеологический вакуум» бытия новой генерации россиян. Немудрено, что в этих условиях развиваются секты, радикальные идеологические полуполегалы течения, эзотерика. Чаще всего жертвой этих псевдоидеологий является молодежь.

Следовательно, поддержание идентичности требует ощущения непрерывности истории, постольку функциональное значение любой памяти в том, что она, связывая прошлое и настоящее, помогает человеку сохранить свою идентичность во времени, помогает обрести новую идентичность в изменяющемся времени.

Все вышесказанное подчеркивает безусловную актуальность под-

нятой в данной статье проблемы и несомненную значимость работы по становлению гражданской идентичности российского молодого поколения. Современные научные исследования и концепции подчеркивают необходимость организации целенаправленного развития гражданской идентичности молодежи, а значит, и патриотических чувств посредством учебно-воспитательного процесса, организации мощного педагогического и гражданского воздействия на субъектизацию личности. Системное формирование гражданского самосознания молодежи является особенно актуальным в связи с особенностями социокультурной трансформации современной России, поскольку может оказать прямое влияние на решение таких важных социальных задач, как повышение относительно гомогенного патриотического сознания молодежи, легитимация государственной власти и формирование эффективных институтов гражданского общества. При этом следует учитывать, что гражданская идентичность молодого поколения является индикатором политической стабильности и уровня сформированности гражданского общества в стране.

Библиографический список

1. Баева Л. В. Гражданское самосознание молодежи в современной России и проблема культурной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. №3. С. 109–118.

2. Бердяев Н. А. Мое философское мировоззрение // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск : Изд-во Урал. универ., 1991. Ч.1. 287 с.
3. Гришай В. Н. Государственная социальная политика в сфере управления этносоциальными процессами трансформирующегося российского общества / В. Н. Гришай, А. А. Курносенко, С. В. Сыпачев, И. С. Бакланов, А. В. Гончаров, В. В. Юрчевский // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2020. №17. С. 129–134.
4. Евгеньева Т. В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 158–166.
5. Зарецкий Ю. П. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html>. (Дата обращения: 27.02.2022).
6. Кара-Мурза С. Г. Нациестроительство в современной России / С. Г. Кара-Мурза, О. В. Куропаткина. Москва : Алгоритм : Научный эксперт, 2014. 408 с.
7. Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С. 20–27.
8. Коробейникова Е. А. Глобализация и национальная идентичность // Вестник современных исследований. 2019. № 1. С. 83–85.
9. Коряковцева О. А. Молодежь России: кризис гражданской идентичности / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. №1. С. 140–150.
10. Коряковцева О. А. Гражданская идентичность молодежи: современный взгляд / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир): материалы IV международной научной конференции. Белгород : «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 56–61.
11. Коряковцева О. А. О кризисе гражданской идентичности в современном мире / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // 21 век: фундаментальная наука и технологии : материалы XII международной научно-практической конференции. North Charleston : CreateSpace, 2017. С. 40–42.
12. Коряковцева О. А. Патриотическое воспитание как фактор общественно-политической социализации российской студенческой молодежи / О. А. Коряковцева, С. Л. Таланов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 4. С. 28–33.
13. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. Москва : ИФ РАН, 2000. 191 с.
14. Лисенкова А. А. Самокатегоризация как форма идентичности в социальных медиа // Ценности и смыслы. 2017. № 3 (49). С. 28–34.
15. Магомедов Д. З. Современные технологии формирования общероссийской идентичности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12, № 1. С. 79–83.
16. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

17. Моисеева Н. А. Современное Российское общество: формирование «Мы-идентичности» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. №1(13). С. 106–111.
18. Никонова Э. И. Факторы формирования гражданского самосознания российской молодежи в современных условиях / Э. И. Никонова, Л. В. Абдрахманова // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 138–141.
19. Пэлфри Дж. Дети цифровой эры / Дж. Пэлфри, Урс. Гассер. Москва : Эксмо, 2011. 368 с.
20. Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки ; ред. кол.: О. Ю. Малинова, гл. ред., [и др.]. Москва, 2017. Вып. 5: Политика идентичности. 356 с. (Сер.: Политология).
21. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» URL: <http://brpcrb.ru/site/pub?id=2988>. (Дата обращения: 08.02.2022).
22. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. Москва : Прогресс, 1990. 368 с.
23. Шабров О. Ф. Образование – концентрированное выражение политики // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2013. №1. С. 106–109.
24. Шестопад Е. Б. Социокультурные угрозы и риски в современной России / Е. Б. Шестопад, А. В. Селезнева // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.
25. Grimalda G., Buchan N., Brewer M. Social identity mediates the positive effect of globalization on individual cooperation: Results from international experiments. PLoS ONE, 2018. 12–13 p.
26. Viola J. K. Young People's Civic Identity in the Digital Age. London, Palgrave Macmillan, Cham. 2020. 208 p.

Reference list

1. Baeva L. V. Grazhdanskoe samosoznanie molodezhi v sovremennoj Rossii i problema kul'turnoj bezopasnosti = Young people' civic identity in contemporary Russia and the problem of cultural security // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2013. №3. S. 109–118.
2. Berdjaev N. A. Moe filosofskoe mirosozercanie = My philosophical worldview // N. A. Berdjaev o russkoj filosofii. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. uni-ver., 1991. Ch.1. 287 s.
3. Grishaj V. N. Gosudarstvennaja social'naja politika v sfere upravlenija jetnosocial'nymi processami transformirujushhegosja rossijskogo obshhestva = State social policy in the management of ethno-social processes in transforming Russian society / V. N. Grishaj, A. A. Kurnosenko, S. V. Sypachev, I. S. Baklanov, A. V. Goncharov, V. V. Jurchevskij // Vestnik Essentukskogo instituta upravlenija, biznesa i prava. 2020. №17. S. 129–134.
4. Evgen'eva T. V. Politicheskie predstavlenija v kontekste istoricheskoy pamjati: obrashhenie k proshlomu v situacii krizisa identichnosti = / T. V. Evgen'eva, A. V. Selezneva // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. № 3. S. 158–166.

5. Zareckij Ju. P. Istorija, pamjat', nacional'naja identichnost' = History, memory, national identity // Neprikosnovennyj zapas. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html>. (Data obrashhenija: 27.02.2022).
6. Kara-Murza S. G. Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii = Nation-building in contemporary Russia / S. G. Kara-Murza, O. V. Kuropatkina. Moskva : Algoritm : Nauchnyj jekspert, 2014. 408 s.
7. Komarovskij V. S. Formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti Rossii: vyzovy i riski = The formation of Russia's national state identity: challenges and risks // Vlast'. 2015. № 3. S. 20–27.
8. Korobejnikova E. A. Globalizacija i nacional'naja identichnost' = Globalization and national identity // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2019. № 1. S. 83–85.
9. Korjakovceva O. A. Molodezh' Rossii: krizis grazhdanskoj identichnosti = Youth of Russia: civic identity crisis / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly. 2018. №1. S. 140–150.
10. Korjakovceva O. A. Grazhdanskaja identichnost' molodezhi: sovremennyj vzgljad = Civic identity of young people: a modern view / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Kul'tura. Politika. Ponimanie (filosofsko-politicheskie problemy identichnosti: Rossija i sovremennyj mir) : materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Belgorod : «Belgorod» NIU «BelGU», 2016. S. 56–61.
11. Korjakovceva O. A. O krizise grazhdanskoj identichnosti v sovremennom mire = On the crisis of civic identity in the modern world / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // 21 vek: fundamental'naja nauka i tehnologii : materialy XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. North Charleston : CreateSpace, 2017. S. 40–42.
12. Korjakovceva O. A. Patrioticheskoe vospitanie kak faktor obshhestvenno-politicheskoj socializacii rossijskoj studencheskoj molodezhi = Patriotic education as a factor of socio-political socialization of Russian students / O. A. Korjakovceva, S. L. Talanov // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 4. S. 28–33.
13. Lapin N. I. Puti Rossii: sociokul'turnye transformacii = Russia's ways: sociocultural transformations. Moskva : IF RAN, 2000. 191 s.
14. Lisenkova A. A. Samokategorizacija kak forma identichnosti v social'nyh media = Self-categorization as a form of identity in social media // Cennosti i smysly. 2017. № 3 (49). S. 28–34.
15. Magomedov D. Z. Sovremennye tehnologii formirovanija obshherossijskoj identichnosti = Modern technologies for the formation of Russian national identity // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2018. T. 12, № 1. S. 79–83.
16. Megill A. Istoricheskaja jepistemologija = Historical epistemology. Moskva : Kanon+, ROOI «Reabilitacija», 2007. 480 s.
17. Moiseeva N. A. Sovremennoe Rossijskoe obshhestvo: formirovanie «My-identichnosti» = Modern Russian society: forming a “We-identity” // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7. Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii. 2011. №1(13). S. 106–111.
18. Nikonova Je. I. Faktory formirovanija grazhdanskogo samosoznanija rossijskoj molodezhi v sovremennyh uslovijah = Formation factors of young people's civic

identity in modern Russia / Je. I. Nikonova, L. V. Abdrahmanova // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. 2020. № 1. S. 138–141.

19. Pjelfri Dzh. Deti cifrovoj jery = Children of digital era / Dzh. Pjelfri, Urs. Gasser. Moskva : Jeksmo, 2011. 368 s.

20. Simvolicheskaja politika = Symbolic politics : sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled.; Otd. polit. nauki ; red. kol.: O. Ju. Malinova, gl. red., [i dr.]. Moskva, 2017. Vyp. 5: Politika identichnosti. 356 s. (Ser.: Politologija).

21. Federal'nyj proekt «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii» = Federal project “Patriotic education of Russian Federation citizens”. URL: <http://brpcrb.ru/site/pub?id=2988>. (Data obrashhenija: 08.02.2022).

22. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla = Man in search of meaning: sbornik / per. s angl. i nem. Moskva : Progress, 1990. 368 s.

23. Shabrov O. F. Obrazovanie – koncentrirovannoe vyrazhenie politiki = Man in search of meaning // Problemyj analiz i gosudarstvennoe upravlencheskoe proektirovanie: politologija, jekonomika, pravo. 2013. №1. S. 106–109.

24. Shestopal E. B. Sociokul'turnye ugrozy i riski v sovremennoj Rossii = Socio-cultural threats and risks in contemporary Russia / E. B. Shestopal, A. V. Selezneva // Sociologicheskie issledovanija. 2018. № 10. S. 90–99.

25. Grimalda G., Buchan N., Brewer M. Social identity mediates the positive effect of globalization on individual cooperation: Results from international experiments. PLoS ONE, 2018. 12–13 r.

26. Viola J. K. Young People's Civic Identity in the Digital Age. London, Palgrave Macmillan, Cham. 2020. 208 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 25.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья
УДК 342.725
doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-23-45

**Советская политика «коренизации»
и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси**

Светлана Александровна Колода

Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Юго-Западного университета КНР, г. Чунцин.
sveta_koloda@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

Аннотация. На состояние и функционирование языков в государстве влияет языковая политика, которая является необъемлемой частью национальной политики многонациональных государств. Опыт языкового строительства в Беларуси демонстрирует уникальную для пост-советских стран ситуацию, когда два государственных языка, белорусский и русский, используются в условиях диглоссии. Однако такая особенность языковой ситуации является результатом достаточно длительного периода развития белорусского языка и нахождения современных белорусских территорий в составе разных государств: Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и СССР. Автор статьи проводит анализ специфической языковой ситуации в Республике Беларусь и акцентирует внимание на историческом анализе предыдущего опыта языковой политики в период СССР. Описываются подходы и результаты белорусизации в области языковой политики. В статье рассматривается национально-культурная политика в БССР как часть советской политики «коренизации», но со специфичными для славянских народов целями и условиями ее проведения. Политика и ее дальнейшая трансформация в значительной степени повлияли на функционирование белорусского языка не только во все последующие годы советского периода, но и оказывают существенное влияние сегодня. Существование двух орфографических норм современного белорусского языка и смешанного варианта белорусско-русского языка препятствует активному развитию национального языка Беларуси. Несмотря на то, что оба языка, белорусский и русский, имеет по Конституции равные права в Республике Беларусь, в официальном и бытовом общении граждане страны отдают предпочтение русскому. При этом на дальнейшее развитие и статус национального языка негативное влияние оказывают белорусские народные говоры и вариативность белорусского литературного языка.

© Колода С. А., 2022

Ключевые слова: языковая политика; языковая ситуация; белорусский язык; русский язык; языки национальных меньшинств; национально-культурная политика; СССР; Белорусская Советская Социалистическая Республика; Республика Беларусь

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Колода С. А. Советская политика «коренизации» и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 23-45. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-23-45>

Original article

Soviet policy of “indigenization” and its influence on the language situation in Belarus

Svetlana A. Koloda

Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of Foreign Languages, Southwest university in Chongqing. China.

sveta_koloda@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

Abstract. The state and functioning of languages in the state is influenced by the language policy, which is an integral part of the national policy in multinational states. The experience of language building in Belarus demonstrates a situation that is unique for the post-Soviet countries, when two state languages, Belarusian and Russian, are used in conditions of diglossia. However, this specific linguistic situation is the result of a fairly long period of the Belarusian language development and the fact that modern Belarusian territories were part of different states: the Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth and the USSR. The author analyzes the specific language situation in the Republic of Belarus and focuses on the historical analysis of the previous experience of language policy during the USSR period. The approaches and results of Belarusianization in the field of language policy are described in the article. The author considers the national and cultural policy in the BSSR as part of the Soviet policy of “indigenization”, but with goals and conditions specific to the Slavic peoples. This policy and its further transformation significantly influenced the functioning of Belarusian not only for all subsequent Soviet years, but also has a considerable impact today. In fact, the existence of two spelling norms of the modern Belarusian language and a mixed version of the Belarusian-Russian language, hinders the active development of the national language of Belarus. Despite the fact that both languages, Belarusian and Russian, have equal rights in the Republic of Belarus

under the Constitution, both in official and in everyday communication, citizens of the country prefer Russian. At the same time, the Belarusian folk dialects and the variability of the Belarusian literary language have a negative impact on the further development and status of the national language.

Keywords: Belarusian language; Russian language; languages of national minorities; national cultural policy; language policy; language situation; URSS; Belarusian Soviet Socialist Republic; Republic of Belarus

This article has been prepared as part of the work of Center for Studying Russian-Speaking Countries (CSRC) at Southwest University of China, the Ministry of Education of the People's Republic of China

For citation: Koloda S. A. Soviet policy of “indigenization” and its influence on the language situation in Belarus. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11):23-45. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-23-45>

Белорусская социолингвистика – одна из малоизученных областей белорусистики, особенно по сравнению с общим количеством исследований, посвященных различным аспектам белорусского языка. Внешняя стабильность языковой ситуации в современной Беларуси, отсутствие конфликтов на языковой почве, достаточно благополучное сосуществование и функционирование белорусского и русского языков, связаны не только с советским, но и с более отдаленным историческим прошлым страны. Реальная языковая ситуация является результатом языковой политики государства. Языковая политика, в свою очередь, составляет важнейший компонент национальной политики в многонациональных государствах и благодаря этому становится системообразующим фактором, определяющим общественные и политические процессы в той или

иной стране, отсюда обратное воздействие языковой политики на государство. Поэтому так важно понимать как языковая ситуация, ее изменение в результате языкового планирования может повлиять на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Языковая ситуация в современной Беларуси не является столь напряженной и взрывоопасной как в соседней Украине. Не было на протяжении всей, пусть и не очень долгой, истории Республики Беларусь значимых межнациональных или межрегиональных столкновений на языковой почве как это можно было наблюдать после распада СССР: открытые языковые конфликты (Молдова), латентные национально-языковые конфликты в Эстонии, Латвии, Литве, Украине и других союзных республиках бывшего СССР. Но при этом в разные годы на белорусских террито-

риях официальными или государственными провозглашались разные языки: русский и старобелорусский (как язык деловых бумаг) – в Великом княжестве Литовском (*далее ВКЛ*), польский – в период Речи Посполитой, русский, белорусский, польский и идиш – во время Белорусской ССР (БССР), и наконец, белорусский и русский – в современной Республике Беларусь (*далее РБ*). Тем более интересным становится опыт белорусской языковой политики и особенности языкового строительства на современном этапе. Проследить этот опыт нам кажется перспективным не только в синхроническом, но и в диахроническом аспектах.

Цель статьи – провести анализ основных этапов и результатов языкового строительства в Белоруссии в период реализации национально-культурной политики в СССР в 20-30-е гг. XX в. и проследить влияние языковой политики периода «коренизации» на становление языковой ситуации в современной Республике Беларусь.

Белорусский язык (*далее БЯ*) – один из трех восточнославянских языков. Государственный язык Республики Беларусь (наравне с русским). Также он является вспомогательным языком в некоторых муниципалитетах Польши. Общее число говорящих на нем составляет около 7–8 млн чел. Предком белорусского современного языка являются народные говоры, на которых говорили обычные жители тех земель –

крестьяне. Самоназвание у него было «прóстая мова». На его основе в конце XIX – начале XX века был создан современный литературный белорусский язык. Впервые официальное признание современный белорусский язык приобретает в Белорусской Народной Республике (БНР), которая существовала на части территории современной РБ с 25 марта по 3 декабря 1918 г. БЯ сформировался относительно недавно, во второй половине XIX века. Первая грамматика этого языка была создана 1918 г. в Санкт-Петербурге университетским преподавателем древнегреческого и латинского языков Брониславом Тарашкевичем. Особенностью современного языка является неустойчивость его литературных норм. Это связано с наличием двух вариантов литературного языка и орфографии, так называемой тарашкевицы – варианта белорусского языка в области нормы, официально действовавшего до реформы 1933 г. и второго варианта, реформы языка, осуществленного в 1933-1957 гг. Официально тарашкевица в Беларуси не признана, но многие пишущие на ней авторы, полагают, что она лучше отражает специфику белорусского языка. Часть белорусской интеллигенции осуждает реформу правописания 1933 г. и критически относится к нормам современной белорусской орфографии. В последнее время происходит расшатывание литературной нормы и в самой Белоруссии, как под воздей-

ствием тарашкевицы, так и из-за отсутствия достаточного контингента постоянных носителей этой нормы [Падлужны, 1998]. В ситуациях повседневного общения БЯ в дореформенном варианте используется очень малочисленной группой людей, главным образом потомственных горожан с высшим образованием [Лисковец, 2006]. В иных слоях населения БЯ используется главным образом в форме различных диалектов, активно применяемых в сельской местности. Б. В. Коряков также отмечает, что белорусский литературный язык отличается существенной вариативностью, что связано как с относительно недолгой историей языка, так и с опорой на диалекты [Коряков, 2020a].

Языковая ситуация в Беларуси интересна во многих аспектах. Во-первых, это единственное постсоветское государство, где русский язык признан государственным наравне с национальным языком, во-вторых, для многих жителей Беларуси характерна тенденция в определении национальной и языковой самоидентификации по разным этническим проявлениям, то есть родным языком они признают белорусский, но в коммуникации используют чаще русский (в официальном и бытовом общении) либо пользуются «трасянкой» (в семейном и неофициальной сферах). По данным переписи населения 2019 года, 5 094 298 жителей Беларуси указали в качестве родно-

го языка белорусский и 3 983 765 – русский [Белстат].

Присоединяясь к мнению Юйций Пань и А. А. Лукашенец, отметим уникальность современной языковой ситуации в Беларуси [Пань, 2021]. Характерными особенностями ее является то, что, во-первых, государственное двуязычие при наличии превосходящего большинства титульной нации (84,9 % населения – белорусы по национальности); во-вторых, государственными являются близкородственные языки одной языковой группы; в-третьих, отсутствие одноязычных анклавов; и наконец, значительное преобладание во всех сферах общения русского языка над языком титульной нации, белорусским. При этом в стране не наблюдается сколько-нибудь существенных проявлений «языковых войн» или общественных и гражданских противостояний на языковой почве. Попробуем разобраться, что лежит в таком особенном языковом сознании белорусов и как повлияли на такую языковую ситуацию предшествующие этапы развития языка и предыдущего языкового строительства, осуществленного в СССР.

В данной статье под языковой ситуацией мы понимаем «... лингвогеографическое единство идиомов, которые соприкасаются в границах социума и взаимодействуют между собой, и функциональные отношения между этими идиомами на определенном этапе существо-

вания данного языкового сообщества» [Беликов, 2001, с. 26].

Согласно статье 2 обновленного закона «О языках в Республике Беларусь», государственными языками республики являются белорусский и русский языки. «Русским свободно владеет до 80 % населения, на русском языке выходит основная часть газет и журналов, у русскоязычных изданий и наибольшие тиражи» [Арефьев, 2012, с. 40]. По данным Национального статистического комитета Белоруссии, в 2016 г. издано 7,6 тыс. книг и брошюр общим тиражом 17,1 млн экземпляров. БЯ используется в ряде СМИ (особенно в материалах, посвященных истории, краеведению, культуре Белоруссии), в художественной литературе. Литература на белорусском языке занимала в 2016 г. только 11,7 % в общем количестве выпущенной в республике издательской продукции и 16,2 % в ее совокупном тираже [Турчина]. Обязательным является его изучение в системе среднего образования. Существует возможность получения образования на БЯ на всей территории страны. Однако ситуация с высшим образованием на белорусском языке гораздо хуже: «... белорусский является языком обучения только на факультетах и кафедрах белорусского языка и литературы. На всех остальных факультетах преподавание ведется по-русски» [Коряков, 2002, с. 120].

Среди основных национальных групп белорусский язык наиболее распространён среди поляков (40,9 % используют в быту белорусский язык, а 50,9 % используют русский язык) и белорусов (23,4 % / 70,2 % соответственно). Наименее белорусский распространён среди евреев (2,0 % / 95,9 %) и русских (2,1 % / 96,5 %) [Население ... ; Белстат]. В том или ином виде белорусы используют языки стран-соседей: Украины, Польши, Литвы. Большинство представителей национальных меньшинств (кроме украинцев, поляков, евреев, татар и литовцев) вообще не использует белорусский язык в бытовом общении [Население ...]. Кроме русского и белорусского в РБ наиболее употребляемым является польский язык. И хотя он не имеет официального или регионального статуса, но используется в СМИ, открыты также школы с польским языком обучения. Украинский и литовский языки имеют распространение локально в отдельных областях республики.

Победившие в революции 1917 г. и в последующей гражданской войне большевики, в целях закрепления своей власти в национальных республиках и привлечения на свою сторону местного населения, провозгласили программу «коренизации». Одной из ее целей была замена русского языка на национальные в работе административных органов, в сфере образования и культуры. Также стави-

лась задача назначения на местах во всех органах власти национальных кадров или представителей титульной нации, но таких, которые бы хорошо владели национальным языком. Перед русскоязычными коммунистами, работавшими в национальных республиках, ставилась задача овладеть местными языками и отказаться от русского [Алпатов, 2015]. Ярким примером такого руководителя высшего органа власти был, назначенный в 1925 г. И. Сталиным на должность руководителя парторганизации Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), Лазарь Каганович. Он сразу проявил себя как сторонник активного проведения украинизации и именно при нем «украинизация по декрету» стала практической [Борисёнок, 2021]. Сам Л. Каганович, не владевший до своего назначения украинским языком, хорошо его выучил и настаивал на том, что все члены ВКП(б), работающие на Украине, должны им владеть. Именно при нем украинский язык утвердился в республике в статусе государственного. Этот язык многие не любили, не признавали родным, но учить и употреблять его вынуждены были все. Ведь замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» немедленно увольнялись. Именно в УССР в значительной степени проявился противоречивый характер национальной политики «коренизации». Это отразилось также и в языковой политике.

«Языковая политика периода коренизации являлась производной советского государственного устройства – провозглашения равноправия этносов в советской федерации, с одной стороны, и необходимости межэтнической коммуникации в полиэтнической социокультурной среде в рамках единого государственного пространства, с другой» [Борисёнок, 2017, с. 145]. Суть «коренизации», провозглашенной XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г. официальным курсом партии, заключалась в создании национальных элит и поддержке национальных языков и культур. Обратной стороной этого процесса зачастую становилось развитие дискриминационных практик по отношению к русским [Григорьев].

Политике «коренизации» даются очень разные оценки, даже прямо противоположные. Так, В. Б. Ласточкина считает, что советская политика «коренизации», проводимая в 20-е годы XX в., была направлена на исправление царского курса на русификацию, однако она не обошлась без перегибов и имела негативные последствия, вплоть до того, что через 70 лет привела к распаду СССР [Ласточкина, 2016]. Китайский ученый, ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук Лю Сяньжун пишет, что «советский опыт национальной политики не успешен, он отнюдь не нашёл способ, каким об-

разом укрепить и развить многонациональное государств...» [Лю, 2014, с. 48]. При этом он справедливо отмечают, что национальная политика советского государства этого времени получила высокую оценку у зарубежных ученых и советских диссидентов [Лю, 2014]. Немецкий исследователь А. Капеллер называет ее «золотым веком» советской национальной политики [Капеллер, 2000]. Многие исследователи отмечают, что в плане развития национальных языков и культур, становления высшего образования на национальных языках, появления алфавитов и развития письменности для языков, ранее ее не имевших, именно политика «коренизации» и связанное с ней языковое строительство в СССР оказало глубокое позитивное влияние на все сферы экономики и культуры в национальных республиках. Однако, недостаточно глубокое изучение специфики социальной и национальной жизни в разных республиках СССР, отсутствие у советских руководителей глубокого анализа происходящих процессов, отказ от привлечения ведущих специалистов к этой работе и их замена на неподготовленных идейных сторонников «линии партии» привела не только к перегибам, но и значительным ошибкам, давшим отголоски уже в современной истории постсоветских стран.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать «коренизацию» не как программу, а как

«кейс» с несколькими программами, где программы в отношении восточных славян отличны от таковых в отношении неславянских народов [Васильев, 2016]. Нам кажется это целесообразным, особенно в отношении языковой политики в БССР и УССР в 20–30-е гг.

Языковая политика как проводник большевистских идей и средства воздействия на многоэтничный социум являлась важнейшей частью советского национального проекта. Под термином «языковая политика» мы понимаем «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» [Словарь социолингвистических ... , 2006, с. 265]. Языковая политика советского государства стала, фактически, ведущим проявлением национально-культурной политики 20–30-х гг. XX в. в СССР. Как мы уже отметили, «коренизация» являлась кадровой политикой, заключавшейся в подготовке, выдвижении и использовании в национальных образованиях национальных кадров (в особенности из «титульных национальностей») для работы в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных

учреждениях. Такая форма национальной политики руководства СССР была реализована во всех советских национальных республиках. Но для начала «коренизации» прессы и делопроизводства необходимо было иметь достаточное количество квалифицированных национальных кадров, владеющих языками национальных меньшинств и разделяющих идеологию правящей власти. Не менее сложной оказалась проблема наличия учительских кадров, способных проводить обучение на национальном языке в той или иной советской республике. Прежде чем открывать национальные школы, необходимо иметь достаточное количество учителей, а таковых не было. Следует отметить, что задачей развития национальных языков было также предоставление возможности каждому гражданину СССР обучения на материнском языке вне зависимости от того, где он проживает. В архиве журнала «Просвещение национальностей» есть статья в которой отмечается: «... ставилась задача создания национальных школ для белорусов Сибири, для украинцев и белорусов Подмоскovie» [Алпатов, 2000, с. 115–116]. Так, если в царской России в 1900 г. свыше 90 % учащихся начальных школ получали образование на русском языке, то в советской России уже в 1925 г. эта доля уменьшилась на 1/3, а использование национальных языков в образовании значительно расширилось. Русский при

этом не был обязательным предметом в школах с обучением на национальных языках. Определенных успехов по внедрению обучения на национальных языках удалось добиться, прежде всего в УССР и БССР. Хотя и стоили эти успехи очень дорого для представителей русской нации, проживающей в этих советских республиках.

Так, если в 1920/1921 учебном году 2/3 всех школьников на территории советской Украины обучались на русском языке и лишь 1/3 – на украинском, то в 1925/1926 учебном году это соотношение стало прямо противоположным. Ещё через два года (в 1927/1928 г.) доля учащихся, посещавших украинские школы, возросла до 78 %. В ряде городов с традиционно значительным преобладанием русскоязычного населения (например, Одессе и Мариуполе) все школы были переведены на украинский язык обучения. Параллельно сворачивалась подготовка школьных учителей русского языка и литературы: в 1933/1934 учебном году были закрыты последние русскоязычные педагогические техникумы [Арефьев, 2012]. В 1926 г. приграничные с УССР районы Брянской, Воронежской, Гомельской губерний также стали переходить на обучение на украинском языке.

По данным советских статистических отчетов, «... в 1925 г. в школах 1 ступени (1–4 кл.) на белорусском языке обучалось 241,2 чел.» [Статистический справочник СССР,

1927, с. 32-33]. Пиком обучения школьников на родном языке стал 1932 г., когда в советских начальных и средних школах преподавание велось на 104 языках, в том числе некоторых мировых. Например, в РСФСР насчитывалось 414 школ с преподаванием на немецком языке, на Украине – 628 немецких школ, на Дальнем Востоке (в Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Владивостоке) действовали более 20 китайских школ и один китайский педагогический техникум, а всего в учебных заведениях Дальневосточного края обучалось около 4 000 детей китайских мигрантов. Доля школьников, обучавшихся на русском языке в национальных республиках, резко снизилась (например, на Украине она составляла в 1931/1932 учебном году всего 15,6 %) [Арефьев, 2012].

Национально-культурное строительство БССР получило название «белорусизация». Не вдаваясь в подробный анализ целей, причин, механизмов, преимуществ и недостатков белорусизации в целом, остановимся только на тех причинах, которые, на наш взгляд, повлияли на изменение языковой ситуации в этой национальной республике. Через белорусизацию государственного аппарата большевистское руководство надеялось приобрести сторонников среди белорусских крестьян. Именно в этих целях политико-просветительскую работу среди крестьян было решено вести на белорусском языке. При том, что

белорусы были в значительном своем большинстве жителями сел. В то время как городское население было представлено, в основном, русскими, евреями, поляками и для них основным языком межнационального общения был русским, а в семейном и бытовом общении – свои национальные языки.

Осуществление национальной политики в БССР проводилось в русле решений РКП(б) с учетом белорусских особенностей. Июльским 1924 г. пленумом ЦК КП(б)Б была определена конкретная программа по ведению национальной политики партии в Белоруссии, главным ядром которой являлась политика белорусизации, утвержденная 15 июля 1924 года 2-й сессией ЦИК БССР в постановлении «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» [Зеленкова, 2000]. Декрет 1924 г. объявил равноправие четырех основных языков республики: белорусского, русского, идиш и польского. Предусматривалось обеспечить организации работниками, владеющими языками национальных меньшинств, организовать ликвидацию неграмотности в области национальных языков, развитие образования на языках национальных меньшинств, перевод делопроизводство на языки национальных меньшинств, снабжение населения газетами на языках этих меньшинств. В новой газете на белорусском языке «Савецкая веска» должны были публиковаться материалы

на разных языках, а обязательные постановления – на четырех государственных языках одновременно. Символично, что на государственном гербе БССР с 1927 по 1938 гг. лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», был также написан на четырех языках республики одновременно. Т. И. Баталко отмечает, что политика белорусизации была необходима как для установления советской власти на территории БССР, так и для формирования национальной идентичности белорусов. Она дала возможность забытой и отсталой, в следствие долго включения Северо-Западных областей в состав Речи Посполитой и запрета на использование родного языка для реализации культуры и образования, нации приобрести свое первородное лицо. Это была первая значительная попытка духовного возрождения белорусов [Баталко, 2018]. Но просчеты в языковом строительстве, осуществляемые советской властью в 20–30-е гг. дали также определенный негативный эффект для дальнейшего развития языковой ситуации в Белоруссии. Жители этих земель постоянно на официальном уровне слышали русскую речь, русско-белорусские православные традиции, полуторавское совместное проживание двух славянских народов в одном государстве – Киевской Руси, усиленное распространение русской духовности царской властью на белорусских землях, вошедших в состав Российской империи в 1795 г. после

прекращения существования Великого княжества Литовского, имело решающее значение для языковой самоидентификации. Земли ВКЛ вошли в состав Российской империи как шесть губерний Белорусского и Литовского губернаторств. Эти территории также получили неформальное название Северо-Западный край. (Это название появляется при Николае I, запретившем использование названия Белоруссия [Пичета, 2016]). Все это стало объединяющими факторами для русской и белорусской духовной культуры. Многие историки указывают на такой факт, как не достаточный уровень национальной самоидентификации жителей этих территорий вплоть до XX века. В северных и восточных районах при ответе на вопрос о национальности многие сельские жители отвечали, что они «тутэйшыя», то есть «местные», при этом именно русский язык в официальной сфере довлел над ними. Но утверждение, что русский язык и русская культура полностью вытеснили белорусский, в корне не верны. Даже в тот период, когда территория белорусских земель была в составе ВКЛ, когда официальным языком был старославянский, когда в Речи Посполитой он был заменен на польский, культура народа все же оставалась национальной, белорусской. Она хранилась в устном народном творчестве, обрядах, традициях и в сохранении родного языка, пусть даже только в одной его форме – уст-

ной речи. Языковую особенность в Речи Посполитой на территории современной Белоруссии и Украины подчёркивал сотрудник Русского географического общества М. Лебедкин. Он писал: «Господствующим языком был русский, он сохранился до наших дней в этом крае в говорах белорусском и малороссийском» [Лебедкин, 1861, с. 137]. «Основным языком ВКЛ была прѳста мова (или русский язык). По отношению к современному белорусскому языку *прѳста мова* выступает как предшествующий этап его истории (по принятой в Беларуси лингвистической терминологии), а по отношению к современному украинскому как староукраинский литературный язык» [Мечковская, 2003, с. 23]. Если политика царской власти в вошедших в состав Российской Империи земель Речи Посполитой заключалась, преимущественно, в мерах по переходу населения из католицизма в православие, то большевики направляют свою деятельность в русло изменения языкового сознания, придавая языку некий атрибут веры. Таким образом, в период активного проведения белорусизации во второй половине 1920-х гг. отчетливо проявилось намерение властей Белорусской ССР приучить национальные меньшинства использовать, помимо родного языка, язык белорусский (но не русский). В этот период прослеживается тенденция расширения образования на языках национальных меньшинств.

В 1926/27 учебном году в республике было 439 русских школ из них 32 семилетних, 200 еврейских (53 семилетних), 136 польских (11 семилетних), 32 других национальностей (1 семилетняя); 1927/28 учебном году: 209 еврейских (61 семилетняя), 145 польских (2 семилетних), 136 русских (18 семилетних), 43 других национальностей (1 семилетняя) [Пушкин, 2018]. С целью подготовки кадров для национальных школ открывались польские и еврейские педагогические техникумы. Подготовку кадров для латышских национальных школ в БССР проводил Ленинградский педагогический техникум. Однако кадров все равно не хватало. Особенно не доставало их для развития национального образования в высшей школе и для формирования научной сферы на белорусском языке. Часто для решения этих задач, особенно для организационных процессов, привлекались кадры из Москвы и Ленинграда, которые не были этническими белорусами и не владели белорусским языком. Но при этом они очень ревностно относились к вопросу белорусского языкового строительства и внесли значительный вклад в развитие и становление белорусского языка как языка науки и образования. Примером может служить уже упомянутый нами В. И. Пичета, первый ректор Белорусского университета, имевший украинско-сербские корни. Важную роль в становлении Наци-

ональной академии наук, научных и высших учебных заведений БССР сыграли представители национальных меньшинств, проживавших в республике.

Главное место в структуре языкового взаимодействия в БССР принадлежало городам. Здесь языковая ситуация, помимо русского, была представлена иными языками. Большую часть городского населения Белорусской губернии составляли евреи, так как именно здесь проходила черта оседлости. В 1926 г. в городах проживало 63,3 % всего еврейского населения Белоруссии. Наибольшая концентрация евреев в городах в 1926 г. отмечалась в Минском (92,8 %), Витебском (93,1 %) и Гомельском (93,6 %) округах. [Розенблат]. Поэтому вполне естественно, что одним из государственных языков БССР был провозглашен еврейский язык – идиш. Кроме них, значительную часть населения городов составляли русские, поляки, немцы и их языки активно использовались в коммуникации, при этом языком межнационального общения был русский. После прихода советской власти и начала индустриализации, сельское население мигрирует в города. Перемещаясь в города, белорусы оказывались в русскоязычной среде и белорусский город так и не стал белорусскоязычным. В 1939 г. только 45,7 % городского населения назвало родным языком белорусский (белорусов в городах – 56,8 %), 38,8 % – русский (13,3 %),

12,9 % – еврейский (24,0 %), 1,8 % – украинский (3,2 %), 0,2 % – польский (1,3 %) [Национальный архив, л. 12]. Белорусские крестьяне в большинстве своем считали, что родной язык нужен для домашнего употребления, «здешних нужд и забав», а учиться нужно на «правильном» языке, который принесет больше пользы [Баталко, 2018]. Для них таким языком был русский и именно на нем они старались говорить, переезжая в город. Родители, продолжая говорить на родном белорусском, предпочитали дать детям образование на русском.

Прямого сопротивления новой национальной политике в области языкового строительства после окончания гражданской войны почти не было. Однако для ее проведения в Советской России, с 1922 г. в СССР было много объективных препятствий, из которых тогда всерьез осознавалось лишь одно: недостаточное развитие многих языков, часто не имевших ни письменности, ни стандартных норм. В некоторых национальных республиках «коренизация» шла достаточно благополучно, например, в Грузии и Армении из-за большей степени национальной однородности населения. В Средней Азии, например, Туркестане власти столкнулись с сопротивлением местного населения. Были и противники проводимого советским правительством языкового строительства. Партийный и административный аппарат советской Белоруссии также особо

не стремился к той степени коренизации, которая наблюдалась в УССР в эти же годы. Пропагандистские лозунги, перевод идеологии белорусизации исключительно в сферу образования и культуры привели к тому, что она пошла на самотек.

В марте 1933 г. нарком финансов республики А. Хацкевич, бывший председатель Нацкомиссии ЦИК БССР, признал, что по вопросам белорусизации и коренизации мы путались, «много глупостей наговорили, написали <...>, встречались с игнорированием, формальным отношением к белорусизации, т. к. в целом ряде учреждений перекладывали эту работу на машинисток...» [Национальный архив, л. 28, 30]. Процесс внедрения белорусизации в некоторых регионах также продемонстрировал пренебрежение реальной обстановкой и даже шёл вразрез с чаяниями национальных меньшинств посредством административных предписаний принудительного характера. Так, на выборах в Белорусской ССР жители примыкающих к РСФСР деревень выступили «против белорусификации школы». Некоторые еврейские деревни Смоленской области в 1927 г. выступали за то, чтобы официальные документы переводились на еврейский язык (*идиш* – С. К.), однако полагали, что сейчас это невозможно сделать [Ласточкина, 2016]. Отмечаются случаи откровенного саботажа как со стороны партийных работников, так и со

стороны школьных учителей и научной интеллигенции [Баталко, 2018].

Форпосты западнорусизма, очаги денационализации, города занимали позицию против повсеместного внедрения белорусского языка, в частности в системе образования. По свидетельству Владимира Ивановича Пичеты, основателя и первого ректора Белорусского университета, открытого в 1921 г. в Минске, даже сами белорусы были изначально против открытия национального университета, в котором преподавание должно было вестись на белорусском языке. Они считали, что белорусский язык недостаточно развит, чтобы на нем велось преподавание в высшей школе, а поскольку в университет были приглашены русские профессора из Москвы и Ленинграда, то и преподавание будет только на русском. Они настаивали, что для начала надо открыть начальные школы и строить национальную школу на этой базе. Тогда можно будет иметь кадры, которые знают национальный язык и университет будет действительно белорусским. Но сам профессор В. И. Пичета и его коллеги уже в 1923 г. начали читать лекции на белорусском, показав тем самым, что этот язык может выполнять все коммуникативные функции, в том числе быть языком науки. С этого момента «дело белорусизации быстро пошло» [Пичета, 2016, с. 50]. Постепенно в Минске и других городах открываются библио-

теки, появляется первый национальный театр, начинается развитие белорусской национальной литературы.

Начавшая давать определенные плоды система обучения на национальных языках была скорректирована во второй половине 1930-х гг. В. М. Алпатов совершенно справедливо подчеркивает: «Курс двух первых послереволюционных десятилетий, направленный на удовлетворение потребности идентичности всех народов, при всей своей привлекательности и гуманности противоречил объективной ситуации. На том уровне развития, на котором тогда находился СССР, потребность взаимопонимания была главной» [Алпатов, 2000, с. 97]. Основным языком межнационального общения в СССР должен был оставаться русский. При этом выпускники школ национальных республик, в том числе БССР и УССР, не знали русского языка в достаточной степени, чтобы продолжить обучение в вузах столицы и крупных городов. Но руководство страны не пошло путем признания собственных ошибок в целях и методах коренизации, а объявило национальные школы очагом «национально-буржуазного влияния на детей», тем самым давая свободу для жесткого искоренения теперь уже образования на родных языках.

Е. Ю. Борисёнок отмечает 13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении

русского языка в школах национальных республик и областей», в котором подчеркивалось, что необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктуется тремя основными мотивами. Прежде всего, «... в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту» [Борисёнок, 2017, с. 159].

В конце 1930-х годов был взят курс на русификацию образовательных учреждений, в связи с чем Совнарком принял постановление о постепенном переводе обучения на русский язык. Уже со второй половины 20-х гг. XX вв. начался процесс ее свертывания: борьба с «национал-уклонизмом», сужение границ инициативы в области национально-языкового строительства [Словарь ... , 2006, с. 98]. Протекционистские меры большевистского руководства предусматривали изменение статуса национального языка и культуры путем создания условий для их развития и внедрения в ранее недоступные сферы (в общественно-политическую жизнь, образование и науку, массовую коммуникацию и др.). Е. Ю. Борисёнок отмечает, что политика «коренизации» не только распространялась на «титильную» нацию той или иной республики, но и преду-

смаатривала меры по развитию культуры национальных меньшинств, причем осуществление прав национальных меньшинств велось в рамках создания особых национальных территориальных административных образований. Поддержка развития разных этносов и языков дополнялась сложной системой доминирования того или иного языка на определенном административном пространстве (национального сельсовета, района, республики, страны в целом) [Борисёнок, 2017].

В предвоенный период русские по национальности были прежде всего городскими жителями (в 1939 г. они составляли более 2/3 всех горожан). Это было связано во многом с процессами промышленного развития и более высоким уровнем образования и профессиональной подготовки русских по сравнению с целым рядом других народов СССР, находившихся на стадии доиндустриального общества. Белорусский оставался языком сельского населения, которое вплоть до 1970-х годов было большинством, но это было низкостатусное большинство. И, соответственно, после сворачивания советской политики «коренизации» и началом активной борьбы против национальной идеологии в том числе в русле языковой политики, белорусский язык постепенно утрачивает свои позиции и становится языком низкого статуса. В XX в. белорусские города уже были практически исключительно русскоязычными, что в значительной

мере негативно повлияло на распространение белорусского языка. В целом, после окончания Великой Отечественной войны в 1945 г. значимость белорусского литературного языка существенно снизилась, в том числе из-за кардинальной смены целей языковой политики, проводимой в СССР. Однако он не утратил своих функций во всех сферах коммуникации и имел достаточно сильные позиции в среде белорусской интеллигенции в советский период. В начале 1989 года была проведена последняя общесоюзная перепись населения, результаты которой стали одним из ведущих аргументов при проведении в Белоруссии языковой политики начала 1990-х годов. Согласно данным, 65,6 % населения Белоруссии назвали белорусский своим родным языком, а еще 12 % утверждали, что свободно им владели [Коряков, 2002, с. 199].

С началом «перестройки» в СССР наблюдался подъём интереса государства к белорусскому языку. 26 января 1990 г. был принят закон «О языках в Белорусской ССР», придавший белорусскому языку статус единственного государственного языка в Белоруссии. Закон о языке предполагал полный перевод документооборота на белорусский до 2000 г. Фактически, мы видим, что белорусская языковая политика этого периода начала строиться на четких национальных основах и потребности к возрождению белорусской национальной

идентичности. После победы А. Г. Лукашенко на президентских выборах 1994 г. и инициированного им референдума о придании русскому языку статуса государственного наряду с белорусским (предложение поддержали 83,3 % принявших участие в референдуме), это положение было закреплено в Конституции Республики Беларусь в 1996 году. В современной Белоруссии, на наш взгляд, представлена единая языковая ситуация с несколькими подситуациями. Основная подситуация включает в себя русский и белорусский языки и промежуточные между ними формы речи. Другие подситуации представлены такими типами:

– «... на западе страны: к основным языкам добавляется польский и различные диалекты;

– на северо-западе: к основным языкам добавляются литовские говоры;

– на юго-западе страны, в Западном Полесье, где место белорусского языка занимают полесские говоры, структурно приближающиеся к украинскому языку» [Коряков, 2002б, с. 6];

– значительная часть сельского населения и отдельные жители областных центров и крупных городов в повседневном общении используют вариант белорусско-русского интер-языка – трасянку.

Русский язык в Белоруссии гораздо более однороден, но также представлен несколькими вариантами. Литературный русский в сво-

их письменной и разговорной формах распространен повсеместно, однако степень владения им варьируется от хорошего литературного языка, максимум с легкой белорусской интонацией, до сильно смешанной речи, которая уже скорее относится к трасянке (то есть смеси русского и белорусского языков). Как мы уже отмечали, в Белоруссии абсолютное большинство населения на бытовом уровне использует русский язык. При этом более 4/5 населения родным языком определяет белорусский. Налицо тенденция резкого роста популярности русского языка на протяжении последнего десятилетия за счет сокращения сферы применения белорусского.

Следует также обратить внимание на стремительную глобализацию языкового пространства Беларуси и включение иностранных языков, прежде всего английского, в сферы внутринациональной коммуникации. «Эти процессы затрагивают сферы образования, науки, бизнеса и т. д., что, с одной стороны, способствует расширению языковой компетенции белорусского общества и расширяет возможности международного сотрудничества в различных сферах, но, с другой стороны, таит в себе опасность вытеснения национального языка на этнокультурную периферию» [Лукашенец, 2019, с. 7]. Тем более, что подобный вариант развития языковой ситуации уже наблюдался с середины 30-х гг. XX в., когда по-

сле мощной белорусизации и начала развития коммуникативных функций БЯ, стал происходить такой же резкий возврат к употреблению и коммуникативному преобладанию русского языка.

Недостатки по внедрению белорусского языка как основного коммуникативного инструмента в Советской Белоруссии в 20-30-е гг. XX в. были связаны как с неумелым использованием принципов языкового планирования, так и с непониманием специфики формирования белорусского национального самосознания. Надо учесть тот факт, что для большевистского партийного аппарата белорусизация в значительной степени была политикой, необходимой для противодействия польскому влиянию. При этом мало учитывались реальные потребности населения, а больше следовали лозунгам, партийным идеям и целям партии большевиков. Своеобразие языковой ситуации современной Беларуси состоит в том, что при всей остроте языковой полемики, она не отягощена настоящим национальным антагонизмом. Межэтнического противостояния в Беларуси нет ни по язы-

ковому вопросу, ни по вопросу национальной идентификации. Вопрос о белорусском и русском языках решается внутри белорусского народа, составляющего почти из 80 % населения Республики. Внешнеполитические факторы, белорусско-российские государственные взаимоотношения играют хотя и важную, но все же вторичную роль. Даже недавние события 2020 г., связанные с выборами Президента Республики Беларусь не стали триггером для перевода языковой дискуссии в поле политической борьбы, как это имело место на Украине. Тот факт, что по прошествии 100 лет с начала белорусизации, 3/4 признанных в тот период государственных языков все еще занимают значимые позиции в языковой коммуникации белорусов, при этом нет административного и общественного подавления языков. Все свидетельствует не столько о взвешенной государственной политике, сколько о толерантном отношении граждан РБ друг к другу и их общем стремлении сохранить национальное согласие и мир в стране.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Москва : Краф. 2000. 224 с.
2. Алпатов В. М. Язык и общество в XXI веке // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция Москва, 16–19 сентября 2014 г. Москва : Институт языкознания РАН, 2014. С. 12–24.
3. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74, № 1. С. 3–10.
4. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.

5. Баталко Т. И. Особенности национально-культурной политики белорусизации (психологический аспект) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 93-100.
6. Беликов В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
7. Белстат: для 61,2 % белорусов родной язык – белорусский // БЕЛТА : сайт 2020.10 сент. URL: <https://www.belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-belorususkij-406281-2020/>. (Дата обращения: 27.01.2021).
8. Борисёнок Е. Ю. Языковая политика УССР в условиях коренизации // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 144-164.
9. Борисёнок Е. Ю. Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине: апогей советской украинизации (1925-1928). Москва : Родина, 2021. 320 с.
10. БССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
11. Васильев И. Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. 2016. № 2. С. 185–194.
12. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
13. «В той же степени «искусственный» язык, что и русский»: мифы и правда о белорусской мове // Наука. URL: https://naukatv.ru/articles/pod_ugroznoj_ischeznoventiya_belorususkij_i_russkij_v_belorussii. (Дата публикации: 08.09.2020).
14. Григорьев Евгений. История коренизации // Историк. 2015. № 7-8. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn-p1ai/journal/7/istoriya-korenizatsii-81.html>. (Дата обращения: 04.03.2021).
15. Зеленкова А. И. Гомельщина многонациональная (20-30-е годы XX века). Вып. II / А. И. Зеленкова, М. И. Старовойтов. Гомель : БелГУТ, 2000. 155 с.
16. Капеллер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / пер. с нем. С. Червонной. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
17. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания. 2002а. № 2. С. 109–127.
18. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Москва, 2002б. 129 с.
19. Курьян З. С. Подходы к реализации национальной политики БССР в 20-е - 30-е годы (на примере Мозырского округа) // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы”: матэрыялы III міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 30.09 – 1.10. 2010 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны; рэдкал.: Р. Р. Лазько (адказны рэд.) [і інш.]. Гомель, 2010. С. 220-225.
20. Ласточкина В. Б. Национальная политика Советского государства в 1920-1930 годы // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 6. С. 45-48.

21. Лебедкин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Русского географического общества. Санкт-Петербург, 1861. Кн. III. С. 18–36.
22. Лисковец И. В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку. Санкт-Петербург, 2006. 22 с.
23. Лукашанец А. Праявы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму // Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне = Globalization and Slavic Word Formation : XVI Міжнар. з’езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018) : тэат. блок / [А. А. Лукашанец і інш. ; навук. рэд. А. А. Лукашанец] ; Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. кам. славістаў, Каміс. па славян. словаўтварэнні. Мінск, 2019. С. 4–15.
24. Лю Сяньчжун Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1. С. 41–49.
25. Мечковская Н. Б. Белорусский язык: социолингвистические очерки. München : verlag Otto Sanger, 2003. 156 с.
26. Население по национальности и языку, на котором обычно разговаривают дома. Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. 12.08.2010. URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf. (Дата обращения: 08.02.2022).
27. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 20. Д. 97.
28. Одиноченко В. Языковая ситуация в современной Беларуси. 2014.11.24. URL: <http://geopolitika.lt/?artc=7035>. (Дата обращения: 07.02.2022).
29. Падлужны А. І. Праблемы варыянтнасці беларускай літаратурнай мовы // Беларуская мова у другой палове XX стагоддзя. Мінск : БДУ, 1998. С. 28-326.
30. Пась Ю. Динамика языковой ситуации в Беларуси и белорусский язык в мире в контексте инициативы «Один пояс один путь» / Пась Ю., А. А. Лукашанец // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серія гуманітарных навук. 2021. Т. 66, № 2. С. 188–199.
31. Пичета И. И. «История белрусского народа довольно своеобразна». Доклад В. И. Пичеты «25-летие создания Белорусской СССР». 1944 г. // Исторический архив, 2016. № 13. С. 32-58.
32. Пушкин А. И. Формирование и развитие государственной политики БССР в отношении национальных общностей (1920–1930-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 115-124.
33. Розенблат Е. Евреи Беларуси: основные тенденции демографических изменений XX века / Е. Розенблат, И. Еленская. URL: https://idun.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15413/home_conferences/2015_Seminar_po_cerkovnym_knigam/preprinty_i_prezentacii/Rozenblat.pdf. (Дата обращения: 11.02.2022).
34. Словарь социолингвистических терминов. Москва : Институт иностранных языков, 2006. 312 с.
35. Статистический справочник СССР. 1927. ЦСУ СССР. Москва : Центр. стат. упр., 1927. С. 32-33.

36. Турчина И. Доля книг, издаваемых на белорусском языке, составляет 10-11 %. [DB/OL]. <https://news.tut.by/society/434177.html>. (Дата обращения: 11.02.2022).

Reference list

1. Alpatov V. M. 150 jazykov i politika = 150 languages and politics. 1917–2000. Moskva : Kraf. 2000. 224 s.

2. Alpatov V. M. Jazyk i obshhestvo v XXI veke = Language and society in XXI century // Jazykovaja politika i jazykovye konflikty v sovremennom mire. Mezhdunarodnaja konferencija Moskva, 16–19 sentjabrja 2014 g. Moskva : Institut jazykoznanija RAN, 2014. S. 12-24.

3. Alpatov V. M. Jazykovaja politika v Rossii i mire = Language policy in Russia and the world // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2015. T. 74. № 1. S. 3–10.

4. Aref'ev A. L. Russkij jazyk na rubezhe XX–XXI vekov = The Russian language on the turn of XX–XXI centuries. Moskva : Centr social'nogo prognozirovanija i marketinga, 2012. 482 s.

5. Bataiko T. I. Osobennosti nacional'no-kul'turnoj politiki belorusizacii (psihologicheskij aspekt) = Specifics of the national cultural policy of Belarusization (psychological aspect) // Narody i religii Evrazii. 2018. № 1 (14). S. 93-100.

6. Belikov V. I. Sociolingvistika = Sociological linguistics : uchebnik dlja vuzov / V. I. Belikov, L. P. Krysin. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. 439 s.

7. Belstat: dlja 61,2 % belorusov rodnoj jazyk – belorusskij = Belstat: Belarusian is the native language for 61.2% of Belarusians // BELTA : sajt 2020.10 sent. URL: <https://www.belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-belorusskij-406281-2020/>. (Data obrashhenija: 27.01.2021).

8. Borisjonok E. Ju. Jazykovaja politika USSR v uslovijah korenizacii = Language policy of the UkrSSR in the conditions of indigenization // Sla-vjanskij al'manah. 2017. № 3-4. S. 144-164.

9. Borisjonok E. Ju. Stalinskij prokonsul Lazar' Kaganovich na Ukraine: apogej sovetskoj ukrainizacii (1925-1928) = Stalin's proconsul Lazar' Kaganovich in Ukraine: the apogee of Soviet Ukrainianization (1925-1928). Moskva : Rodina, 2021. 320 s.

10. BSSR = BSSR // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe). F. 1562. Op. 336. D. 257.

11. Vasil'ev I. Ju. Ukrainizacija i korenizacija: razlichie i shodstvo programm = Ukrainization and indigenization: differences and similarities of programs // Istoricheskij format. 2016. № 2. S. 185–194.

12. Vahtin N. B. Sociolingvistika i sociologija jazyka = Sociolinguistics and language sociology / N. B. Vahtin, E. V. Golovko. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaja Akademija, Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 2004. 336 s.

13. «V toj zhe stepeni «iskusstvennyj» jazyk, chto i russkij»: mify i pravda o belorusskoj move = “Just as 'artificial' as the Russian language”: myths and truth about the Belarusian language // Nauka. URL: https://naukatv.ru/articles/pod_ugroz_izscheznoventiya_belorusskij_i_russkij_v_belorussii. (Data publikacii: 08.09.2020).

14. Grigor'ev Evgenij. Istorija korenizacii = Grigoriev Evgeny. History of indigenization // Istorik. 2015. № 7-8. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn-p1ai/journal/7/istoriya-korenizatsii-81.html>. (Data obrashhenija: 04.03.2021).

Советская политика «коренизации» и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси 43

15. Zelenkova A. I. Gomel'shhina mnogonacional'naja (20-30-e gody XX veka). Vyp. II = Multinational Gomel'shchina (20s-30s of the XX century). Issue II / A. I. Zelenkova, M. I. Starovojtov. Gomel' : BelGUT, 2000. 155 s.
16. Kapeller A. Rossija – mnogonacional'naja imperija: vzniknovenie, istorija, raspad = Russia as a multinational empire: origin, history, disintegration / per. s nem. S. Chervonnoj. Moskva : Progress-Tradicija, 2000. 342 s.
17. Korjakov Ju. B. Jazykovaja situacija v Belorussii = Linguistic situation in Belarus // Voprosy jazykoznanija. 2002a. № 2. S. 109–127.
18. Korjakov Ju. B. Jazykovaja situacija v Belorussii i tipologija jazykovyh situacij = Linguistic situation in Belarus and linguistic situations typology. Moskva, 2002b. 129 s.
19. Kur'jan Z. S. Podhody k realizacii nacional'noj politiki BSSR v 20-e - 30-e gody (na primere Mozyr'skogo okruga) = Approaches to national policy of the BSSR in the 1920s-30s (the example of the Mozyr district) // Belarus' i susedzi: gistorychnyja shljahi, uzaemadzevanje i ŷcaemaŷplyvy": matjeryjaly III mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi, Gomel', 30.09 – 1.10. 2010 g. / Gomel'ski dzjarzh. un-t. imja F. Skaryny; rjedkal.: R. R. Laz'ko (adkazny rjed.) [i insh.]. Gomel', 2010. S. 220-225.
20. Lastochkina V. B. Nacional'naja politika Sovetskogo gosudarstva v 1920-1930 gody = National policy of the Soviet state in the 1920s and 1930s // Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. № 6. S. 45-48.
21. Lebedkin M. O plemennom sostave narodonaselenija Zapadnogo kraja Rossijskoj imperii = On the tribal composition of the population in the Western Region of the Russian Empire // Zapiski Russkogo geograficheskogo obshhestva. Sankt-Peterburg, 1861. Kn. III. C. 18–36.
22. Liskovec I. V. Russkij i belorusskij jazyki v Minske: problemy dvujazychija i otnoshenija k jazyku = Russian and Belorussian in Minsk: problems of bilingualism and attitudes to the language. Sankt-Peterburg, 2006. 22 s.
23. Lukashanec A. Prajavy moŷnaj glabalizacyi ŷ slavjanskim slovaŷtvarjenni: sutnasc', mashtab i ŷplyŷ na sistjemu // Glabalizacyja i slavjanskae slovaŷtvarjenje = Globalization and Slavic Word Formation : XVI Mizhnar. z'ezd slavistaŷ (Serbija, Bjalgrad, 19–27.08.2018) : tjemat. blok / [A. A. Lukashanec i insh. ; navuk. rjed. A. A. Lukashanec] ; Nac. akad. navuk Belarusi, Belarus. kam. slavistaŷ, Kamis. pa slavjan. slovaŷtvarjenni. Minsk, 2019. S. 4–15.
24. Lju Sjan'chzhun Pljusy i minusy politiki «korenizacii» SSSR v 1920-e gody = Pros and cons of the “indigenization” policy in the USSR in the 1920s // Ojkumena. 2014. № 1. S. 41–49.
25. Mechkovskaja N. B. Belorusskij jazyk: sociolingvističeskie očerki = The Belarusian language : Sociolinguistic sketches. München : verlag Otto Sanger, 2003. 156 s.
26. Naselenie po nacional'nosti i jazyku, na kotorom obyčno razgovarivajut doma. Perepis' naselenija Respubliki Belarus' 2009 g. 12.08.2010 = Population by nationality and language commonly spoken at home. Population Census in the Republic of Belarus 2009. 12.08.2010. URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf. (Data obrashhenija: 08.02.2022).

27. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 4p. Op. 20. D. 97 = National archives of the Republic of Belarus (NARB). F. 4p. Op. 20. D. 97.
28. Odinochenko V. Jazykovaja situacija v sovremennoj Belarusi. 2014.11.24 = Linguistic situation in modern Belarus. 2014.11.24. URL: <http://geopolitika.lt/?artc=7035>. (Data obrashhenija: 07.02.2022).
29. Padluzhny A. I. Problemy varyajantnasci belaruskaj literaturnaj movy // Belaruskaja mova u drugoj palove XX stagoddzja. Minsk : BDU, 1998. S. 28-326.
30. Pan' Ju. Dinamika jazykovej situacii v Belarusi i belorusskij jazyk v mire v kontekste iniciativy «Odin pojas odin put'» = Language dynamics in Belarus and the Belarusian language in the world in the context of the “One Belt, One Road” initiative / Pan' Ju., A. A. Lukashenec // Vesci Akademii navuk Belarusi. Serija gumanitarnyh navuk. 2021. T. 66, № 2. S. 188–199.
31. Picheta I. I. «Istorija belrusskogo naroda dovol'no svoeobrazna». Doklad V. I. Pichety «25-letie sozdanija Belorusskoj SSSR». 1944 g. = “The history of the Belarusian people is quite peculiar”. V. I. Picheta's report “The 25th anniversary of the Belorussian SSR creation”. 1944 // Istoricheskij arhiv, 2016. № 13. S. 32-58.
32. Pushkin A. I. Formirovanie i razvitie gosudarstvennoj politiki BSSR v otnoshenii nacional'nyh obshhnostej (1920–1930-e gg.) = Formation and development of the BSSR state policy in relation to national communities (1920-1930s) // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3 (37). S. 115-124.
33. Rozenblat E. Evrei Belarusi: osnovnye tendencii demograficheskikh izmenenij XX veka = Jews in Belarus: the main trends of demographic changes in XX century / E. Rozenblat, I. Elenskaja. URL: https://idun.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15413/home_conferences/2015_Seminar_po_cerkovnym_knigam/preprinty_i_prezentacii/Rozenblat.pdf. (Data obrashhenija: 11.02.2022).
34. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov = Dictionary of sociolinguistic terms. Moskva : Institut inostrannyh jazykov, 2006. 312 s.
35. Statisticheskij spravocnik SSSR = USSR statistics reference book. 1927. CSU SSSR. Moskva : Centr. stat. upr., 1927. S. 32-33.
36. Turchina I. Dolja knig, izdavaemyh na belorusskom jazyke, sostavljaet 10-11 % = The percentage of books published in Belorussian is 10-11%. [DB/OL]. <https://news.tut.by/society/434177.html>. (Data obrashhenija: 11.02.2022).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 31.01.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-46-59

**Переводы и исследования творчества В. Распутина
и русской деревенской прозы в Китае**

Чжао Ян

Доктор филологических наук, доцент факультета русского языка
Нанкинского университета, г. Нанкин.
yangyang.els@163.com, <http://orcid.org/0000-0003-4232-1307>

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор переводов и исследований творчества В. Распутина и русской деревенской прозы в Китае. Автор отмечает, что русская «деревенская проза» и творчество крупнейшего писателя этого направления Распутина обладают незаурядными художественными характеристиками и оказывают важное влияние на китайскую современную и новейшую литературу. В статье подробно рассматриваются основные этапы изучения творчества Распутина и «деревенской прозы» в китайском литературоведении, а также излагаются и комментируются различные исследовательские точки зрения китайских ученых. В статье выделяется три этапа в исследовании данного явления русской литературы: первый этап – 1980–1990-е годы, когда китайские литературоведы сосредотачивали внимание на этической проблематике и вопросах национального характера, усматривая в деревенской прозе попытку духовного спасения и возрождения национального самосознания; второй этап – с 1990-х до первого десятилетия XXI века, когда в период «реформ и открытости» в Китае обострились противоречия между городскими и сельскими районами в Китае, и многие современные китайские писатели выражали в своих произведениях призыв к защите национальной культуры, что вызвало их закономерный интерес к творчеству В. Распутина этого периода, изображающих ожесточенное столкновение национальной культуры и западной цивилизации в период социальных преобразований и, наконец, третий этап, начало XXI века, когда китайские исследования русской

деревенской прозы получают множество новых направлений и перспектив (компаративистские и нарратологические исследования).

Ключевые слова: русская литература XX века; «деревенская проза»; В. Распутин; национальный характер; национальная культура; национальное самосознание; китайское литературоведение; сравнительный анализ

Данная статья выполнена в рамках Цзянсуского социально-научного исследовательского проекта «Взаимоотношения между культурным восстановлением в новой русской прозе и литературной традицией» (номер проекта: 18WWB007)

Для цитирования: Чжао Ян Переводы и исследования творчества В. Распутина и русской деревенской прозы в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 46-59. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-46-59>

PHILOLOGY

Original article

Translations and studies of V. Rasputin and Russian rural prose in China

Zhao Yang

Doctor of philology, associate professor of the Russian language faculty,
Nanjing University, Nanjing
yangyang.els@163.com, <http://orcid.org/0000-0003-4232-1307>

Abstract. The article presents an analytical review of translations and researches of V. Rasputin's works and Russian rural prose in China. The author notes that Russian “rural prose” and the work of the major writer of this genre, Rasputin, have outstanding artistic characteristics and have an important influence on Chinese modern and contemporary literature. This article discusses in detail the main stages of studying Rasputin's work and “rural prose” in Chinese literary criticism, as well as outlines and comments on the various scientific points of view of Chinese scholars. The article identifies three stages in studying this phenomenon of Russian literature: the first stage - 1980s-1990s, when Chinese literary scholars focused on ethical issues and issues of national character, seeing in the rural prose an attempt at spiritual salvation and the revival of national consciousness. The second stage is from the 1990s to the first decade of XXI century, in the period of “reform and opening up” in China when contradictions between urban and rural areas were intensified, and many modern Chinese writers expressed in their works a call to protect national

culture, which caused their natural interest in V. Rasputin's works, depicting the fierce clash of national culture and Western civilization in the period of social transformations. Finally, the third stage is the beginning of the 21st century, when Chinese studies of Russian rural prose gain many new directions and perspectives (comparativist and narratological studies).

Keywords: Russian literature of the 20th century; “rural prose”; V. Rasputin; national character; national culture; national identity; Chinese literary criticism; comparative analysis

This article has been written as part of the Jiangsu social science research project “The relationship between cultural revival in new Russian prose and literary tradition” (project number: 18WWB007)

For citation: Zhao Yang Translations and studies of V. Rasputin and Russian rural prose in China. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11): 46-59. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-46-59>

1. Исследования «деревенской прозы» в 1980-е и 1990-е годы

Знакомство китайских читателей с В. Распутиным произошло в начале 1980-х гг. В 1982 г. Ван Найчжо впервые перевел для читателей произведения В. Распутина «Последний срок», «Живи и помни», «Деньги для Марии» и «Прощание с Матёрой». В 1986 году Сюй Чжэнья перевел распутинский «Пожар» и опубликовал в журнале «Лотос». С тех пор одно за другим переводились на китайский язык и другие произведения Распутина, такие как «Вниз и вверх по течению», «Век живи – век люби», «Что передать вороне?», «Наташа», «Встреча», «Не могу...» и т. д. Благодаря переводу и распространению в Китае произведений Распутина китайские ученые стали понимать и обращать внимание на русскую «деревенскую прозу», бы-

ли переведены и опубликованы такие знаковые произведения «деревенской прозы», как «Районные будни» В. Овечкина, «Матренин двор» А. Солженицына, «Братья и сестры» Ф. Абрамова, «Привычное дело» В. Белова. Произведение «Районные будни» в переводе известного китайского писателя Лю Биньяня сделало В. Овечкина очень известным среди китайских читателей. «Сельская местность» также стала образцом для подражания самого писателя Лю Биньяня в его творчестве. Таким образом, схожие творческие темы и критика темной стороны общества дали основания называть Лю Биньяня своего рода «китайским Овечкиным».

Очевидно, что творчество Распутина и влияние русской «деревенской прозы» на китайское общество и современную ему литературу, несомненно, тесно связаны с

общими социально-историческими факторами той эпохи. М. Шолохов широко известен в Китае, но его первым произведением, оказавшим большое влияние на современных ему китайских писателей, был не «Тихий Дон», а «Поднятая целина», возможно, из-за явных параллелей между «коллективизацией сельского хозяйства», проводившейся в советской деревне в 1930-х гг., и сходными процессами в Китае в 1950-е гг. Политические и исторические сближения обусловили сильный интерес китайских писателей к Шолохову и русским писателям – представителям «деревенской прозы».

Конечно, популярность советской литературы в Китае обусловлена не только политическими и историческими причинами. Помимо некоторых произведений, в определенной степени приукрашивающих действительность, мы находим в творчестве представителей русской «деревенской прозы» такие замечательные произведения с огромной силой художественной достоверности, как «Матренин двор» А. Солженицына, где автор сосредотачивает свою художественную точку зрения на доме обыкновенной крестьянки, в котором отразились искренность, доброта и стойкость русского народа и жестокость общества. Не случайно известный ученый и исследователь из Китайской академии общественных наук Хоу Вэйхун, рассматривая символическое значение сюжетов и

тематических вариаций произведений «деревенской прозы» считает, что вся «деревенская проза» происходит от «Матрениного двора» [侯玮红, 2014, с. 127]. По мнению китайских ученых, в русской «деревенской прозе» есть много важных и замечательных черт. В первую очередь китайские литературоведы отмечали, что представители «деревенской прозы» стремятся поэтически выразить повседневную жизнь простых крестьян. По этой причине, как считает исследователь Чжао Ян, «писатель преднамеренно выражает условия жизни главных героев (внутренний мир, отношения человека-человека, человека-природы) и типичные черты русской нации с древнейших времен, что в известной мере отражает русский менталитет и культурное самосознание» [赵杨, 2014, с. 43], поэтому писатели не жалели сил, чтобы выразить любовь людей к своей Родине и их ностальгию по древним обычаям. Например, в таких произведениях, как «Прощание с Матерой», «Последний срок» и «Пожар», В. Распутин всегда обращал внимание на взаимоотношения человека, земли и природы, громко призывал вернуться к природе и защитить природу. Китайские литературоведы видят источники творческого вдохновения Распутина в предшествующих литературных традициях, утверждая, что он унаследовал творческий стиль И. Бу-

нина, К. Паустовского и М. Пришвина.

Кроме того, китайские ученые понимают, что важнейшим ориентиром для представителей «деревенской прозы» является исследование нравственных проблем. Главные герои Распутина такие как Анна, Дарья, Настёна и другие ярко воплощают нравственные идеалы писателя и прекрасные качества русского национального характера, отражают культурную психологию нации. Это как раз и есть душа русской «деревенской прозы», такое творчество представляет собой «не только литературное явление, но и явление философское, социальное, историческое, психологическое и даже эстетическое» [Белая, 1982, с. 38]. Писатели критиковали вырождение человеческой морали и призывали беречь традиционную национальную культуру. Главные герои, у которых обычно непростая судьба, обладают поэтически доброй человеческой натурой, способной остро чувствовать внутреннюю боль других и щедро делиться с ними своим душевным богатством. Подобные ценные качества нетрудно найти у В. Шукшина в его рассказах «Чудик», «Земляки», «Солнце, старик и девушка» и др. Китайские литературоведы считают, что именно благодаря этим благотворным нравственным изысканиям некоторые превосходные произведения «деревенской прозы» приобрели значение, выходящее за пределы

времени и пространства [赵杨, 2007, с. 58].

При исследовании творчества писателей «деревенской прозы» таких как Распутин китайские ученые сначала исходили из приоритетности нравственных проблем [周振美, 1991], и больше всего обсуждали вопросы морали и национального характера в своих произведениях. Позиция китайских исследователей в отношении русской деревенской прозы такова, что ее представители стремятся осмыслить национальные проблемы через исследование нравственных проблем и национального характера. Они ищут и воссоздают настоящих русских, которых нет нигде, кроме как в русских деревнях, и именно анализ их внутреннего мира и есть спасение и возрождение «национального самосознания»: подъем русской нации требует «доброты», «покорности», «стоицизма» и даже «смелости», «мудрости» и «самоанализа», а также сплочения духовной силы и единства всей нации. Поэтому в Китае некоторые исследователи, такие, например, как Ян Шихай, отмечали, что «произведениям Распутина свойственны нравственные изыскания, но под этой характеристикой скрывается настойчивое стремление к «сплочению и единству» [杨世海, 2012, с. 204].

Исследуя нравственную проблематику деревенской прозы, некоторые китайские ученые также рас-

сма тривали сходство и различие между В. Распутиным и его современником Ю. Трифоновым. Произведения Трифонова стали яркими образцами «городской прозы» благодаря описанию жизни простых горожан. Так, литературовед Цзян Липин отмечает: «Различия в творчестве двух писателей неоспоримы, но есть и нечто общее, то есть они оба исследуют нравственные проблемы человека» [姜丽萍, 2003, с. 61]. Важным для китайских исследователей был и тот факт, что В. Распутин – это не только писатель, но и общественный деятель, что придает его творениям более глубокую историческую перспективу и глубокий философский смысл. Можно сказать, что Распутин не случайно обратился к традиции и истоку русской нации – к крестьянам: это намерение искать импульс движения вперед в недрах народной жизни изначально таилось в его раннем творчестве.

2. Исследование «деревенской прозы» после 1990-х гг.

Следует отметить, что влияние русской «деревенской прозы» на китайскую литературу постепенно стало исчезать в конце 1980-х годов, но в начале 1990-х годов у китайских писателей вновь возродился интерес к русской «деревенской прозе». Период «реформ и открытости» принес в поле зрения китайцев западную культуру, и китайские ученые начали обращать внимание на Запад. Вместе с активизацией

реформ усилилось и противоречие между городскими и сельскими районами в Китае, а воздействие политики глобализации делало это противоречие все более и более очевидным. В таких условиях известные современные китайские писатели Фэн Цзицай, Цзя Пинва и другие выражали в своих произведениях призыв к защите национального самосознания и национальной культуры. В это время активно продолжался процесс перевода на китайский язык произведений В. Распутина. Профессора Жэнь Гуансюань и Лю Вэньфэй; перевели такие рассказы, как «Женский разговор» «Новая профессия», «Изба», «Нежданно-негаданно», «В больнице», «К вечеру», «На родине», и эти произведения, по мнению китайских литературоведов, ярко отражают судьбу национально-культурной традиции в период социальных реформ. Ожесточенное столкновение традиционных ценностей с западной научно-технической цивилизацией представлено как пессимистическая и безвыходная жизненная ситуация. Китайские литературоведы проводят параллель между теми героями Распутина, которые беспомощны в борьбе с жизненными трудностями, и «униженными и оскорбленными» людьми Ф. Достоевского. Хотя художественное мировоззрение Распутина все еще тяготеет к традициям, его гуманистический пафос и нравственные поиски делают его произведения наполненными глу-

боким философским содержанием. И такая интерпретация китайскими литературоведами творчества В. Распутина совпадает с культурной позицией некоторых китайских писателей, его популярность в Китае как представителя деревенской прозы обусловлена именно сходством культурной концепции в переломный период социальных реформ. В 2005 году повесть Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» получила в Китае премию «Лучший иностранный роман 21 века», а также вызвала стремление китайских ученых продолжить свои исследования русской деревенской прозы.

Во-первых, некоторые ученые рассматривали эволюцию творчества Распутина в 1990-х годах как своего рода рубеж, отмечая, что «творчество Распутина с 1990-х годов выявило более серьезные социальные проблемы, вызванные духовным кризисом: попрошайничество, разрыв в уровне благосостояния, безработица и преступность. Его произведения до 1990-х годов были совсем другими» [赵杨, 2006, с. 101]. Произведения до 1990-х годов в основном отражают исследование автором таких вечных вопросов, как жизнь и смерть, прошлое и будущее, развитие и прогресс через изображение сельской природы, культурного ландшафта, сельских обычаев, крестьянского характера, раскрывая нравственные проблемы человека в историческом развитии. В произве-

дениях после 1990-х гг. Распутин стал обращать внимание на социальную действительность и на жизненный уклад людей в городе, давать бескомпромиссную суровую оценку нравственной деградации всего общества. По мнению китайских исследователей, «первый Распутин» изобличает отдельные пороки в обществе, не обличая, впрочем, весь социальный строй в целом, второй же – гневно порицает «реформаторов» и полностью отрицает все общество. Если между ними и есть очевидная общность, так это то, что писатель все же всегда обращает внимание на нравственные проблемы людей в социальном контексте.

Другие исследователи творчества В. Распутина установили, что в творчестве Распутина после 1990-х гг., кроме моральных соображений, присутствовала и сильная, как утверждает, например, Ван Ешу, «религиозная направленность» [王焯姝, 2008, с. 46]. Дай Цзинлун отмечает, что «... писатель неустанно исследовал путь к духовному возрождению россиян, оказавшихся в бедственном положении, стремясь помочь людям «навести порядок в их сердцах» [戴经纶, 1993, с. 25]. Этот путь «спасения людских сердец» выражен в произведениях Распутина, по мнению Минь Цина, как «осознание религиозного возрождения» [闵晶, 2013, с. 212]. В рассматриваемых китайскими учеными произ-

ведениях Распутина идея религиозного возвращения стала духовным ориентиром и спасением для персонажей. В рассказе «В больнице» Носов, пытавшийся найти путь для будущего России, находил утешение в религиозных песнях; в «Новой профессии» Алеша проповедует, что Бог милостив, может дать людям счастье. В «Избе» героиня Агафья была похоронена по обычаям православной церкви, и на могиле был поставлен тяжелый листовенный крест. Здесь писатель намеренно подчеркивает тесную связь человека и веры, которую нельзя разорвать даже после окончания жизни.

Глубокое чувство исторической трагедии заставляет писателя, исследуя корни нации, проявлять глубокую привязанность к земле и неутолимую жажду Христа, источника добра. Эта искупительная ревность вдохновляла когда-то Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого и многих других великих писателей, а теперь на плечи Распутина снова легла миссия нравственного спасения. Поэтому некоторые китайские исследователи, например, Ван Пейин помещают творения Распутина в контекст русской истории и культуры, чтобы исследовать влияние религиозного сознания в русской национальной культурной традиции на творчество Распутина. Обращение писателя к религии направлено на поиск пути возвращения русских к духовности,

опираясь на дух Православной Церкви, чтобы получить силу воскресения и, наконец, достичь цели спасения души России» [王培英, 2006, с. 56]. Китайские исследователи распутинской религиозности утверждают, что обращение писателя к религии в широком смысле позволяет сделать сердца людей лучше и следовать духу, который выходит за пределы онтологии и конечного смысла, и в этом отношении распутинское «возвращение в религию», очевидно, состоит не только в том, чтобы осознать высшую ценность и смысл индивидуальной жизни, но и, самое главное, обрести возрождение и национального духа, основанного на «деревенских корнях».

3. Исследования творчества В. Распутина в первое десятилетие XIX века

Дискуссии китайских исследователей о русской «деревенской прозе» на примере В. Распутина в последние 10 лет уже не ограничивались такими известными вопросами, как «мораль, человек и природа, экологическая цивилизация, религиозное сознание». Исследовательские концепции китайских ученых становились все более широкими и разнообразными.

В области сравнительного литературоведения у некоторых ученых, исследующих феномен деревенской прозы, появляются новые исследо-

вательские перспективы. Одно из таких направлений – это сопоставление творческих индивидуальностей В. Шукшина, В. Астафьева и В. Распутина как коренных «сибирских» писателей, имеющих сходное происхождение и жизненный опыт, точки соприкосновения в различных мировоззренческих вопросах. Подобную исследовательскую стратегию мы видим в работах Сунь Тина, рассматривающего различные варианты описанного тремя писателями «сибирского текста»: статуса Сибири в русском культурном пространстве, ее особого географического положения, исторической культуры и экономического положения: «Они совместно писали жизненный опыт Сибири, и эта «литературная гетеротопия» в советском культурном пространстве, помимо отражения и представления действительности, представляет стремление к «децентрализации» единого общего дискурса» [孙婷, 2019, с. 28].

Еще одно направление компаративистского исследования творчества В. Распутина в китайском литературоведении – это сравнительное изучение Распутина и современных китайских писателей. Некоторые исследователи (например, Ли Цинной) считают, что проблема «город-деревня» является общей темой современного китайского писателя Лу Яо и В. Распутина, русской и советской литературы:

«Распутин и Лу Яо глубоко привязаны к своим родным городам. Они выступают против губительного воздействия цивилизации, они твердо отстаивают статус национальной традиционной культуры. Лу Яо также стремился к тому, чтобы китайская деревня как можно скорее интегрировалась в процесс модернизации, поэтому он выступил с критикой отсталости традиционной культуры» [李勤余, 2016]. Китайский литературовед Сюй Боян отмечает, что «сходный опыт сельской жизни, уникальные региональные культурные особенности и некоторые общие характеристики двух стран в процессе социальных преобразований сближают сибирских писателей, таких как Распутин, и китайских писателей, таких как Цзя Пинва, Лу Яо и Чэнь Чжунши и др., формируют очень схожее творческое видение и сближение эстетических вкусов, что делает их романы уникальными по значимости для сравнительного исследования» [许勃阳, 2018]. Поэтому некоторые исследователи берут в качестве примеров произведения сибирских писателей и писателей провинции Шэньси, чтобы обсудить их различные размышления и исследования по различным нравственным вопросам в переходный период общества, и сравнить их нравственные тенденции и эстетические идеалы, чтобы дать пред-

ставление о процессах в современном Китае.

Еще одним уникальным ракурсом является интерпретация китайскими учеными русской «деревенской прозы» и творчества Распутина с точки зрения теории нарратологии, что, например, предпринимает Чжао Хайся [赵海霞, 2021], соглашаясь с американским исследователем Петерсоном в том, что «письмо Распутина фактически вызывает давно забытую русскую классическую повествовательную традицию» [Peterson, 1994, с. 81].

Хоу Вэйхун, известный ученый Китайской академии общественных наук, рассматривает внутреннюю связь между мыслью западного Просвещения и современной русской «деревенской прозой» и констатирует, что «русская реалистическая литература после распада Советского Союза продолжала вносить новшества в условиях кризиса... Можно сказать, что русская литература по-прежнему играет важную роль в просвещении народа, продолжает предпринимать новые попытки исследовать путь свободы и будущее направление развития России. Возрождение «деревенской прозы» – свидетельство этой попытки» [侯玮红, 2014, с. 126].

Профессор Ван Чжигэн, известный ученый из Нанькайского университета, резюмировал значение образа «старых людей» в совре-

менной русской литературе с точки зрения «нарратива старости» и указал, что их утверждение смысла смерти в жизни близко русской национальной культурной концепции. В своей статье он показал, что для стариков в таких произведениях Распутина, как «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «В ту же землю» и др., переживание смерти на самом деле означает понимание жизни и нравственное совершенство» [王志耕, 2018].

Относительно творчества Распутина в его последние годы русский писатель Я. Проханов замечает, что противоречие между социальными потрясениями и потребностями людей определяет трагизм позднего творчества Распутина [Проханов, 2015]. Китайский ученый, профессор Ван Лидань также указывает в своем исследовании на глубокие противоречия в духовном мире писателя, что как раз и стало в какой-то мере дополнительным объяснением точки зрения Проханова: «Когда резкие перемены во внешнем мире стали необратимой данностью, когда стремление общества и страны к новому и изменениям стали необратимыми, писатель по-прежнему отстаивает последовательное стремление к нравственному идеализму и культурному консерватизму, что в итоге приводит к двойственности творческого мышления писателя, а также его пессимистическому мироощущению и

периоду молчания в последние годы его жизни» [王丽丹, 2019, с. 173].

Нельзя отрицать, что традиционные писатели, такие как Распутин, Белов и Астафьев, столкнувшись с огромным влиянием западной культуры, выдвинули такие лозунги, как «возрождение национального самосознания и поиск национальных корней», и создали множество превосходных образцов русской «деревенской прозы». Однако точно так же, как «славянофилы считали, что у России есть врожденное моральное преимущество перед Западом, русские писатели XX века, ориентированные на классические традиции, также признают славянскую нацию высшей нацией. Хотя они принадлежат к разным эпохам, националистические концепции, скрытые в их художественном мышлении, превосходили время и пространство России и до сих пор существуют в постоянно меняющемся мире» [赵杨, 2014, с. 153]. Поэтому в различные периоды существования русской «деревенской прозы» мы можем видеть народную культуру, народные представления о земле, православный дух и другие этнические традиционные культурные элементы. Очевидно, что культурный мотив деревни претерпел процесс трансформации от личного опыта к коллективному опыту и универ-

сальной семантике и теперь стала символом всей России. «Деревенская проза» была влиятельным направлением в истории русской литературы второй половины XX в., в ней не только непосредственно затрагивались вопросы крестьянской жизни, но и обсуждались вопросы, связанные с национальными проблемами, Россией и Западом в широком смысле. Исходя из этого, нам нетрудно понять, почему Распутин в своем последнем литературном произведении «Дочь Ивана, мать Ивана» создал более сильный и мощный образ русской женщины, чем в предыдущих произведениях. «Преступник» в романе – кавказский юноша, а искательница справедливости – типичная «русская мать» из деревни – такие совпадения неизбежно заставляют задуматься о глубоком недоверии и неприязни писателя к иностранцам.

Заключение

Нет сомнения, что «деревенский комплекс» и «национальное сознание», предложенные русской «деревенской прозой» в лице Распутина на фоне глобализационного течения мысли, всегда будут для нас способом продвижения и возрождения традиционной национальной культуры как ценного духовного ресурса. В последние годы несмотря на то, что исследования китайских ученых русской «деревенской прозы» были объединены общими

национальными, социальными и культурными проблемами, им все еще не хватает глубокого и широкого критического духа, особенно с теоретической точки зрения «национализма». Ввиду значительного влияния русской литературы на современных китайских писателей на протяжении длительного времени

всестороннее изучение творчества представителей русской «деревенской прозы» поможет китайским исследователям осмыслить мировое значение национальной культуры и преодолеть узкий культурный национализм и утрату национальных традиций.

Библиографический список

1. Белая Г. А. Философско-этическая проблематика современной прозы ... Гуманистический пафос советской литературы. Москва : Советский писатель, 1984. 384 с.
2. Проханов А. Распутин: Империя и народ // «Завтра», №12, 26 марта 2015 года.
3. Peterson D. E. "Samovar Life": Russian nurture and Russian nature in the rural prose of Valentin Rasputin [J]. The Russian Review, 1994 (1).
4. 侯玮红.启蒙与当代俄罗斯“乡村散文”[J]. 学习与探索,2014(№10)。
5. 赵杨.当代俄罗斯文学中的乡土意识与民族主义——以拉斯普京创作为例[M]. 南京大学出版社, 2014。
6. 赵杨.拉斯普京作品中的乡土意识[J]. 俄罗斯文艺,2007(№1)。
7. 周振美.评拉斯普京的道德探索[J].文史哲,1991(№4)。
8. 杨世海.揭示分裂, 追寻聚合统一——拉斯普京作品的深层内蕴[J].中南大学学报(社会科学版)·2012,18(№3)。
9. 姜丽萍.殊途同归——特里丰诺夫与拉斯普京道德探索之比较[J]. 俄罗斯文艺,2003(№6)。
10. 赵杨.《伊万的女儿,伊万的母亲》简论——兼评拉斯普京 90 年代以来的创作[J]. 当代外国文学, 2006 (№1) 。
11. 王焯姝.拉斯普京创作中的“东正教救世”意识[J]. 内蒙古民族大学学报(社会科学版)·2008(№4)。
12. 戴经纶译.瓦·拉斯普京:文学能帮助人……[J].苏联文学,1993(№3)。
13. 闵晶.拉斯普京的宗教意识[J]. 青年文学家, 2013(№5)。
14. 王培英.论拉斯普京创作中的宗教意识[J]. 北方论丛·2006 (№2) 。
15. 孙婷.苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间——以阿斯塔菲耶夫、拉斯普京和舒克申作品为例[J]. 俄罗斯文艺,2019(№1)。

16. 李勤余. 路遥与俄苏文学中的“乡村—城市”问题[D].华东师范大学, 2016。
17. 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说——以西伯利亚作家和陕西作家为例[D].西方外国语大学, 2018。
18. 赵海霞. “乡村散文”中的对象化空间解析[J].解放军外国语学院学报, 2021(№3)。
19. 王志耕. 当代俄罗斯文学中的“老年叙事”[J]. 中国社会科学报, 2018.4.12.
20. 王丽丹. 原型与变型: 瓦·拉斯普京创作思想的二重性[J]. 文学研究, 2019(№1)。

Reference list

1. Belaja G. A. Filosofsko-jeticheskaja problematika sovremennoj prozy ... Gumanisticheskij pafos sovetskoj literatury = Philosophical and ethical problems of modern prose ... Humanistic pathos of Soviet literature. Moskva : Sovetskij pisatel', 1984. 384 s.
2. Prohanov A. Rasputin: Imperija i narod = Rasputin: Empire and people // «Zavtra», №12, 26 marta 2015 goda.
3. Peterson D. E. “Samovar Life”: Russian nurture and Russian nature in the rural prose of Valentin Rasputin [J]. The Russian Review, 1994 (1).
4. 侯玮红. 启蒙与当代俄罗斯“乡村散文”[J]. 学习与探索, 2014(№10)。
5. 赵杨. 当代俄罗斯文学中的乡土意识与民族主义——以拉斯普京创作为例 [M]. 南京大学出版社, 2014。
6. 赵杨. 拉斯普京作品中的乡土意识[J]. 俄罗斯文艺, 2007(№1)。
7. 周振美. 评拉斯普京的道德探索[J]. 文史哲, 1991(№4)。
8. 杨世海. 揭示分裂, 追寻聚合统一——拉斯普京作品的深层内蕴[J]. 中南大学学报(社会科学版), 2012, 18(№3)。
9. 姜丽萍. 殊途同归——特里丰诺夫与拉斯普京道德探索之比较[J]. 俄罗斯文艺, 2003(№6)。
10. 赵杨. 《伊万的女儿, 伊万的母亲》简论——兼评拉斯普京 90 年代以来的创作[J]. 当代外国文学, 2006 (№1)。
11. 王焯姝. 拉斯普京创作中的“东正教救世”意识[J]. 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 2008(№4)。
12. 戴经纶译. 瓦·拉斯普京: 文学能帮助人……[J]. 苏联文学, 1993(№3)。
13. 闵晶. 拉斯普京的宗教意识[J]. 青年文学家, 2013(№5)。
14. 王培英. 论拉斯普京创作中的宗教意识[J]. 北方论丛, 2006 (№2)。
15. 孙婷. 苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间——以阿斯塔菲耶夫、拉斯普京和舒克申作品为例[J]. 俄罗斯文艺, 2019(№1)。
16. 李勤余. 路遥与俄苏文学中的“乡村—城市”问题[D].华东师范大学, 2016。
17. 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说——以西伯利亚作家和陕西作家为例[D].西方外国语大学, 2018。
18. 赵海霞. “乡村散文”中的对象化空间解析[J].解放军外国语学院学报, 2021(№3)。

19. 王志耕. 当代俄罗斯文学中的“老年叙事”[J]. 中国社会科学报, 2018.4.12.
20. 王丽丹. 原型与变型: 瓦·拉斯普京创作思想的二重性[J]. 文学研究, 2019(№1)。

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 19.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья
УДК 821.161.1+ 81'255
doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-60-67

**Художественное своеобразие первого перевода и издания пьес
И. Крылова в Китае**

Пэй Цзян

Аспирантка кафедры истории русской литературы филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.
pj725913.zyh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6100-2718>

Аннотация. Статья посвящена первому в Китае переводу пьес И. А. Крылова в Китае, изданному в 2020 г. Переводчик – Ли Чуньюй, преподаватель факультета иностранных языков Сямыньского университета. Это первая книга, представляющая китайским читателям творчество Крылова как драматурга. Как баснописец он давно и хорошо известен в Китае, но его драматические произведения Ли Чуньюй перевел впервые, причем он перевел все 13 пьес Крылова, в том числе три незавершенные пьесы. В статье рассматриваются некоторые особенности этих переводов, прежде всего – специфика переводческой трансформации заглавий, когда комическая опера «Кофейница» в переводе названа «Прорицательница», комедия «Проказники» – «Куры летают, а собаки прыгают», комедия «Пирог» – «Куриная котлета», а наиболее известная комедия Крылова «Урок дочкам» – «Французский маркиз» (так названа и вся книга). В статье объясняется, что названия пьес Крылова переводчик изменил не случайно, что сделанный им выбор является художественно оправданным и особенностями восприятия текста китайскими читателями, и с точки зрения истории русской литературы, когда название пьесы Крылова «Французский маркиз» (вместо «Урок дочкам»), по мнению переводчика, соотносится с названием знаменитой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Особое внимание в статье уделяется анализу серии книг «Золотая Россия», издание которых начато в 2014 году Народным издательством (Жэньминь чубаньшэ) провинции Сычуань под редакцией Ван Цзяньчжао, профессора Института иностранной литературы Пекинского университета иностранных языков, направленной на изучение и публикацию лучших произведений русской культуры для китайских читателей.

Ключевые слова: И. А. Крылов; книжная серия «Золотая Россия»; драматургия Крылова; переводчик Ли Чуньюй; комедия Н. В. Гоголя «Ревизор»

Для цитирования: Пэй Цзян Художественное своеобразие первого перевода и издания пьес И. Крылова в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 60-67. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-60-67>

Original article

Artistic originality of the first translation and publication of I. Krylov's plays in China

Pei Jiang

Postgraduate student, History of Russian literature department, Faculty of philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
pj725913.zyh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6100-2718>

Abstract. The article is devoted to the first translation of I. A. Krylov's plays in China, published in 2020. The translator is Li Chunyu, a lecturer at the Faculty of foreign languages of Xiamen University. This is the first book to introduce Chinese readers to Krylov as a playwright. As a fable writer he has long been well known in China, but his plays were translated for the first time by Li Chunyu, and he translated all 13 of Krylov's plays, including three unfinished ones. The article discusses some features of these translations, primarily the specifics of the title transformations, when the comic opera “The Coffee Lady” is translated as “The Soothsayer”, the comedy “Naughty Men” as “Chickens Fly and Dogs Jump”, the comedy “Pie” as “Chicken Cutlet”, and the most famous Krylov comedy “Lesson to Daughters” as “French Marquis” (the entire book is also called that). The article explains that the names of Krylov's plays were not changed accidentally, that the choice made by the translator is justified both by the peculiarities of the literary text perception by Chinese readers, and in terms of the history of Russian literature, when the title of Krylov's play “The French Marquis” (instead of “The lesson for daughters”), according to the translator, corresponds to the name of the famous comedy by N. V. Gogol “The Inspector General”. The article pays special attention to the analysis of the Golden Russia series of books, whose publication was launched in 2014 by the People's Publishing House (Zhenmin Chubanshe) of Sichuan province, edited by Wang Jianzhao, professor of the Institute of Foreign Literature at Beijing University of Foreign Languages, aimed at studying and publishing the best works of Russian culture for Chinese readers.

Keywords: I. A. Krylov; book series “Golden Russia”; Krylov's plays; translator Li Chunyu; Gogol's comedy “The Inspector General”

For citation: Pei Jiang Artistic originality of the first translation and publication of I. Krylov's plays in China. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11): 60-67. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-60-67>

Иван Андреевич Крылов хорошо известен в Китае как баснописец, но как драматурга его практически не знают. По данным Всекитайского библиотечно-справочного союза, сейчас в Китае существует более 30-и изданий различных переводов полного собрания басен Крылова (всех 9-и книг, то есть всех 198-и басен), а издания избранных басен исчисляются уже сотнями. Однако драматургия Крылова (как и его проза) оставалась неизвестной китайским читателям до самого недавнего времени. Первое издание пьес Крылова на китайском языке вышло в 2020 году под общим заглавием «Французский маркиз», и впервые знакомит китайских читателей с творчеством Крылова-драматурга.

Книга вышла в серии «Золотая Россия», начатой в 2014 году (когда в России в городе Сочи проходили Зимние Олимпийские игры). Эта книжная серия издается Народным издательством (Жэньминь чубаньшэ) провинции Сычуань под редакцией Ван Цзяньчао, профессора Института иностранной литературы Пекинского университета иностранных языков, и направлена на изучение «золотых слитков», которые находятся на плодородной почве русской культуры и которые только сейчас открывают для себя китайцы.

В 2017, 2018 и 2020 годах в серии «Золотая Россия» вышли три комплекта книг, в каждом – по 10 книг (всего на данный момент вышло 30 книг).

В 2017 г. были изданы книга А. И. Герцена «С того берега», произведения Зинаиды Гиппиус («Избранные стихотворения» и роман «Чёртова кукла»), Виктора Шкловского («Зоо, или Письма не о любви», «Третья фабрика» и «Марко Поло»), воспоминания Надежды Тэффи («Моя летопись»), сборники произведений Даниила Хармса («Голубая тетрадь») и Бориса Поплавского («Домой с небес»), сборники русских лирических стихотворений («Осенняя элегия») и современной русской прозы («Вернуться в Итаку»).

В 2018 г. в этой серии вышли сборники избранных стихотворений А. С. Пушкина («Я помню чудное мгновение»), В. В. Маяковского («Облако в штанах»), В. Ф. Ходасевича («Обо всем в одних стихах...»), рассказы и повести Фёдора Сологуба («Путь в Дамаск»), М. П. Арцыбашева («Роман маленькой женщины»), Андрея Платонова («Московская скрипка»), юмористические рассказы Аркадия Аверченко («Шутка мецената») и Надежды Тэффи («Брошечка»), стихотворения и проза Андрея Б-

лого («Золото в лазури» и «Записки чудака»).

В 2020 году – одновременно с пьесами Крылова – вышел сборник пьес русских писателей Серебряного века «Зеленое кольцо», а также «Бесы» Ф. М. Достоевского (новый перевод), сборники повестей и рассказов А. М. Ремизова («Неуёмный бубен») и М. М. Зощенко («Возвращённая молодость»), сборники стихотворений Анны Ахматовой («Мы не умеем прощаться ...») и Бориса Поплавского («Весна в аду»), роман Юрия Тынянова «Пушкин», книга «Жизнь Льва Шестова», написанная его дочерью Натальей Барановой-Шестовой, и один современный русский роман («Небо падших» Юрия Полякова).

В настоящее время ожидается выход 4-о и 5-о комплектов книг в серии «Золотая Россия» (в них тоже будет по 10 книг).

Дата выхода книги «Французский маркиз», сборника пьес Крылова, – 2020 год – это следующий после юбилейного для писателя 2019 года, когда отмечалось 250-летие со дня его рождения (тогда же исполнилось ровно 120 лет со времени появления первых басен Крылова на китайском языке – в 1899 году) [阿英, 1961].

Переводчиком всех пьес в этой книге является Ли Чуньюй, преподаватель факультета иностранных языков Сямыньского университета (ранее он перевел роман Даниила Гранина «Мой лейтенант» и сборник интервью с Валенти-

ном Распутиным и написал монографию «Творчество Лао Шэ в России»).

Книга вышла из печати в октябре 2020 года. Она содержит предисловие переводчика и 13 пьес Крылова – все его сохранившиеся драматические произведения, включая незавершенные. В книге они расположены по хронологии, по времени написания. Это комическая опера «Кофейница» (1783–1784) (под названием «Прорицательница»), трагедия «Филомела» (1786), комическая опера «Бешеная семья» (1786), комедия «Сочинитель в прихожей» (1786), комическая опера «Американцы» (1788), комедия «Проказники» (1788) (под названием «Куры летают, а собаки прыгают»), опера «Сонный порошок, или Похищенная крестьянка» (1798), шуто-трагедия «Подщипа, или Трумф» (1800), комедии «Пирог» (1799–1801) (под названием «Куриная котлета»), «Лентяй» (1800–1805), «Модная лавка» (1807), волшебная опера «Илья Богатырь» (1807) и комедия «Урок дочкам» (1807) (под названием «Французский маркиз»). В качестве заглавия всей книги переводчик взял свой перевод названия последней пьесы.

В предисловии Ли Чуньюй указал, что все переводы он сделал по текстам второго тома «Полного собрания сочинений» Крылова в трех томах, изданного в Москве Государственным издательством художественной литературы в 1945 году. Этот второй том, включающий всю

драматургию Крылова, подготовил к изданию Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951), известный советский ученый-литературовед [李春雨, 2020]. Он в хронологическом порядке расположил только 10 завершённых оригинальных пьес Крылова, а три пьесы поместил отдельно в конце книги, потому что классифицировал их как незавершённые, коллективно созданные или переведённые произведения («Лентяй», «Американцы» и «Сонный порошок, или Похищенная крестьянка»). В китайском переводе все пьесы Крылова расположены точно в соответствии со временем их написания, независимо от других факторов.

Названия четырех пьес Крылова в китайском переводе изменены: вместо «Кофейница» – «Прорицательница», вместо «Проказники» – «Куры летают, а собаки прыгают», вместо «Пирог» – «Куриная котлета», вместо «Урок дочкам» – «Французский маркиз». Эти замены, конечно, были сделаны не случайно.

«Кофейницу» переводчик заменил на «прорицательницу». Одна из причин заключается в стремлении к простоте, а другая – в том, чтобы передать читателям, что важным персонажем пьесы является человек, который живёт гаданием, потому что гадание на кофейной гуще совсем не существует в китайской культуре (принято гадать на черепащем панцире или специальных листьях). Однако в таком варианте

перевода, похоже, название утратило свой иронический смысл.

Название перевода «Проказников» – «Куры летают, а собаки прыгают» – связано с содержанием пьесы. В ней высмеиваются писатели, которые переписывают тексты других авторов и пользуются незаслуженной славой; кокетливые дамы, которые изменяют супругам; недобросовестные врачи, которые не ценят человеческую жизнь. Говорят, что прототипами героев пьесы были тогдашний знаменитый драматург Я. Б. Княжнин и его жена, дочь великого писателя А. П. Сумарокова. Персонажи пьесы все время находятся в панике, действие на сцене очень хаотично. В китайском языке фразеологизм «Цифэй гоутяо» («Куры летают, а собаки прыгают») относится к внезапному событию, которое пугает куриц и собак, от чего они летают и прыгают. Это метафорическое выражение обозначает беспорядочные действия. В четвёртом действии, в кульминации пьесы, слуга Иван произносит такие слова: «Что за суматоха от двух строчек!» Русское слово «суматоха» переводчик передал китайским выражением «цифэй гоутяо» и вынес его в название пьесы.

Комедия «Пирог» в китайском варианте называется «Куриная котлета». Дело в том, что русские пироги – это не то же самое, что китайские пироги. В китайских пирогах обычно свиная, говяжья или куриная начинка, и они, как прави-

ло, очень маленькие, особенно на юге Китая. Их едят утром или вечером, и они никогда не являются основным блюдом. А русский пирог, особенно пирог в этой пьесе Крылова, очень большой, это полноценный обед, а не лёгкая закуска. Поэтому переводчик вместо «пирог» выбрал название «куриная котлета», которая как раз может быть основным блюдом. Буквальный (словарный) перевод слова «пирог» затруднил бы для китайских читателей понимание того, что речь идет о большом и сытном блюде. В таком переводе сказалась разница между кулинарными традициями России и Китая.

Для комедии «Урок дочкам» переводчик придумал новое название – «Французский маркиз». Есть три основные причины: во-первых, переводчик считает, что в словосочетании «урок дочкам» субъектом должен быть отец, а на самом деле этот «урок» в пьесе преподает им «маркиз из Франции», которым прикидывается слуга Семён. К тому же в театральных афишах и иллюстрациях к этой пьесе Крылова всегда подчёркивалась взаимосвязанность двух дочек и «маркиза из Франции». Во-вторых, по мнению переводчика, «Ревизор» Гоголя был в какой-то степени написан под влиянием этой пьесы. Действительно, «ревизор» у Гоголя и «французский маркиз» у Крылова – поддельные, не настоящие. В их ролях выступают Хлестаков у Гоголя и слуга Семён у Крылова. При

этом оба драматурга высмеивают прежде всего тех, кто принимает их за «ревизора» и «маркиза», а не самих этих «обманщиков». Название «Французский маркиз», данное китайским переводчиком, должно напомнить о ситуации в комедии «Ревизор», хорошо известной в Китае. Кроме того, такое название сразу указывает китайским читателям на исторический контекст комедии Крылова, когда в России – в конце XVIII и начале XIX века – была тенденция слепого поклонения Франции и французской культуре.

Очень интересно переводчик передал некоторые «говорящие имена» в пьесах Крылова. Например, в шуто-трагедии «Подщипы» возлюбленный царевны Подщипы носит имя «Слюняй», потому что является робким и трусливым человеком. Если бы переводчик просто транслитерировал имя «Слюняй» и даже дал при этом комментарий, комический эффект был бы значительно меньшим, чем в русском оригинале. Поэтому переводчик переименовал главного героя в «Игонова» (на китайском это омоним слова «трус»). Упрёк Подщипы в его адрес – «Прямой Слюняй, когда зарезаться ты трусишь» [Крылов, 1945, с. 215] – в китайском переводе тоже имеет основательный смысл: «Ты не Игонов, а труслив» [Крылов, 2020, с. 353].

В комедии Крылова «Сочинитель в прихожей» главного героя, плохого поэта, зовут Рифмохват. По-русски это понятно: «человек,

который бессмысленно нагромождает рифмы, хватая их отовсюду». Но если перевести это говорящее имя буквально, китайцы не поймут его смысла, поэтому переводчик придумал новое имя, а именно «Мэйвенцев» (омоним выражения «нет литературного таланта»).

На наш взгляд, переводчик блестяще справился со многими сложными местами в пьесах Крылова. В них часто появляются иностранцы, которые коверкают русские слова и произношение. Смешное и странное, с точки зрения русских, произношение иностранцев Крылов передает средствами орфографии, заменяя одни буквы на другие. Например, буквы, обозначающие звонкие согласные, – на обозначающие глухие: вместо «здоров ли» – «сторов ли» и т. п. В китайском переводе это выражается с помощью замены иероглифов. Например, в третьем акте второго действия комедии «Модная лавка» персонаж-иностранец Трише спрашивает героиню: «Сторов ли, мой ангел? [Крылов, 1945, с. 271]» Переводчик не придумал, как исказить звучание вопроса «здоров ли», но зато слово «ангел» (天使) он передал иероглифами «сладко до смерти» (甜死) [Крылов, 2020, с. 454], добившись здесь нужного комического эффекта. В другом месте макароническое русско-французское выражение «превашна affaire» он передал

иероглифами, которые означают не «важное дело» (非常重要), а «жирные кишки важны» (肥肠重要) [Крылов, 2020, с. 455], что тоже заставляет китайских читателей посмеяться.

В переводе есть некоторые недостатки. Есть, например, случайные пропуски фрагментов текста. Так, например, в «Модной лавке» в восьмом явлении второго действия герой Сумбууров говорит: «Уж надо дотерпеть! – Только, ради бога, поскорей кончите. О негодная! если бы я мог...» [Крылов, 1945, с. 280]. В переводе это пропущено. Также первые реплики в начале третьего действия той же комедии («Прекрасная мысль, Андрей! – Да выслушай, Маша!» [Крылов, 1945, с. 284]) почему-то в переводе пропущены. Трудностей для переводчика в этих случаях не было. Видимо, эти фразы пропали в переводе случайно, по какому-то недосмотру.

Эти недостатки, на наш взгляд, мелкие, они не могут затмить выдающихся достоинств перевода, сделанного Ли Чуньюем. Это первый в Китае перевод драматических произведений Крылова, и притом полный перевод. Для популяризации и изучения творчества великого русского баснописца в Китае выход такой книги имеет огромное значение.

Библиографический список

1. Крылов И.А. Полное собрание драматических сочинений / изд. подготовила Л. Н. Киселева [составитель, автор вступ. ст. и коммент.]. Санкт-Петербург : Гиперион, 2001. 672 с. (Российская драматическая библиотека).
2. Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 2 Драматургия / ред. текста и примеч. Н. Л. Бродского. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1945. 485 с.
3. Ли Чунъюй Перевод и изучение творчества И. А. Крылова в Китае // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2(57). С. 99–107.
4. Степанов Н. Л. Басни Крылова. Москва : Художественная литература, 1969. 112 с.
5. Степанов Н. Л. Крылов. Москва : Молодая гвардия, 1988. 372 с. (Жизнь замечательных людей).
6. 阿英.晚清文学丛钞·俄罗斯文学译文卷[M].北京:中华书局,1961:1.
7. 陈建华.20世纪中俄文学关系[M].上海:学林出版社,1998:1-21.
8. 克雷洛夫·伊·安.法国侯爵:克雷洛夫剧作集[M].李春雨译.成都:四川人民出版社,2020. 572 页. (《金色俄罗斯系列》).
9. 邱静娟.中国的克雷洛夫译介和研究[J].阜阳师范学院学报,2014(02):68-70.

Reference list

1. Krylov I. A. Polnoe sobranie dramaticheskikh sochinenij = Complete collection of plays / izd. podgotovila L. N. Kiseleva [sostavitel', avtor vstup. st. i komment.]. Sankt-Peterburg : Giperion, 2001. 672 s. (Rossijskaja dramaticheskaja biblioteka).
2. Krylov I. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. T. 2 Dramaturgija = Complete works: In 3 vol. V.2 Plays / red. teksta i primech. N. L. Brodskogo. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1945. 485 s.
3. Li Chun'juij Perevod i izuchenie tvorcestva I. A. Krylova v Kitae = Translation and studies of I. A. Krylov's work in China // Inostrannye jazyki v vyssej shkole. 2021. № 2(57). S. 99–107.
4. Stepanov N. L. Basni Krylova = Krylov's fables. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1969. 112 s.
5. Stepanov N. L. Krylov= Krylov. Moskva : Molodaja gvardija, 1988. 372 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej).
6. 阿英.晚清文学丛钞·俄罗斯文学译文卷[M].北京:中华书局,1961:1.
7. 陈建华.20世纪中俄文学关系[M].上海:学林出版社,1998:1-21.
8. 克雷洛夫·伊·安.法国侯爵:克雷洛夫剧作集[M].李春雨译.成都:四川人民出版社,2020. 572 页. (《金色俄罗斯系列》).
9. 邱静娟.中国的克雷洛夫译介和研究[J].阜阳师范学院学报,2014(02):68-70.

Статья поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 29.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья

УДК 82-98

doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-68-81

**Интерпретация сюжета о Юзуфе и Зулейхе
в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»**

Наталья Юрьевна Букарева¹✉, Дарья Руслановна Шушкова²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

²Магистрант факультета русской филологии и культуры
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

¹bukarevanu@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0616-9328>

²d.schuschkowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6990-4073>

Аннотация. В статье анализируются особенности прочтения фольклорно-религиозного сюжета о Юзуфе и Зулейхе в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Данный сюжет широко распространен в восточной литературе, так как восходит к фольклорному наследию и религии, включен как в Библию, так и в Коран, что обуславливает его популярность. Авторы работы рассматривают истоки религиозного сюжета и варианты его интерпретации в художественной литературе Востока. Обращение писателей к таким типам сюжетов обосновано, в первую очередь, тем, что культура описываемого этноса связана с определенной религией и, следовательно, наследует ее традиции. В романе Г. Яхиной используется сюжет, изложенный восточным поэтом А. Джами в поэме «Юзуф и Зулейха». Героини этих текстов оказываются схожи по ряду признаков: религиозность, судьба, характеры. Различия же связаны с образом Юзуфа и, следовательно, взаимоотношениями женщин с ним: Зулейха в романе современного автора является матерью, Зулейха из поэмы влюблена в прекрасного юношу. Герои произведений также имеют общие черты в характере – они искренни, чисты, стремятся познать мир; жизненной миссии – появляются, чтобы помочь окружающим и дать им надежду. Отличает их отсутствующая религиозность Юзуфа в романе и его отъезд от матери, тогда как Юзуф с Зулейхой из поэмы после воссоединения не расстаются. Авторы статьи полагают, что Г. Яхина прибегает к данному сюжету, чтобы показать, как может проявляться

истинная любовь: любовь родителя к своему ребенку столь же чистая и искренняя, как любовь героев поэмы Джами к Богу.

Ключевые слова: интерпретация религиозного сюжета; религия и литература; религиозная литература; восточная литература; Гузель Яхина

Для цитирования: Букарева Н. Ю., Шушкова Д. Р. Интерпретация сюжета о Юзуфе и Зулейхе в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 68-81. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-68-81>

Original article

Interpretation of the story about Yuzuf and Zuleikha in the novel "Zuleikha opens her eyes" by G. Yakhina

Natalja J. Bukareva¹✉, Daria R. Shushkova²

¹Candidate of philological sciences, associate professor of Russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

²Master's program at the faculty of Russian philology and culture, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

¹bukarevanu@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0616-9328>

²d.schuschkowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6990-4073>

Abstract. The article analyzes the peculiarities of presenting the folklore religious plot about Yuzuf and Zuleikha in G. Yakhina's novel "Zuleikha opens her eyes". This plot is widely spread in Eastern literature, as it goes back to religion and the folklore heritage, it is included in both the Bible and the Koran, which causes its popularity. The authors of the article consider the origins of the religious plot and the variants of its interpretation in the Eastern literature. The writers' appeal to such types of plots is justified, first of all, by the fact that the culture of the described ethnic group is associated with a certain religion and, therefore, inherits its traditions. In her novel, G. Yakhina uses the plot written by poet A. Jami in the poem "Yuzuf and Zuleikha". The female characters of these texts turn out to be similar in a number of ways: religiosity, fate, tempers. The differences are connected with the image of Yusuf and, consequently, his relationship with the women: Zuleikha in the novel written by the modern author is a mother, Zuleikha from the poem is in love with a beautiful young man. The male characters also have common traits in their temper – they are sincere, pure, eager to explore the world; they have the same life mission – supporting others and giving them hope. They are different because Yuzuf lacks religiosity in the novel and he leaves his mother, whereas Yusuf and Zuleikha in the poem do not part after their reunion. The authors of the article believe that G. Yakhina resorts to this plot to show how true love can manifest itself: the

love of a parent to their child is as pure and sincere as the love of the heroes of Jami's poem to God.

Keywords: interpretation of a religious plot; religion and literature; religious literature; Oriental literature; Guzel Yakhina

For citation: Bukareva N. Yu., Shushkova D. R. Interpretation of the story about Yuzuf and Zuleikha in the novel “Zuleikha opens her eyes” by G. Yakhina. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11):68-81. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-68-81>

Культура любого общества складывается из множества фактов истории, искусства и религии. С. В. Рязанова отмечает: «Исходные данные религии несравнимы с основаниями литературы. Первая, представляя собой принцип миропонимания и мироотношения, выступает мощным фактором культурогенеза, определяя логику развертывания значительной части культурных феноменов: основные мировоззренческие принципы религиозной системы, способы существования религиозных институтов, стратегию коллективного и индивидуального поведения верующих. Литература же изначально выступает как идейно зависимая от господствующего мировоззрения сфера творчества, доступными ей средствами представляющая наиболее значимые образы и идеи сакрального, но не оставляющая их в неизменном виде» [Рязанова, 2017, с. 205]. В современной литературе наблюдаются тенденции возвращения к религиозным сюжетам и идеям. Авторы либо создают в своих текстах образ «современного праведника» (А. Иванов «Географ гло-

бус пропил») [Круглов, 2019], либо напрямую рассказывают историю праведника (Е. Водолазкин «Лавр»). После периода «безверия» многие авторы дали своим персонажам право верить (например, герои романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»). А. Иличевский в романе «Чертеж Ньютона» показывает, как герой ищет себя, отца, но в итоге находит Бога.

В контексте этих исканий находится и Гузель Яхина, которая в дебютном романе «Зулейха открывает глаза» переосмысляет известный религиозный сюжет. «Литература с религиозным подтекстом – наиболее эстетически яркая и наиболее открытая для современного читателя, ищущего нравственную почву. Христианские смыслы в таких произведениях, как правило, не являются заранее заданной доминантой <...> – такая литература не поучает, а наталкивает на размышления; зачастую это литература сомневающих», – пишет Р. Г. Круглов, классифицируя книги с религиозными мотивами, сюжетами и образами [Круглов, 2019].

Предметом рассмотрения в статье является роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», где писательница по-своему интерпретирует коранический религиозный сюжет, а следовательно, наполняет его новыми смыслами.

Образ Иосифа Прекрасного (библейская традиция), пророка Йусуфа (Коран) очень значим для верующих, как мусульман, так и христиан. В Ветхом Завете Иосифу посвящены главы 37–50, в Коране персонажу отводится двенадцатая сура. Истоки сюжета находят в Торе, однако в более позднем тексте (Коране) он дан гораздо полнее. Этот сюжет распространен и в мировой литературе. Особую роль он играл для искусства Средневековья. В качестве примера назовем татарскую поэму XIII в. Кул Гали «Сказание об Йусуфе» («Кыйсса-и Йосыф»). В дальнейшем сюжет также сохранил свою популярность (к нему обращаются Томас Манн в романе «Иосиф и его братья», Пауло Коэльо в «Алхимике» и др.).

Традиционный коранический сюжет повествует о жизни пророка Юзуфа, который был красив настолько, что его сравнивали с ангелом. Предательство братьев, дальнейшая жизнь в Египте, заключение в тюрьме из-за соблазнений женой «жителя Египта, который купил Йусуфа» [Коран, 1986, 12:21] (в толкованиях жену называют Зулейхой), перед которым Юзуф устоял, правление в Египте и воссоединение с отцом и братьями –

вот основные события, которые отражены в двенадцатой сура Корана.

История о Юзуфе (Йусуфе) в начале суры названа ахсан ал-касаи, что в русских переводах отражается по-разному, но передает единый смысл: «лучший из рассказов» (Саблуков), «лучшее повествование» (Крачковский), «наилучшее изложение» (Османов) [Рейснер, 2014]. Комментатор и переводчик Корана И. Ю. Крачковский отмечает, что сура «Йусуф» отличается от остальных сур единством сюжета, то есть представляет единую историю [Коран, 1986], что отчасти объясняет, почему сюжет часто используется в художественной литературе.

По мнению А. М. Ахунова, «образ Йусуфа стал наиболее близок именно своей человечностью, схожестью своими проблемами с проблемами самых простых людей» [Ахунов, 2001, с. 174]. «В характеристиках святых отразилось традиционное мировоззрение народа. Святые, по мнению верующих, подходят ко всему с теми же оценками, живут теми же интересами, что и они сами» [Басилов, 1970, с. 144]. Персонаж сталкивается в своей жизни с типичными человеческими проблемами (обман, соблазн, зависть и др.), однако проявляет себя всегда с лучшей стороны. Он честен и открыт. Иосиф/Йусуф именно тот святой, который больше других похож на обычного человека. То, как он решает проблемы,

является примером для читателей и верующих.

Герой обладает чертами безгрешности и избранности, при этом близок с человеком любой эпохи. «Поступки героя, его взаимоотношения с родственниками, окружением («хозяевами» – в годы его рабства, «подчиненными» – в годы правления) приобретают особую значимость в контексте всего жизненного пути героя. Любящий отец Иаков (Йакуб), двенадцать братьев, самый младший из которых – Вениамин (Беньямин – в Коране), вельможа, купивший раба (Потифар – в Евангелии), правитель Египта (Фараон) и т. д. – персонажи, играющие хоть и второстепенную, но большую роль: с их помощью раскрываются праведные черты Иосифа Прекрасного, прославляется терпеливость героя, его человеколюбие, проявляющееся даже в ответ на зло и предательство. Жена вельможи, пытавшаяся соблазнить героя (в Талмуде ее имя – Зелиха, отсюда – Зулейха в мусульманской традиции), служит интересным примером в контексте межрелигиозного диалога, когда общерелигиозные сюжеты в одной религии, порой имеющие различные смысловые и понятийные оценки, дополняются фактами других религий», – отмечает Рамиль Шаряфетдинов [Шаряфетдинов, 2017].

Писатели Востока особое внимание уделяли сюжету о встрече Йузифа/Юзуфа с женой Потифара

(только потом интерпретаторы истории дали женщине имя Зулейха – в переводе с персидского «соблазнительница»). «При переносе из Священного писания в изящную словесность отдельные мотивы коранического рассказа и сюжет в целом продолжали развитие уже по законам художественной литературы. Ряд ключевых эпизодов сказания становится базой формирования особого фонда мотивов персидской классической лирики», – пишет М. И. Рейснер [Рейснер, 2014, с. 10].

«Версия Корана более лаконична и подвергалась большей литературной обработке. Библейская версия близка к народному творчеству и, по-видимому, восходит к древнеегипетскому сказанию. Кораническая версия в поэтическом переложении встречается с IX века; наиболее известна поэма «Юзуф и Зулейха» Джамии, который дополнил канонический сюжет рядом деталей и эпизодов», – отмечается в «Краткой литературной энциклопедии» [Короглы, 1975, с. 1026]. В поэме А. Джамии история Юзуфа и Зулейхи трактуется не как неудавшееся соблазнение и дальнейшее заключение Юзуфа, а как история чистой и искренней любви со стороны женщины и ответной доброты со стороны Юзуфа. Зулейха увидела его в вещих снах, а когда, наконец, встретила в реальности, решила купить. Так она объясняет мужу, почему он нужен их семье:

...Потом скажи: “Как нужен мне наследник,
Помощник, добрый друг и собеседник!
Пойми, о царь, тоску моей души,
Того раба купить мне разреши.
Да светит мне звездой дорогою,
Мне сыном будет, а тебе – слугою“ [Джами, 1978].

Несмотря на все дальнейшие старания Зулейхи (она дарит ему подарки, строит Дворец и т. д.), Юзуф ее отвергает. Злясь на него, женщина оклеветала юношу, он попадет в тюрьму. В будущем, после смерти мужа, Зулейха стано-

вится отшельницей, поклоняющейся идолам, по-прежнему страдающей от любви к Юзуфу. Когда ее, состарившуюся и ослепшую, не узнает возлюбленный, Зулейха разбивает идолов и принимает ислам:

«...Бездушный идол, рукотворный бог!
Мне тяжело, а ты мне не помог.
Ты только камень, с богом схожий камень,
А у меня на сердце – тоже камень.
Еще страшней ты сделал скорбь мою,
Тобою, камнем, камень разобью!
Я на коленях пред тобой склонилась,
Я веровала в мощь твою и милость, –
Ты не услышал ни молитв, ни слез,
Ты, истукан, мне счастья не принес.
Ты – камень, камнем я тебя разрушу,
Тогда избавлю от позора душу!»
И, камень взяв, движением одним
Разбила идола, как Ибрагим.
Когда она разбила истукана –
Омылась от порока и обмана [Джами, 1978].

Любовь Зулейхи к Юзуфу в конечном итоге становится чистой, равняется любви к Богу, за что они и получают благословление на брак.

К этому сюжету обращается Кул Гали, бургарский поэт, в поэме «Сказание о Йусуфе» (первая половина XIII века), однако оригинал

произведения не сохранился. Поэма также заканчивается обретением героями внутренней гармонии благодаря вере в Бога.

Так, в литературу сюжет о Юзуфе и Зулейхе вошел как история чистой, безграничной и искренней любви, не требующей ничего взамен. Сюжет достаточно далеко

отошел от своего канона, однако поэтическое переложение А. Джамии пользуется даже большей популярностью.

Г. Яхина трансформирует традиционный сюжет о Юзуфе и Зулейхе, при этом оставляет его главную идею, которая идет от интерпретации А. Джамии. В романе история Зулейхи и ее сына Юзуфа – тоже история сильной, жертвенной любви, но родительской.

Подобно Зулейхе из поэмы Джамии, героиня романа живет с мужем, однако любви между ними нет. Это традиционный крестьянский брак, Зулейху выдали замуж в пятнадцать лет за состоятельного, уже в возрасте, мужчину. Женщина не знает, что такое любовь, намного важнее в браке была верность и полезность для хозяйства. В браке с Муртазой первые четыре ребенка Зулейхи погибли еще в младенчестве, имена своих умерших дочерей героиня вспоминает как молитву: «Шамсия-Физура. Халида-Сабида» [Яхина, 2015, с. 196]. Важно отметить, что в поэме «Юзуф и Зулейха» автор также пишет, что у Азиза с Зулейхой детей не было, мужа она не любила, так как была влюблена в Юзуфа, которого многократно видела во снах [Джамии, 1978].

Долгожданное рождение сына Юзуфа героиня Яхиной объясняет с точки зрения верующего человека: это дар Аллаха. Его рождение знаменует начало новой жизни, своеобразное воскрешение не только для матери, но и для всех осталь-

ных поселенцев Семрука. Это связано с идеей о святости образа Юсуфа/Иосифа.

Доктор Лейбе восхищен выбором имени, хотя и удивлен: «Юзуф! Вдумайтесь только: здесь, в этой чертовой глуши – Юзуф и Зулейха. Каково, а?» [Яхина, 2015, с. 272]. Доктор – человек образованный и, очевидно, знающий и о религиозном сюжете, и о литературном, чем можно объяснить его эмоции: здесь, в Сибири, так далеко от цивилизации, культура оживает на глазах – в реальных людях.

У маленького Юзуфа тяжелая жизнь: в младенчестве из-за нехватки еды и грудного молока Зулейхе пришлось кормить его собственной кровью. Тогда же у мальчика проявились признаки болезни – частые припадки. Зулейха никогда не оставляла его одного. «Зулейха решила так и носить его на груди – под кульмэк, на голом теле. Первую ночь не спала. То прижимала его к себе изо всех сил – то боялась сжать слишком сильно, ослабляла руки», – пишет Яхина [Яхина, 2015, с. 303]. Сильнейшая связь матери с ребенком формируется в младенчестве, не пропадает и после: Юзуф спит с ней в одной кровати, не может без нее заснуть, Зулейха всегда стремится к ребенку, потому что ей так же тяжело без сына: «К Зулейхе был привязан болезненно, донельзя» [Яхина, 2015, с. 280].

Испытания литературного Юсуфа соотносимы с жизнью пророка

Юзуфа. Из текста Корана мы узнаем, что тот был любимым сыном отца Якуба, за это его недолюбливали братья, потому решили избавиться, скинув в колодец. Детство Юзуфа было омрачено утратой семьи и предательством братьев, а в дальнейшем и отправлением в Египет в качестве раба и продажей в дом вельможи.

В романе Яхиной постепенно Юзуф сближается с другими людьми: с доктором Лейбе и с художником Иконниковым. Зулейха же ради сына отказывается от своей любви к Игнатову, хотя мужчина ей очень дорог. Подобно Зулейхе из поэмы Джамии, героиня жертвенна, она не учитывает собственные желания,

всецело посвящает себя ребенку. В тот единственный раз, когда она решила встретиться с Игнатовым, Юзуфа в лесу во время поисков матери нагоняют волки – именно эта ситуация заставляет женщину окончательно отречься от чувств к Игнатову.

Нужно отметить, что подобная жертвенность у героинь литературных текстов появляется не сразу, а только после осознания любви в своей душе. Зулейха Яхиной жертвует любовью к мужчине, Зулейха Джамии – благополучной жизнью.

Героиня поэмы за клевету и обман, за соблазнение была наказана долгим страданием, чувством вины, превратилась в слепую старуху:

Но, был иль не был ветер, где причины,
 Что все лицо изрезали морщины?
 Что голова ее склонилась вниз?
 Что стал согбенным стройный кипарис?
 Дано ей было жизнь влачить без друга,
 Остаться на пиру любви вне круга,
 Она, красой сверкавшая досель,
 Слепла, потеряла жизни цель... [Джамии, 1978].

Только после раскаяния она смогла вернуться к прежнему облику, стать счастливой вместе с Юзуфом. Зулейха в романе, по ее мнению, также была наказана – сын сталкивается со смертельной опасностью, потому что она встречается с другим мужчиной, хотя ее муж мертв, более того, Зулейха влюбилась в убийцу Муртазы. Героиня растолковала болезнь сына как наказание за измену супругу. Эта

вера в божественное всезнание подкрепляется и видениями женщины: свекровь Упыриха продолжает приходить к ней во снах, хотя прошло семь лет после ее смерти.

Постепенно, по мере взросления, связь Юзуфа с матерью слабеет, у него появляются новые увлечения, а Зулейха не может дать ему знания, и мальчик все больше стремится во внешний мир. Юзуф сближается с другими людьми: с

доктором Лейбе и с художником Иконниковым. Иконников – живописец, который оказался в Сибири как «бывший». Он отвечает за создание агитации в клубе, однако больше времени проводит за написанием картин по собственным воспоминаниям. Этот герой становится для Юзуфа вдохновителем: «В последнее время он зачастил в клуб к Иконникову – рисовать. Дома стали попадаться то обломки фанеры, исчерканные углем, то куски бумаги, покрытые жирными карандашными линиями; одежда Юзуфа постепенно и неумолимо покрывалась мазками и брызгами ярких цветов <...> Зулейха увлечение сына не одобряла, но и не запрещала: пусть лучше в красках пачкается, чем один по тайге болтается. Юзуф чувствовал настрой матери, много о клубе не рассказывал» [Яхина, 2015, с. 354]. Наблюдая за Иконниковым, Юзуф узнал, что мир намного больше, чем Семрук. Благодаря картинам художника он и захотел отправиться в большой мир: «Мальчишки в больших черных кепках и оборванных штанах рыбачили на набережной неизвестной Юзуфу реки Сены, полуобнаженные купальщицы нежились под солнцем на жемчужных камнях Лазурного берега, парусник летел по Большой Неве напрямик к Стрелке Васильевского, медные грации кружились в хороводе по аллеям пустынного Ораниенбаума... То, куда распахивались эти окна, слепило Юзуфа, оглушало.

<...> Далекий, лежащий за таежными холмами мир вовсе не был холодным и неприятным...» [Яхина, 2015, с. 454]. Подобно и каноническому пророку Йусуфу, и Юзуфу из поэмы Джами, он чист душой, бескорыстен, добр и любознателен. Юзуф стремится к динамике, тогда как Зулейха хотела бы его остановить. Отсюда и ее попытки сблизить Юзуфа с Лейбе, доктором, который принял роды Зулейхи, чтобы сын, когда подрос, тоже стал доктором, остался в Семруке. Однако мать не может заменить никого из тех, с кем Юзуф проводил много времени, кто ему был близок, кто воспитал его, дал представления о «большой земле», показывал новое и научил, кто дал ему мечту. Все, что могла делать Зулейха, – это слушать, гладить по голове и молчать, тогда как Юзуфу хотелось «получать ответы, спорить, обсуждать, перебивать, нападать, защищаться, ругаться» [Яхина, 2015, с. 460].

Для Зулейхи стремление сына сбежать на «большую землю» было пугающим – потеря сына равна для нее концу жизни. Но она осознает, что желание сына должно осуществиться – именно в этом проявляется ее истинная любовь: она дает ему свободу, шанс выбраться в мир. Здесь находится главная точка пересечений двух рассматриваемых текстов: обе героини проявляют любовь одинаково – они умеют отпустить, жертвовать, становясь при этом счастливее, потому что счаст-

лив возлюбленный либо сын. Зулейха-мать отпускает сына учиться, он мечтает стать художником, так как вдохновлен Иконниковым. Зулейха Джамии отрекается от хорошей, богатой прежней жизни, отрекается от любви-страсти, уступает место более светлому, чистому чувству. Проявление любви заключается в том, чтобы отпустить свое эгоистичное желание, именно после этого спадает и проклятие героини поэмы, и Зулейха в романе обретает внутреннюю свободу. Она помогает Юсуфу выбрать на «большую землю», просит в этом помощи у

...С колеблющимся вдруг заговорил
Всевышнего посланец – Джабраил:

«О царь, предвечным взысканный премного,
Услышь слова, идущие от бога.
“Мы Зулейхи услышали мольбу,
И пожалели мы свою рабу.
Любви так велико ее служенье,
Что море доброты пришло в движенье,
И мы, ее жалея, в добрый час
На небесах соединили вас.

Да крепнут узы, да истлеют путы
Былого горя и недавней смуты.
Ты в узах, сочетающих сердца,

Найдешь свободу и любовь творца!” [Джами, 1978].

Обе героини переходят на более высокий уровень чувств: от физической привязанности в случае Зулейхи из романа и страсти в случае Зулейхи из поэмы Джамии к безграничной любви, которая направлена на счастье любимого человека.

Яхина на примере образа Зулейхи показала самую чистую и искреннюю любовь, которая возмож-

Игнатовой. «Зулейха не смогла удержать боль внутри, и боль выплеснулась <...>. Смотреть на это – больно. Даже дышать – больно. Закрыть бы глаза, не видеть ничего, не чувствовать, но...» – настолько тяжело Зулейхе было расстаться с Юсуфом [Яхина, 2015, с. 503]. Именно эта боль дала толчок для дальнейшей жизни женщины, «дала ей вдохнуть». За свой поступок она будет вознаграждена возможностью любить мужчину, как и Зулейха в поэме Джамии – счастливой жизнью с Юсуфом:

на между родителем и ребенком. Несмотря на их «болезненную» привязанность друг к другу, Зулейха смогла перебороть свой эгоизм и дала сыну шанс вырваться из маленького мирка, в котором они все оказались. Подобно героине Джамии, она борется с собой, но не ради Бога, а ради будущего своего ребенка, тогда как Зулейха Джамии

обращается к Богу и освобождается от страсти благодаря прозрению.

Как отмечает Шерназаров, «... у Абдурахмана Джамии преобладает идея божественной, мистической любви. Это и понятно, поскольку он был преданным последователем и членом суфийского ордена накшбандия и, следовательно, остается в рамках суфийской образной культуры» [Шерназаров, 2003, с. 5]. Любовь человеческая у Джамии понимается Шерназаровым как высшая любовь к Богу. «Другими словами, любовь между Юсуфом и Зулейхой предопределена свыше, и все ее перипетии, трудности и преграды на пути к соединению – это тот же путь суфийского очищения и приближения к Богу. Иначе говоря, красота и любовь связаны между собой как причина и следствие», – пишет исследователь [Шерназаров, 2003, с. 12]. Кроме того, у Джамии героиня разбивает идолов, которым поклонялась, будучи отшельницей, это означает ее окончательный переход в ислам. В поэме Юзуф видит чистоту намерений героини, просит Аллаха вернуть ей красоту и молодость, а также разрешение вступить с ней в брак, так как героиня изменилась, покалась в содеянном и признала свою вину.

Рассматриваемый фольклорно-литературный сюжет неслучайно считается одной из великих историй любви: обе героини находят свою любовь, исправляются, «очищаются» от эгоизма и постигают настоящее счастье и гармонию. От-

личие в одном – Зулейха Джамии находит счастье в любви к Юзуфу, а через него – к Богу, а Зулейха из романа Г. Яхиной становится матерью, которая искренне любит своего ребенка, поэтому дает его мечте шанс на исполнение.

Образ Юзуфа в романе Яхиной идейно соотносится с героем поэмы Джамии – он такой же добродетельный юноша, который ищет путь к себе, познает мир. Нельзя не отметить его божественное происхождение. На более высоком, сакральном уровне это отражено у Джамии, так как сюжет напрямую отсылает к Корану либо к древней восточной легенде. В романе Яхиной рождение Юзуфа также рассматривается как подарок от Аллаха. В Семруке как части советского государства нет религии, даже сама Зулейха постепенно отходит от вероисповедания, надеется на собственные силы и не боится совершать ошибки. Как следствие, Юзуф растет в нерелигиозной обстановке, но, поскольку на него воздействуют люди воспитанные, интеллигентные, он не теряет человечности и чистоты. Важно отметить, что этот ребенок был в каком-то смысле родным для всех, так как появился на свет в дикой природе, в первые дни жизни мальчика Зулейхе помогали все, переживали за его жизнь, потому что даже взрослому было сложно справиться с суровыми условиями. Мальчик, который смог выжить, давал надежду и всем обитателям Семрука. Пророк Юзуф у

Джами изначально шел в мир с миссией помогать: трактовать сны, спасать людей от голода, давать пример чистоты и непорочности. Кроме того, позже, после заключения в тюрьме, Юзуф становится правителем Египта и обеспечивает хорошую жизнь всем жителям.

Юзуф-сын схож с Юзуфом Джами воздействием на окружающих. Кроме того, связь матери с ребенком столь же отчаянна, как любовь Зулейхи к Юзуфу у Джами. Но даже этот момент можно соотнести: через эгоистические чувства женщины постигают чистоту и гармонию.

Итак, Юзуф в романе «Зулейха открывает глаза» становится проводником для матери в новую жизнь, благодаря рождению ребенка женщина замечает намного больше, чем видела раньше, когда жила в Юлбаше. Однако религиозность Зулейхи в романе не возрастает, напротив, героиня начинает полагаться на себя и верить в собственные силы. Юзуф в романе не знает веры, так как родился в иную, советскую эпоху. Вера в Бога в поэме Джами сопровождает героев на протяжении всего сюжета, и она же становится их путем к счастью.

Таким образом, Гузель Яхина использует один из самых популярных восточных сюжетов, чтобы показать, что любовь – сильное чувство, которое воскрешает человека, делает его сильнее. Родительская любовь соотносится с любовью к

Богу, что доказывает ее силу и чистоту.

Яхина не заимствует сюжет полностью, она избегает основных событий, однако сохраняет канонические образы: образ Юзуфа соотносится с образами библейского Иосифа и коранического Йусуфа по всем внешним факторам (тяжелая судьба, божественное происхождение, жизнь без отца и т. д.). Юзуф в романе не верит в Бога, в отличие от Юзуфа из поэмы, душевные же качества персонажей имеют много общего: любознательность, чистота и искренность. Миссия обоих персонажей схожа: они приходят в мир, чтобы помочь людям, дать им надежду. В отличие от канонического образа пророка Юзуфа, романский Юзуф не думает об этом – так его воспринимают окружающие люди и мать.

Героини же схожи в судьбах: замужество с нелюбимым мужчиной, слепая эгоистичная любовь либо к своему ребенку (в случае Зулейхи из исследуемого романа), либо к возлюбленному. Религия играет важную роль в их жизнях. Если Зулейха Яхиной с рождения приняла ислам, то Зулейха Джами принимает его уже осознанно. Сам факт веры Яхина нивелирует по мере изменения взглядов Зулейхи, у Джами же вера играет ведущую роль в воссоединении героев.

Зулейха романная наделяется многими чертами своего как литературного, так и коранического прототипа, так как она раскаивает-

ся, переходит к более высокому чувству – бескорыстной жертвенной любви, чтобы собственный ребенок обрел счастье, пусть и вдали от нее.

Так, Г. Яхина интерпретирует фольклорно-религиозный сюжет,

адаптируя его к историческим реалиям 30-х годов XX века, чтобы доказать, что любовь родительская соотносима с самой чистой любовью – к Богу.

Библиографический список

1. Ахунов А. М. Арабский источник средневековой тюрко-татарской литературы: на материале трудов ат-Табари. Казань : Изд-во ТГГИ, 2001. 176 с.
2. Басилов В. И. Культ святых в исламе. Москва : Мысль, 1970. 144 с.
3. Джами А. Избранные произведения / сост. А. Афсахзод. Ленинград: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1978. 656 с.
4. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Наука ; ГРВЛ, 1986. 727 с.
5. Короглы Х. Юсуф и Зулейха // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8: Флобер – Яшпал. / Гл. ред. А. А. Сурков. Москва : Современные энциклопедии. 1962-1978, 1975. С. 1026.
6. Круглов Р. Г. Христианские темы и мотивы в современной русской литературе. URL: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/hristianskie-temy-i-motivuy-v-sovremennoy-russkoy-literature>. (Дата обращения: 20.02.2022).
7. Рейснер М. Л. Кораническая история Йусуфа в персидской поэтической классике X-XV веков (лирический мотив и романический сюжет) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2014. №4. С. 4-16.
8. Рязанова С. В. Религиозные образы и идеи и их превращения в русской литературе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 4. С. 202-211.
9. Шаряфетдинов Р. Изучение религиозных сюжетов в условиях многоконфессиональной России (на примере сюжета об Иосифе Прекрасном). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-religioznyh-syuzhetov-v-usloviyah-mnogokonfessionalnoy-rossii-na-primere-syuzheta-ob-iosife-prekrasnom>. (Дата обращения: 06.01.2022).
10. Шерназаров Б. М. «Юсуф и Зулейха» Назима Хирати и ее сравнение с одноименной поэмой Абдурахмана Джами: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / Шерназаров Бахриддин Махмадкулович; Таджикский государственный педагогический университет им. К.Ш. Джураева. Душанбе, 2003. 19 с.
11. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. Москва : АСТ, 2015. 512 с.

Reference list

1. Ahunov A. M. Arabskij istochnik srednevekovoj tjurko-tatarskoj literatury: na materiale trudov at-Tabari = The Arabic source of medieval Turkic-Tatar literature: on the works of At-Tabari. Kazan' : Izd-vo TGGI, 2001. 176 s.
2. Basilov V. I. Kul't svjatyh v islame = The cult of saints in Islam. Moskva : Mysl', 1970. 144 s.

3. Dzhami A. Izbrannye proizvedenija = Selected works / sost. A. Afsahzod. Leningrad: Sovetskij pisatel' (Leningradskoe otdelenie), 1978. 656 s.
4. Koran = Koran / per. i komment. I. Ju. Krachkovskogo. 2-e izd. Moskva : Nauka ; GRVL, 1986. 727 s.
5. Korogly H. Jusuf i Zulejha = Yusuf and Zuleikha // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija. T. 8: Flober – Jashpal. / gl. red. A. A. Surkov. Moskva : Sovremennye jenciklopedii. 1962-1978, 1975. S. 1026.
6. Kruglov R. G. Hristianskie temy i motivy v sovremennoj russkoj literature = Christian themes and motifs in contemporary Russian literature. URL: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoj-russkoj-literature>. (Data obrashhenija: 20.02.2022).
7. Rejsner M. L. Koranicheskaja istorija Jusufa v persidskoj pojeticheskoj klassike X-XV vekov (liricheskiy motiv i romanicheskiy sjuzhet) = The Quranic story of Yusuf in the Persian poetic classics of X-XV centuries (lyrical motif and romantic plot) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie. 2014. №4. S. 4-16.
8. Rjazanova S. V. Religioznye obrazy i idei i ih prevrashhenija v russkoj literature = Religious images and ideas and their transformations in Russian literature // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2015. № 4. S. 202-211.
9. Sharjafetdino R. Izuchenie religioznyh sjuzhetov v uslovijah mnogokonfessional'noj Rossii (na primere sjuzheta ob Iosife Prekrasnom) = Studying religious plots in multi-confessional Russia (based on the story of Joseph the Beautiful). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-religioznyh-syuzhetov-v-usloviyah-mnogokonfessionalnoy-rossii-na-primere-syuzheta-ob-iosife-prekrasnom>. (Data obrashhenija: 06.01.2022).
10. Shernazarov B. M. «Jusuf i Zulejha» Nazima Hirati i ee sravnenie s odnoimenoj pojemoj Abdurahmana Dzhami: special'nost' 10.01.03 «Literatura narodov stran zarubezh'ja» = “Yusuf and Zuleiha” by Nazim Hirati and its comparison with a poem of the same name by Abdurakhman Jami: specialization 10.01.03 “Literature of foreign countries” : avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk / Shernazarov Bahridin Mahmadkulovich; Tadzhijskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. K. Sh. Dzhuraeva. Dushanbe, 2003. 19 s.
11. Jahina G. Zulejha otkryvaet glaza = Zuleikha opens her eyes. Moskva : AST, 2015. 512 s.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 24.01.2022; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья

УДК 82.09

doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-82-97

**От классической драмы к «новой драме»: поэтика сюжета в пьесах
И. Н. Потапенко «Искушение», Н. И. Тимковского «Дело жизни»,
А. С. Суворина «Вопрос» и А. П. Чехова «Вишневый сад»**

Ксения Евгеньевна Полтевская

Ассистент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.
poltevskaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3361-7501>

Аннотация. Статья является частью широкой историко-литературной проблемы «Чехов и его литературное окружение» и посвящена сопоставительному исследованию драматургических методов драматургов рубежа XIX–XX вв. и определению вектора художественных поисков писателей. Предметом исследования является система структурно-типологических черт такого элемента драматургического метода, как сюжет в пьесах И. Н. Потапенко «Искушение», Н. И. Тимковского «Дело жизни», А. С. Суворина «Вопрос» и А. П. Чехова «Вишневый сад», его соответствие или несоответствие определенному типу драматургической системы (классической или «новой драмы»). Цель исследования: проанализировать особенности строения сюжета в избранных пьесах, сопоставить их с принципами классической драматургии и «новой драмы», сравнить полученные результаты между собой, а также сделать вывод об особенностях инвариантного сюжета в каждой пьесе. В качестве основного метода в работе используется метод структурно-типологического сравнения.

Обнаружено идейно-тематическое единство пьес, взаимосвязь некоторых мотивов, сюжетных элементов. Доказано, что из всех рассмотренных пьес принципам классической драмы соответствует только сюжет пьесы Суворина «Вопрос», при этом уже в нем наблюдаются элементы децентрализации из-за определенной самостоятельности второстепенных сюжетных линий. Модели сюжета пьес Потапенко «Искушение» и Тимковского «Дело жизни» занимают промежуточное положение между классической и «новой драмой». В обеих пьесах появляется «внутренний сюжет». Модель сюжета Чехова в отличие от

названных драматургов принципиально отличается от классической драмы. Основной принцип организации сюжета «Вишневого сада» – децентрализация сюжетных линий. Наиболее важным оказывается внутренний сюжет: человек в потоке времени. Кроме того, все пьесы объединяет инвариантный сюжет, отражающий российскую действительность того времени, связанный с судьбой заложенного за долги дворянского имения.

Ключевые слова: А. П. Чехов; И. Н. Потапенко; Н. И. Тимковский; А. С. Суворин; классическая драма; «новая драма»; мотив

Для цитирования: Полтевская К. Е. От классической драмы к «новой драме»: поэтика сюжета в пьесах И. Н. Потапенко «Искушение», Н. И. Тимковского «Дело жизни», А. С. Суворина «Вопрос» и А. П. Чехова «Вишневый сад» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 82-97. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-82-97>

**From classical drama to “New Drama”: plot poetics in the plays
“Redemption” by I. N. Potapenko, “The Work of Life” by N. I. Timkovsky
“The Question” by A. S. Suvorin
and “The Cherry Orchard” by A. P. Chekhov**

Kseniya E. Poltevskaia

Assistant department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university
named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

poltevskaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3361-7501>

Abstract. The Article is a part of a broad historical and literary problem of “Chekhov and his literary environment”. The paper under discussion is devoted to a comparative study of dramaturgical methods used by playwrights of the turn of the XIX–XX centuries and the determination of the vector of the writers’ artistic search. The research subject is the system of structural and typological features such an element of dramaturgical methods as plot in the plays “The Cherry Orchard” by A. P. Chekhov, “Redemption” by I. N. Potapenko, “The Work of Life” by N. I. Timkovsky and “The Question” by A. S. Suvorin, the methods affiliation with a certain type of dramaturgical system (classical and “new drama”). The aim of the investigation is analysis of the features of the structure of the plot in selected plays, comparing them with the principles of classical drama and “new drama”, and comparing the findings among themselves. The main method used in the paper is the method of structural and typological comparison.

The ideological and thematic unity of the plays, the interconnection of some motives, plot elements are revealed. It is proved that of all the plays considered, only the plot of Suvorin’s play “The Question” corresponds to the principles of

classical drama, while elements of decentralization are already observed in it due to a certain independence of the secondary plot lines. The plot models of the plays "The Atonement" by Potapenko and "The Work of Life" by Timkovsky occupy an intermediate position between the classical and the "new drama". In both plays, an "inner plot" appears. Unlike the aforementioned playwrights, Chekhov's plot model is fundamentally different from classical drama. The main principle of the organization of the plot of "The Cherry Orchard" is the decentralization of plot lines. The most important is the internal plot: a person in the flow of time. In addition, all the plays are united by an invariant plot reflecting the Russian reality of that time, connected with the fate of the noble estate mortgaged for debts.

Keywords: A. P. Chekhov; I. N. Potapenko; N. I. Timkovsky; A. S. Suvorin; classical drama; "new drama"; motive

For citation: Poltevsкая K. E. From classical drama to "New Drama": plot poetics in the plays "Redemption" by I. N. Potapenko, "The Work of Life" by N. I. Timkovsky "The Question" by A. S. Suvorin and "The Cherry Orchard" by A. P. Chekhov. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11): 82-97. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-82-97>

Эволюция каждой семиотической системы, в том числе и литературы, идет по двум направлениям: отказ от старой системы или ориентация на нее. Сопоставление разных драматургических методов ставит вопрос о литературной традиции. Литературоведение широко и издавна оперирует данным понятием. М. М. Бахтин отмечал, что разные произведения и разные эпохи постоянно перекликаются и раскрывают друг друга [Бахтин, 1986]. При этом традиция является не совокупностью «мертвых» норм, а активным элементом литературного процесса, когда старая поэтика трансформируется в новую, как «инициативное и творческое (активно-избирательное и обогащаю-

щее) наследование культурного (и, в частности, словесно-художественного) опыта» [Хализев, 2004, с. 391]. Традиция связана с преобразованием и переосмыслением накопленного опыта. Преемственность – это всегда диалог: диалог культур, мировоззрений, стилей и пр. [Подобрий, 2013]. Иначе усвоение превратилось бы в бесплодное повторение.

В данном исследовании мы поставили перед собой задачу выявить в сюжетах пьес «Искушение» (1903) И. Н. Потапенко, «Дело жизни» (1903) Н. И. Тимковского, «Вопрос» (1902) А. С. Суворина и «Вишневый сад» (1903) А. П. Чехова типологические признаки, доказать отнесение их к типу

классической или «новой» драматургической системы и определить общий вектор эволюции категории сюжета в пьесах рубежа XIX–XX вв.

Для анализа отобраны написанные в одно время пьесы, постановки которых шли в театрах. Кроме того, все пьесы содержат инвариантный сюжет, связанный с судьбой заложённых за долги дворянских имений.

Сначала рассмотрим сюжетную организацию пьес драматургов чеховской «артели восьмидесятников» – Потапенко и Тимковского.

Пьеса Потапенко «Искупление» относится к третьему периоду его творчества, когда он активно работал над «раскрытием семейно-психологических сюжетов» [Новикова, 2016], «исследованием причин семейных драм и неурядиц» [Потапенко, 1992]. В пьесе показано обнищание и духовное вырождение в свое время знатного дворянского рода. Конфликт разворачивается вокруг имения, которое Сандаловы хотят заложить, поскольку нуждаются в деньгах. Проблема заключается в том, что одна из долей этого имения принадлежит несовершеннолетнему сыну Юлии Сандаловой и Виктора Валежникова. Виктор является опекуном юноши и отказывается дать согласие на передачу имения в залог. Сандаловы угрозами и шантажом доводят Валежникова почти до безумия, в результате чего он убивает Юлию.

Сюжет «Искупления» замкнут вокруг любовных связей главного героя, что является классическим для «дочеховской» драмы. Законная жена Виктора Юлия Сандалова ушла от него 15 лет назад и постоянно требует денег на свое содержание. У Виктора есть сожительница – Людмила Репнина. Сестра Юлии Марьяна безответно влюблена в него. При этом следует отметить, что все любовные сюжетные линии оказываются равны, среди них нет главной. Следовательно, в пьесе Потапенко присутствует элемент децентрализации сюжетных линий [Лученецкая-Бурдина, 2020].

Кроме того, в пьесе «Искупление» появляется внутренний сюжет, который носит личный характер. Он связан с Марьяной Сандаловой, ее поиском смысла жизни и желанием искупить вину за деяния всех членов своего рода. Марьяна дает деньги своим братьям и сестре, предлагает Валежникову 50 тысяч рублей, чтобы он откупился от Юлии, и она дала ему официальный развод. «... Я рождена, для того, чтоб нести на своей совести ответственность за все зло, какое мои братья причиняют другим людям. Я гнусь, я изнываю под тяжестью искупления... <...> Впереди мне видится что-то нечеловеческое, что я должна буду искупить своею жизнью» [Потапенко, 1903, с. 21].

С душевными терзаниями героини связаны три мотива.

Первый – мотив сумасшествия: «Каждый Сандалов имеет право на

свой особый род безумія» (Платон) [Потапенко, 1903, с. 8]; «Марьяна... Вы с ума сошли, вы и меня сводите с ума...» (Валежников) [Потапенко, 1903, с. 31]; «Если бы всех поврежденных сажали, куда следует, то пришлось бы половину поверхности земного шара застроить домами для умалишенных» (Платон) [Потапенко, 1903, с. 15] и др. Сама фамилия Сандаловых, образ дыма от благовоний в мастерской Ростислава, употребление им морфия подчеркивают мотивы дурмана, сумасшествия. [Лученецкая-Бурдина, 2020]

Второй – мотив предчувствия несчастья: «Мне кажется, что вот-вот сейчас произойдет какая-то страшная катастрофа» (Марьяна) [Потапенко, 1903, с. 9]; «Я чувствую, всем своим существом чувствую, что над этим домом, ... висит несчастье...» (Марьяна) [Потапенко, 1903, с. 31].

Кроме того, в пьесе «Искупление» звучит мотив любви (третий мотив) как рабства, камня: «Убережь человека от беды, вот в чем любовь. Снять с его шеи петлю, чтобы он мог свободно дышать воздухом... Освободить его...» [Потапенко, 1903, с. 10]; «Это сделалось моим камнем» (Марьяна) [Потапенко, 1903, с. 31].

Итак, модель сюжета пьесы Потапенко занимает промежуточное положение между классической и «новой» драмой. С одной стороны, сюжет «Искупления» опирается на одного героя и замкнут вокруг его

любовных связей, что свойственно классической драме. С другой – в пьесе Потапенко присутствует элемент децентрализации сюжетных линий и появляется внутренний сюжет, связанный, однако, лишь с одним из персонажей.

Перейдем к рассмотрению пьесы Тимковского «Дело жизни».

В ней можно выделить две основные сюжетные линии: любовный треугольник (Черемисов – Крузов – Анна Родионовна) и угроза потери имения Черемисовых из-за долгов. Параллельно с ними развиваются вторичные линии: попытка Черемисова организовать попечительство для крестьян, отношения между Таней и Корягиным, «измена» учителя Дворянчикова идеям Черемисова и уход на работу в школу при заводе Крузова и др.

В пьесе показано разорение дворянского имения Черемисовых. Глеб Черемисов все средства тратит на поддержание крестьян деревни Авдеево. Он должен большую сумму богатому землевладельцу Флегонтову, который разорил многих дворян. Флегонтов аллегорически представлен Тимковским в образе «хищного зверя»: «Центавр! Троглодит! Ёшь меня живьем <...> Ульянова-то скушали? И рошу, и усадьбу, – все проглотили? И Глѣба Гаврилыча скоро скушаете, и всѣх насъ скушаете...» [Тимковский, 1904].

В устоявшийся быт имения Черемисовых врывается инициативный и деятельный владелец завода

Крузов. О вторжении города свидетельствуют уже декорации первого действия, сходные с ремарками Чехова перед вторым действием «Вишневого сада»: «Усадьба Черемисова. Садъ, переходящій непосредственно въ паркъ. <...> Вдали виднѣются поле, рѣка, деревня и труба Крузовскаго завода» [Тимковский, 1904]. Постепенно работать на завод уходит все больше жителей деревни и даже жена Черемисова, Анна Родионовна, порывается уйти от мужа к Крузову, потому что супруг вложил всего себя в «чудовище-деревню, которое погубить всѣхъ» [Тимковский, 1904].

Черемисов, увлекшись народничеством, много делает ради деревни, но все его начинания ни к чему ни приводят. «Надрывается вы здѣсь, а все кругомъ остается по старому. <...> Та же нужда, та же грязь, та же темнота. То, что ты называешь „дѣломъ своей жизни“ ... совершенно бесполезное самоистязаніе» [Тимковский, 1904]. Крузов, как и Лопухин у Чехова, предупреждает семью Черемисовых о том, что нужно идти в ногу с прогрессом, потому что иначе «желѣзные законы жизни раздавятъ васъ самихъ вмѣстѣ съ тысячами и миллионами другихъ...» [Тимковский, 1904]. Черемисов же не признает «чугунные» законы экономики и «чугунно-литейную мораль», хотя над ним «крыша валится ... Вѣдь срокъ векселю!» [Тимковский, 1904].

Крузов выкупает вексель Черемисова у Флегонтова, чтобы доказать Анне Родионовне «полную беспомощность Глѣба со всѣми его идеями, которыми онъ увлекъ» [Тимковский, 1904] ее, и представляет это как своеобразную помощь и избавление, но ненависть к старому другу прорывается в его словах, ведь Черемисов владеет тем единственным, что нельзя купить за деньги – сердцем Анны Родионовны: «Теперь онъ будетъ дѣлать „дѣло своей жизни“ только въ томъ случаѣ, если я позволю ему это» [Тимковский, 1904]. Анна Родионовна воспринимает поступок Крузова как попытку «купить» ее расположение. Крузов оскорблен и рвет вексель на ее глазах. Черемисов называет владельца завода «чудовищным пауком» и считает, что «попалъ въ лапы къ заводчику». Он восстанавливает вексель и клянется отдать Крузову долг. Когда Анна Родионовна отказывается бросить супруга и уехать с Крузовым в Европу, он понимает иллюзорность своих финансовых побед и говорит ей о Черемисове: «Мы съ вами всю жизнь коченѣемъ отъ холода: мы не можемъ отогрѣть другъ друга... А вотъ у него есть огонь, у котораго всякому хочется погрѣться» [Тимковский, 1904]. И главным в пьесе оказывается не внешний сюжет, связанный с любовным треугольником и разрушением дворянской усадьбы, а внутренний, отражающий такое мироощущение. Люди на

рубеже веков чувствуют, что они лишь «ходят около жизни».

Важной для пьесы является экзистенциальная пара философских мотивов жизни/смерти. Мотив смерти задается с первых же страниц пьесы разговором об умершем сыне Анны Родионовны Коле. Он поддерживается постоянным упоминанием кладбища, деревни как «склепа», холода, засухи и несколькими смертями в пьесе (умирает землевладелец Ульянов и крестник Черемисова). С ним коррелирует парный мотив жизни, вводящийся в пьесу разговорами Черемисова о «деле жизни» и Крузова о «беспощадном колесе жизни» и потере самого «ощущения жизни». А фраза Анны Родионовны: «Если нѣтъ жизни, такъ пусть хоть романы будутъ» [Тимковский, 1904], – практически повторяет известную фразу из пьесы Чехова «Дядя Ваня»: «Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего» [Чехов, 1984, с. 426].

Мотивы болезни и сумасшествия представлены в пьесе эпидемией тифа в деревне, упоминаниями о «дурмане» и «наркозе», которыми оказываются слова Крузова, «безумием», о котором говорит Анна Родионовна применительно к своему выбору жить в деревне. Кроме того, болезнью называют в пьесе и любовь («любовь проклятая <...> какъ корь у дѣтей» [Тимковский, 1904]).

Деревня представлена в пьесе в виде некоего языческого идола,

камня: «...и все ради этого идола: деревни. О, какъ я ненавижу эту бессмысленную глыбу, которая придавила васъ всѣхъ!» [Тимковский, 1904]; «Все это камень ложится на душу» [Тимковский, 1904].

Мотив музыки связан с образом Анны Родионовны – талантливой пианистки, раздражающейся на фальшивую игру «несносной деревенской гармонике». Героиня единственная слышит «мелодичный звон бубенцов» и игру пастуха на рожке, напоминая чеховскую Раневскую, которая слышит еврейский оркестр – далекую музыку прошлого, не слышимую другим.

Итак, модель сюжета пьесы Тимковского отличается от принятого в классической драме, нарушая главный принцип – единство действия. Любовная интрига – классический сюжет традиционной драмы. Вместе с тем у Тимковского он разрешается необычно: нет побежденных или проигравших, все одинаково страдают. Сюжетная линия продажи имения тоже заканчивается неоднозначно: имение сохранено, но не заслугами Черемисова и не ясно надолго ли. Тимковский вводит в пьесу внутренний сюжет, связанный с уходящей жизнью, осмыслением героями, оказавшимися на рубеже веков, своего времени, когда старые идеалы исчерпаны, а новые еще не возникли.

Перейдем к особенностям сюжетостроения пьесы Суворина «Вопрос».

В 1893 г. Суворин издал роман под названием «В конце века. Любовь». Н. Н. Старыгина определяет этот роман как «большой диалог, состоящий из двух монологов» [Старыгина, 2003, с. 328], поскольку он весь строится на разговорах Вари и Мурина. Именно этот факт дает право расценить это произведение как потенциально возможное к адаптации для сценической постановки. В 1902 г. он заканчивает комедию в четырех действиях «Вопрос». Однако «пьеса не скомпонована по роману, а вся написана заново, и большинство сцен в пьесе совершенно новы» [Дневник Суворина, 2000, с. 456].

Главная героиня, Варя Болотова, была влюблена в Муратова и имела с ним добрачную связь. Молодой человек предлагает девушке выйти за него замуж, но она отказывается. Варя мечтает поговорить о случившемся с матерью, но когда девушка была ребенком, ее мать сбежала с любовником – бывшим управляющим Болотова. В Италии она выходит за него замуж. Когда ее супруг попадает в тюрьму, она появляется на пороге дома Болотова, потому что ей нужны деньги. Варя рассказывает ей о своем грехе, но госпожа Венони выдает секрет девушки бывшему мужу. О своем грехе Варя говорит и Ратищеву, который влюблен в нее. Желая отомстить за честь девушки, молодой человек убивает Муратова на дуэли, чем еще больше унижает ее.

В пьесе можно выделить три сюжетные линии – одну главную и две второстепенные. Основная линия связана с проблемой распада семьи. Первый аспект этой линии – любовный треугольник Варя – Ратищев – Муратов. Второй аспект – взаимоотношения Болотова и его бывшей супруги сеньоры Венони.

Вторая сюжетная линия связана с неохристианами, представленными в пьесе Ратищевым. Будущий священник, проповедующий христианскую любовь и братство людей, вызывает Муратова на дуэль и убивает его. Этот поступок противоречит всем убеждениям и словам героя и фактически предрекает крах нового религиозного течения в русской общественной мысли начала XX в., пытавшегося приспособить православие к условиям кризиса самодержавной монархии. Именно убитый Ратищевым Муратов говорит ему об истинной ценности его неохристианской проповеди: «Я хорошо понимаю, какое безкорыстное чувство вамъ подсказывает эти нравочения. <...> Васъ душить личная злоба, тщеславіе влюбленнаго, который ошибся въ своихъ расчетахъ, вы оскорблены не за дѣвушку, на которую у васъ нѣтъ никакихъ правъ, а за себя самого!..» [Суворин, 1904, с. 141–142].

На момент происходящих в пьесе событий Ратищеву 27 лет. Можно предположить, что возраст героя обозначен не случайно. Двадцать семь лет – это некий рубеж, обозначенный в статье В. В. Розанова

«Несколько замечаний по поводу студенческих беспорядков» [Розанов, 1990], опубликованной в журнале «Русское обозрение» в 1898 г. Как друг и издатель Розанова Суворин, безусловно, читал ее. Философ излагает в ней своеобразную концепцию жизненных этапов. Согласно этой теории 27 лет – возрастной рубеж, отделяющий детскую фазу от взрослой. Каждая фаза, при этом, имеет свою психологию, мировоззренческие установки. Детский этап человеческой жизни, по Розанову, – с 16 до 27 лет, когда «почти каждый образованный русский отрицает и волнуется» [Розанов, 1990, с. 122]. Это пора «погружения исключительно в свое “я” и противопоставление этого “я” всему миру» [Розанов, 1990, с. 123].

В разговоре Ратищева с Варей этот период представлен как время выбора дальнейшего пути героя – выбора черного или белого духовенства: «Послѣ духовной академіи вы куда – въ попы или въ монахи?» [Суворин, 1904, с. 19]. Однако Ратищев отвечает, что ничего еще не решил.

С выбором Ратищева жизненного пути связаны и споры его и Муратова о философии Ницше, в частности, о его работе «По ту сторону добра и зла» и идее о сверхчеловеке. «Я понимаю, что такое порядочный и честный человек, но сверхчеловек – сверх моего понимания» [Суворин, 1904, с. 63], – утверждает Ратищев. «Человек – это канат, протянутый между жи-

вотным и сверхчеловеком, это канат над пропастью...» – писал Ницше [Ницше, 1990, с. 340]. По мысли философа, человек – несовершенное существо, движимое низменными страстями, которое должно вырастить в себе идеал – сверхчеловека. Священников же Ницше считал людьми, помещенными «в окопы ложных ценностей и слов безумия» [Ницше, 1990]. Они, по его мнению, движимы не добродетелью, а гордыней. Именно обвинение в эгоизме и бросает Ратищеву Муратов, говоря, что его «душить личная злоба, тщеславие», он «оскорблен не за дѣвушку <...> а за себя самого!..» [Суворин, 1904, с. 142]. Совершив убийство, Ратищев падает в ту самую пропасть, о которой говорил Ницше.

Описанный исход нравственной борьбы в пьесе может быть прочитан и в контексте «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе» В. С. Соловьева. [Соловьев, 1991] Муратов произносит знаковую фразу: «Каковъ антихристъ изъ себя? Можетъ онъ на Ратищева похожъ, а можетъ на меня...» [Суворин, 1904, с. 79]. Убийство, совершенное Ратищевым вместо следования христианским ценностям, прочитывается не только как крах неохристианства, но и в контексте всего дальнейшего пути страны как реальности выбора Антихриста, а не Христа.

Последняя сюжетная линия пьесы связана с заложенными за долги

дворянскими именами. В «Вопросе» появляется яркий второстепенный персонаж – богатая землевладелица Волокитина. Женщина предоставляет денежные займы под залог поместий и являет собой человека новой формации, капиталиста, чью жадность высмеивает Суворин: «Заложать мнѣ имѣнія эти мечтатели и не заплатятъ – продаю сейчас же! Землю люблю. На своей, на собственной землѣ приятно себя чувствуешь. Идешь и думаешь: все твое – и что предъ тобою, и что подъ тобою – и даже что надъ тобою – небеса. Все мое. И внизу, и вверху, и по сторонамъ» [Суворин, 1904, с. 19]. В пьесе упоминается много помещиков, разоренных Волокитиной, отражая реальность того времени. Болтино, имение Болотова, также заложено, и он выплачивает Волокитиной по пять тысяч рублей. Займы Болотов делает ради любимой дочери Вари, которая тратит их на помощь школам и больницам губернии.

Центральный мотив пьесы – мотив сумасшествия: «Его надо вести въ сумасшедшій домъ» (о Болотове) [Суворин 1904, с. 119]; «Читала житія святыхъ... читала и свихнулась» (Варя) [Суворин, 1904, с. 10]; «Отецъ подумаль, что я съ ума схожу» (Варя) [Суворин, 1904, с. 11] и др. Суворин показывает современность как переходное время, где все зыбко и новые пути развития общества не определены, время упадка и потенциального возрождения.

Итак, внешний сюжет пьесы несколько эклектичен: как принято в классической драме он содержит главную сюжетную линию, которая связана с любовными взаимоотношениями. Вместе с тем сюжет включает еще две второстепенные линии, которые лишь отчасти связаны с основной. Однако отклонения от традиционного сюжетного единства не устраняют его целиком. В «Вопросе» все равно прослеживается центральная линия драматического действия, как бы ни были существенны второстепенные. Внутренний сюжет в пьесе отсутствует, так как отсутствует глубокая проработка психологического содержания, раскрытие душевной драмы Вари.

Заложенное за долги имение – одна из граней фабулы всех рассмотренных ранее пьес – становится внешним сюжетом чеховского «Вишневого сада».

Раневская возвращается из Франции, где провела пять лет. Женщина находится в сложной финансовой ситуации, поскольку из-за долгов встает вопрос о продаже имения. У нее осталось только три месяца, чтобы рассчитаться с долгами. Купец Лопахин предлагает вырубить сад и сдавать землю в аренду под дачи. Любовь Андреевна не соглашается на этот вариант, поскольку сад – это напоминание о ее молодости, счастье. В результате имение и сад проданы на торгах Лопахину, который его и уничтожает.

Однако завязки сюжета в последней пьесе нет, поскольку отсутствует внешнее противоборство героев, столкновение характеров. Есть мольбы о помощи с одной стороны: «Что же нам делать? Научите, что?» (Раневская) [Чехов, 1984, с. 521] и готовность помочь – с другой: «Я вас каждый день учу. Каждый день и говорю все одно и то же» (Лопухин) [Чехов, 1984, с. 521].

Кульминация внешнего сюжета совпадает с развязкой – это продажа имения с аукциона 22 августа. Вишневый сад продан, но в судьбах персонажей ничего не изменилось. Центр тяжести перенесен с самого события на его психологическую подготовку. Описанный способ построения сюжета противоречит классической драме. Важнейшее событие произошло вне сценического пространства. Оно представляет собой лишь один из эпизодов в бесконечном движении жизни. Фактически сюжетные линии комедии завершаются на третьем акте, но пьеса продолжается.

Внешний сюжет пьесы – имение идет с молотка рифмуется с внутренним сюжетом – человек в потоке времени – «...время идет» и обозначает важнейший философский конфликт пьесы. Внутренний сюжет в «Вишневом саду» «связан с каждым персонажем и выходит на индивидуальный уровень. Чехов рефлексирует о взаимодействии человека и безжалостного движе-

ния времени» [Чехов. Вишневый ... , 2000, с. 55–58].

Раневская и Гаев – потерянное навсегда прошлое. Казалось бы, на смену им придут такие люди, как Лопухин. О многом говорит его оценка Петей: «У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...» [Чехов, 1984, с. 544]. «Трофимов – нищсеанец, а, по Ницше, артист – тип человека будущего. Именно это „вечный студент“ ценит в Лопухине» [Комаров, 2017, с. 97–98]. Но Чехов показывает, что и «лопухины» вскоре уйдут с исторической сцены. Не смешно ли, что «самым тонким в душевном отношении, самым чутким и одновременно деятельным оказался выходец из крепостных, который купил чужой сад не столько ради наживы, сколько назло своим лирическим воспоминаниям и надеждам?» [Злотникова, 2007, с. 56].

Д. Л. Быков пишет, что впервые в русской литературе Чехов «хоронит» новый тип человека. «Только что родился купец, представитель русского капитализма. Но Лопухину фактически осталось недолго <...> Он размахивает руками, самодоволен, говорит о своих планах ... – и мы понимаем, что у него ничего не выйдет, потому что не этими вещами покупается в России бессмертие ... прагматик обречен» [Быков, 2019, с. 42].

С. А. Комаров полагает, что «возраст Трофимова не случайно обозначен Чеховым достаточно

точно – 26–27 лет» [Комаров, 2017, с. 100], также как и возраст Ратищева у Суворина. В разговоре Трофимова с Раневской «27 лет расцениваются как предельный возраст, по достижении которого молодой человек должен изменить свою жизнь, что он делать категорически не собирается» [Комаров, 2017, с. 100]: «должно быть я буду вечным студентом» [Чехов, 1984, с. 534]. В письме Чехова А. С. Суворину от 25 февраля 1895 г. драматург высказал свою точку зрения на философию Ницше: «Она не столь убедительна, сколь бравурна» [Цит. по: Комаров, 2017, с. 102]. «”Бравурность” философии Ницше, ее расчет не на убеждение, а на увлечение читателя за собой» [Комаров, 2017, с. 101] позволили Чехову закрепить ее за детской фазой жизни, к которой относятся Трофимов, Аня и Даша. Об идеях Ницше говорит и Пищик: «Ницше... философ... величайший... говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно» [Чехов, 1984, с. 531]; «...какой-то великий философ советует прыгать с крыш... „Прыгай!“, говорит, и в этом вся задача» [Чехов, 1984, с. 548]. «Все это признаки нетрадиционного, антисоциального поведения ... что вписывается в антихристианский пафос сверхчеловеческого поведения» [Комаров, 2017, с. 102].

Также, как и Суворин, Чехов рассматривает историческую перспективу России с точки зрения «Трех разговоров» Соловьева. Он

видит опасность в существующем аппарате государственного управления, осознает его антихристианскую природу. Не случайно Шарлотта скажет: «Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный» [Чехов, 1984, с. 518]. И сам будущий управляющий укажет на возможность самоуничтожения: «Я <...> никак не могу понять направления ... жить мне или застрелиться» [Чехов, 1984, с. 518]. В ремарке к четвертому действию Чехов фиксирует новое состояние жизни: «Чувствуется пустота». «Новая драма» стремится выйти за грань настоящего, но обнаруживает за ней пустоту. Ее же мы увидим через три года в «Балаганчике» А. А. Блока, когда Арлекин разорвет бумажный задник сцены. В выборе, указанном Соловьевым (благая весть или пустота), пока торжествует пустота, а значит, царство Антихриста. Сад в качестве сакрального хронотопа перестанет существовать и восторжествует иная реальность. Но ценности ее непонятны, поскольку философию Ницше Чехов оставляет за детской фазой.

Несколько мотивов поддерживают созданную Чеховым картину мира.

Во-первых, это мотив любви как мучения, бремени: «Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу» (Раневская) [Чехов, 1984, с. 535]; «Если бы снять с груди и с

плеч моих тяжелый камень...» (Раневская) [Чехов, 1984, с. 512].

Во-вторых, это мотив несчастья: «Я все жду чего-то, как будто над нами должен обрушиться дом» (Раневская) [Чехов, 1984, с. 522]. Этот мотив подчеркивают фигура Епиходова, прозванного «двадцать два несчастья», и «звук лопнувшей струны».

В-третьих, это мотив смерти. Согласно чеховской ремарке, второе действие происходит на кладбище, Раневской привиделась ее покойная мать в саду, Лопахин вспоминает своих предков, бывших крепостных, вспоминают герои о смерти няни, мужа и сына Раневской и т. д.

Итак, принцип организации сюжета «Вишневого сада» – децентрализация сюжетных линий. Для пьесы характерно наличие внутреннего и внешнего сюжета. При этом наиболее важным оказывается внутренний сюжет: человек в потоке времени. Сюжет в «Вишневом саду» «предельно освобожден, раскрыт и как бы разряжен» [Чехов. Антология..., 2016, с. 322], что не означает его разорванности и бессвязности: речь идет об усложнении связей посредством созвучия мотивов, придающих ему эмоциональное единство.

Таким образом, из всех рассмотренных пьес принципам классической драмы соответствует только сюжет пьесы Суворина «Вопрос», при этом уже в нем наблюдаются элементы децентрализации из-за

определенной самостоятельности второстепенных сюжетных линий. Модели сюжета пьес Потапенко «Искушение» и Тимковского «Дело жизни» занимают промежуточное положение между классической и «новой драмой». Обе пьесы опираются на любовную интригу – классический сюжет традиционной драмы. Вместе с тем в пьесе «Искушение» присутствует элемент децентрализации сюжетных линий, а в пьесе «Дело жизни» любовная линия разрешается необычно: нет побежденных или проигравших. Также в обеих пьесах появляется «внутренний сюжет», который у Потапенко связан лишь с одним из персонажей, а уже у Тимковского охватывает всех героев и связан с уходящей жизнью, осмыслением героями, оказавшимися на рубеже веков, своего времени. Модель сюжета Чехова в отличие от названных драматургов принципиально отличается от классической драмы. Основной принцип организации «Вишневого сада» – децентрализация сюжетных линий. Наиболее важным оказывается внутренний сюжет: человек в потоке времени. События пьесы не складываются в сюжет, а образуют систему лейтмотивов.

Кроме того, все пьесы объединяет инвариантный сюжет, отражающий российскую действительность того времени, связанный с судьбой заложенного за долги дворянского имения. В пьесах Потапенко, Тимковского и Суворина отражена

«утеря дворянами былых состояний и имений, нравственная деградация дворянства» [Катаев, 1989, с. 228], но отсутствует сюжетный ход, использованный Чеховым, – захват имения купцом из бывших крепостных. Также наблюдается сходство в способах создания образа купца, приобретающего имение на торгах, или векселедержателя. В

нем выявлены черты «хищного зверя», чудовища, которое «пожирает» имение.

В итоге мотивная организация отражает картину мира, связанную с мироощущением человека рубежа XIX–XX вв.: в пьесах фигурируют мотивы сумасшествия, катастрофы, болезни, смерти и др.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
2. Быков Д. Л. 100 лекций о русской литературе XX века. Москва : Эксмо, 2019. 608 с.
3. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текстол. расшифровка Н. А. Роскиной ; подготовка текста Д. Рейфилда, О. Е. Макаровой. London : The Garnett press; Москва : Независимая газета, 2000. 666 с.
4. Злотникова Т. С. Время «Ч». Культурный опыт А. П. Чехова. А. П. Чехов в культурном опыте 1987–2007 гг. Москва, Ярославль : [Б. и.], 2007. 259 с.
5. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. Москва : Изд-во МГУ, 1989. 261 с.
6. Комаров С. А. Вишневый сад в аспекте неклассической поэтики // Уральский филологический вестник. 2017. № 4. С. 96–121.
7. Лученецкая-Бурдина И. Ю. «Вишневый сад» А. П. Чехова и «Искупление» И. Н. Потапенко: художественные взаимосвязи и сюжетные соответствия / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, К. Е. Полтевская // Вестник КГУ. 2020. Т. 26, № 3. С. 153–158.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва : Мысль, 1990. 829 с.
9. Новикова А. А. Творчество И. Н. Потапенко в литературно-критических мнениях и суждениях современников рубежа XIX–XX вв. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 1. С. 94–99.
10. Подобрий А. В. Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) // Вестник КГПИ. 2013. № 2. С. 49–53.
11. Потапенко И. Н. Искупление // Театр и искусство. Санкт-Петербург, 1903. 38 с.
12. Потапенко О. А. Творчество И. Н. Потапенко. Периодизация. Проблематика. Типология : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1992.
13. Розанов В. В. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Религия и культура. Москва : Правда, 1990. 636 с.
14. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе // Смысл любви: избранные произведения. Москва : Современник, 1991. 525 с.

15. Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870х годов. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 328 с.
16. Суворин А. С. Вопрось. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1904. 163 с.
17. Тимковский Н. И. Дѣло жизни: сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. Москва, Санкт-Петербург : Издание магазина «Книжное Дело», 1904. URL: http://az.lib.ru/t/timkovskij_n_i/text_0040oldorfo.shtml. (Дата обращения: 11.12.2021).
18. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 2004. 405 с.
19. Чехов А. П. Антология: pro et contra? В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург, 2016. 880 с.
20. Чехов А. П. Вишневый сад: анализ текста. Основное содержание. Сочинения / авт.-сост. И. Ю. Бурдина. Москва : Дрофа, 2000. 112 с.
21. Чехов А. П. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва : Правда, 1984. 576 с.

Reference list

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal creativity. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.
2. Bykov D. L. 100 lektcii o russkoi literature XX veka = 100 lectures on Russian literature of the twentieth century. Moskva : Eksmo, 2019. 608 s.
3. Dnevnik Alekseia Sergeevicha Suvorina = Diary of Alexey Sergeevich Suvorin / Tekstol. rasshifrovka Н. А. Roskinoi ; podgotovka teksta D. Reifilda, О. Е. Makarovoi. London : The Garnett press; Moskva : Nezavisimaia gazeta, 2000. 666 s.
4. Zlotnikova T. S. Vremia «Ch». Kul'turnyi opyt A. P. Chekhova. A. P. Chekhov v kul'turnom opyte 1987–2007 gg. = Time «Ch». The cultural experience of A.P. Chekhov. A. P. Chekhov in the cultural experience of 1987–2007. Moskva, Iaroslavl' : [B. i.], 2007. 259 s.
5. Kataev V. B. Literaturnye sviazi Chekhova = Chekhov's literary connections. Moskva : Izd-vo MGU, 1989. 261 s.
6. Komarov S. A. Vishnevii sad v aspekte neklassicheskoi poetiki = The cherry orchard in the aspect of non-classical poetics // Ural'skii filologicheskii vestnik. 2017. № 4. S. 96–121.
7. Luchenetskaia-Burdina I. Iu. «Vishnevii sad» A. P. Chekhova i «Iskuplenie» I. N. Potapenko: khudozhestvennye vzaimosviasi i siuzhetnye sootvetstviia = “The Cherry Orchard” by A. P. Chekhov and “The Atonement” by I. N. Potapenko: the artistic interdependence and the plot correspondence / I. Iu. Luchenetskaia-Burdina, K. E. Poltevskaia // Vestnik KGU. 2020. T. 26. № 3. S. 153–158.
8. Nitsche F. Tak govoril Zarathustra = Thus Spoke Zarathustra // Sochineniia. V 2 t. T. 2. Moskva : Mysl', 1990. 829 s.
9. Novikova A. A. Tvorchestvo I. N. Potapenko v literaturno-kriticheskikh mneniiakh i suzhdeniiakh sovremennikov rubezha XIX–XX vv. = I. N. Potapenko's creativity in literary-critical opinions and judgments of his contemporaries at the turn of the 19th – 20th centuries // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 1. S. 94–99.
10. Podobrii A. V. Preemstvennost' – traditsiia – dialog – novatorstvo (k voprosu o literaturnoi evolutsii) = Continuity – tradition – dialogue – innovation (to the question of literary evolution) // Vestnik KGPI. 2013. № 2. S. 49–53.

11. Potapenko I. N. Iskuplenie = The Atonement // Teatr i iskusstvo. Sankt-Peterburg, 1903. 38 s.
12. Potapenko O. A. Tvorchestvo I. N. Potapenko. Periodizatsiia. Problematika. Tipologiiia = Creativity I. N. Potapenko. Periodization. Problems. Typology : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1992.
13. Rozanov V. V. Sochineniia = Compositions. V 2 t. T. 1. Religiiia i kul'tura. Moskva : Pravda, 1990. 636 s.
14. Solov'ev V. S. Tri razgovora o voine, progresse i kontse vsemirnoi istorii, so vklucheniem kratkoi povesti ob Antikhriste = Three conversations about war, progress and the end of world history, including a short story about the Antichrist // Smysl liubvi: izbrannye proizvedeniia. Moskva : Sovremennik, 1991. 525 s.
15. Starygina H. H. Russkii roman v situatsii filosofsko-religioznoi polemiki 1860–1870kh godov = Russian novel in the situation of philosophical and religious polemics of the 1860s–1870s. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 328 s.
16. Suvorin A. S. Vopros = The Question. 2-e izd. Sankt-Peterburg, 1904. 163 s.
17. Timkovskii N. I. D'blo zhizni: stsény v 5-ti d'bstviiakh = The Work of Life: scenes in five acts. Moskva, Sankt-Peterburg : Izdanie magazina «Knizhnoe Delo», 1904. URL : http://az.lib.ru/t/timkovskij_n_i/text_0040oldorfo.shtml. (Data obrashcheniia: 11.12.2021).
18. Khalizev V. E. Teoriia literatury = Literature theory. Moskva : Vysshaia shkola, 2004. 405 s.
19. Chekhov A. P. Antologiiia: pro et contra? = Anthology: pro et contra? V 3 t. T. 3. Sankt-Peterburg, 2016. 880 s.
20. Chekhov A. P. Vishnevyy sad: analiz teksta. Osnovnoe sodержanie. Sochineniia = Cherry Orchard: Text Analysis. Main content. Essays / avt.-sost. I. Iu. Burdina. Moskva : Drofa, 2000. 112 s.
21. Chekhov A. P. Sochineniia = Compositions : v 4 t. T. 4. Moskva : Pravda, 1984. 576 s.

Статья поступила в редакцию 16.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
The article was submitted on 16.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья

УДК 008

doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-98-111

Иконостасы русской эмиграции: иконописец В. А. Цевчинский

Татьяна Владимировна Юрьева

Доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

icona-yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1874-5487>

Аннотация. В статье впервые сделана попытка наиболее цельно представить творчество одного из художников русской эмиграции, члена и секретаря общества «Икона» в Париже, создателя собственной иконописной школы В. А. Цевчинского, который через деятельность по возрождению иконописания участвовал в воссоздании русской православной культуры за рубежом, в эмиграции. В ходе исследования был выявлен ряд иконографических памятников, принадлежавших творчеству иконописца. Несмотря на активную творческую, педагогическую и общественную деятельность, которую осуществлял В. А. Цевчинский, его художественное наследие оказалось малоизученным, что позволило автору статьи отчасти заполнить этот пробел.

В статье рассматриваются как иконостасные комплексы, созданные художником, так и отдельные, принадлежащие его кисти иконы, а также храмовые стенописи. Это иконостас и наружная икона храма Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур (Париж), икона «Св. Андрей Первозванный» из иконостаса церкви Святого Серафима Саровского (Париж), наружные росписи церкви Архангела Михаила в Каннах, отдельные иконы из частных собраний, представленные в публикациях и на выставках.

В результате их анализа автор приходит к выводу, что самым цельным сохранившимся произведением художника является иконостас церкви Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур в Париже. Он наиболее репрезентативно представляет творчество мастера, его особую художественную манеру, отличающуюся лаконичностью, строгостью и последовательностью в соблюдении иконографических канонов. Также

показательна программа иконостаса, отразившая основные тенденции развития православного церковного искусства в Русском Зарубежье. Важным моментом является то, что прихожанином храма Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур были известные русские писатели Б. К. Зайцев и И. С. Шмелев. Есть вероятность, что их воззрения на новую русскую религиозность в условиях эмиграции повлияли на программу иконостаса этого храма.

Ключевые слова: икона; иконописание XX века; православный иконостас; церковное искусство; Русское Зарубежье; Валентин Александрович Цевчинский

Для цитирования: Юрьева Т. В. Иконостасы русской эмиграции: иконописец В. А. Цевчинский // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 98-111. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-98-111>

CULTURAL SCIENCE

Original article

Iconostases of Russian emigration: icon painter V. A. Tsevchinsky

Tatiana V. Yurieva

Doctor of cultural studies, professor, the department of journalism and mediacommunications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. icona-yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1874-5487>

Abstract. The article is the first attempt to present the work of an artist of the Russian emigration, a member and secretary of the “Icon” society in Paris, and the creator of his own iconographic school, V. A. Tsevchinsky, who participated in the revival of Russian Orthodox culture in emigration through his icon-painting activities abroad. The study revealed a number of iconographic monuments that belonged to the iconographer's oeuvre. Despite the active creative, pedagogical and social activity, carried out by V. A. Tsevchinsky, his artistic heritage was little studied, which allowed the author of this article to partially fill this gap. The article discusses both the artist's iconostasis complexes and his individual icons, as well as the temple murals. These are the iconostasis and exterior icon of the Church of St. Nicholas the Wonderworker in Boulogne-Billancourt (Paris), the icon of St. Andrew the First Called from the iconostasis of St. Seraphim of Sarov (Paris), exterior paintings of the Church of the Archangel Michael in Cannes, and certain icons from private collections presented in publications and at exhibitions.

As a result of the analysis, the author concludes that the most integral surviving work of the artist is the iconostasis of the Church of Nicholas the Wonderworker in Boulogne-Billancourt, Paris. It is the most representative of the master's work, his particular artistic style, distinguished by brevity, rigor and consistency in following iconographic canons. The iconostasis program is also significant, reflecting the main trends in the development of Orthodox Church art in the Russian diaspora abroad. An important point is that the famous Russian writers B. K. Zaitsev and I.S. Shmelev were parishioners of the Church of St. Nicholas the Wonderworker in Boulogne-Billancourt. There is a possibility that their views on the new Russian religiosity in emigration influenced the iconostasis program of this temple.

Keywords: icon; iconography of the twentieth century; Orthodox iconostasis; Church art; Russians abroad; Valentin Alexandrovich Tsevchinsky

For citation: Yurieva T. V. Iconostases of Russian emigration: icon painter V. A. Tsevchinsky. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11):98-111. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-98-111>

Введение

Как отмечают многие исследователи русской эмиграции, самым весомым итогом деятельности русского зарубежья, так называемой первой послеоктябрьской волны (1917–1939 гг.), стало выполнение им великой культурно-исторической миссии – сохранения русской культуры [Аронов, 1999]. В. Абданк-Коссовский в свое время писал: «Ни одна эмиграция в истории не получила столь повелительного наказа продолжать и развивать дело родной культуры, как зарубежная Русь. И русская эмиграция, имеющая в своих рядах цвет русской интеллигенции, обладающая культурным достоянием, всегда стремилась воссоздать Россию и ее культуру на чужой земле». [Абданк-Коссовский, 1956, с. 121]. Воссоздание русской культуры осуществ-

лялось, прежде всего, через всемерное поддержание в русской среде начал православия, традиций русской православной церкви, особо бережное внимание к истории российской культуры. В частности, в «русском Париже» были созданы Русский Богословский институт, Женские богословские курсы, Русская консерватория им. Рахманинова, Русское генеалогическое общество, общество «Икона», русские церковные и другие хоры. И это далеко не все, что можно было бы назвать.

Особо важное место здесь занимал храм, жизнь его прихода. Поистине, как написал в одной из статей последний регент церкви, о которой пойдет речь ниже, Н. П. Спасский, храм был «местом духовной встречи русских людей» [Спасский, 2003, с. 3].

На торжестве освящения церкви святого Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур отец Георгий, настоятель православного русского прихода в Париже, сказал: «Русское беженство, потеряв все, продолжает верить в скорое воскресение святой Руси, работает не покладая рук и строит во всем мире православные храмы» [В., 1928].

Одним из иконописцев, сделавших весомый вклад в возрождение русского православия за рубежом, был Валентин Александрович Цевчинский, ряд икон и иконостасов до сих пор украшают храмы русской эмиграции.

Имя его не забыто, но мало упоминаемо, несмотря на то что он не только сам писал иконы, но и создал в Париже центр, где преподавал иконописание и устраивал выставки. В научной литературе биография В. А. Цевчинского содержится в словаре «Художники русской эмиграции», составленном О.Л. Лейкиным, К. В. Махровым и Д.Я. Северюхиным [Лейкинд, 1999], а также в двухтомнике, посвященном обществу «Икона» в Париже [Вздорнов, 2002]. Впервые художественный анализ иконостаса, созданного В. А. Цевчинским для церкви святого Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур был предпринят Т. В. Юрьевой в ее докторской диссертации «Православный иконостас как культурный синтез» [Юрьева, 2006], а также статье, посвященной храму в Булонь-Бийянкур [Юрьева, 2007]. Поэтому

целью данной статьи стал подробный обзор и анализ творчества этого иконописца.

Биография

Валентин Александрович Цевчинский (1906–1992) родился в России, в небольшом городке Балахна-Сабунга, который теперь является районом Баку (Азербайджан), в семье специалиста-нефтепромышленника, работника «Товарищества Нобель». Закончил Пятигорскую классическую гимназию. В 1924 году, в возрасте 18 лет Цевчинский прибыл во Францию. В Париже он закончил высшую Политехническую школу и работал механиком, но параллельно занимался и живописью в Школе Этьена Делеклюза. В годы второй мировой войны был заключен в Компьенский лагерь, но выжил.

После войны закончил курсы иконописания в иконописной школе общества «Икона» при храме в Аньере. Общество «Икона» в Париже во многом определило его дальнейшую судьбу. Сначала В. А. Цевчинский был рядовым членом, а с 1949 по 1954 являлся секретарем этого общества. С 1952 года был также членом его Правления.

В это время В. А. Цевчинский продолжал совершенствоваться как художник-иконописец, достаточно много работал, писал иконы как для храмов во Франции, так и для приходов по всему миру. Его основные работы: иконостас и большой образ

св. Николая Чудотворца для Никольского храма в Булонь-Бийянкур (1950-е), иконы для украинской церкви св. Владимира (1954) и греко-коптской церкви в Париже, церкви Архангела Михаила в Каннах, церкви Божьей Матери в Сен-Рафаэль, для часовни и русской церкви на кладбище в Ментоне, иконы для мелькитской церкви св. Иоанна (Атланта, Джорджия, США, 1957), для францисканского монастыря в Пенсильвании (1958), арабской греко-католической церкви св. Петра в Израиле (1959). Икона св. Андрея Первозванного для иконостаса церкви св. Серафима Саровского в Париже, выполненного членами общества «Икона» в 1978 г. Также Цевчинский занимался реставрацией икон.

В 1964 году под его руководством в Париже были созданы специальные центр и школа, где он преподавал иконописание и где устраивались выставки работ самого В.А. Цевчинского и его учеников [Вздорнов, 2002].

Также В. А. Цевчинский был постоянным участником выставок, организованных обществом «Икона»: в Булони под Парижем (1948), в Париже (1947, 1948, 1952, 1967), а также выставок салона Свободного искусства (1947, 1948, 1954) и в выставке в Grand Palais (1959). Кроме того, иконописец провел персональные выставки в галерее на rue de la Ville l'Evêque, 15 (1949) и в магазине на rue St-Sulpice, 24 (1953).

В 1988 году две иконы В. А. Цевчинского «Богоматерь Знамение» и «Св. Георгий, поражающий дракона» экспонировались на организованной обществом «Икона» выставке, посвященной тысячелетию Крещения Руси [ICONES, 1988].

В 1996 две его иконы «Св. Антоний Великий» и «Св. Иоанн Креститель» были представлены на юбилейной выставке, посвященной 70-летию общества «Икона» в храме св. Александра Невского в Париже [Exposition, 1996], затем, на юбилейной выставке, посвященной 80-летию общества «Икона» в Париже [Exposition, 2007].

Скончался В. А. Цевчинский в 1992 году в г. Грасс.

Иконостас храма Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур

Храм Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур появился в пригороде Парижа в 1926 году. Здесь находился знаменитый автомобильный завод Рено, на котором работало множество русских рабочих. В одно время их насчитывалось до трех тысяч. Храм был необходим, поэтому инициативная группа членов «Русского союза во Франции» обратилась к митрополиту Евлогию с просьбой послать в Бийянкур священника для служения в большие праздники. Первым церковным помещением стал зал при ресторане, и, поскольку такое соседство не соответствовало предназначению храма, спустя какое-то время церковь переехала в пустой

барак. В 1930 году на пожертвования прихожан была построена деревянная церковь, но в 1943 году, когда Бийянкур подвергся бомбардировкам, храм был полностью разрушен. Чудом уцелело большинство икон и церковной утвари. Приход приютила протестантская церковь, а затем он переселился в частное помещение, расположенное около разрушенного храма.

В 1946 году началась работа по реконструкции храма, а точнее – к 1953 году церковь практически была построена заново. Таким можно видеть этот храм и теперь. Это скромная кирпичная постройка под двускатной острроверхой крышей с синей луковичной главой, увенчанной крестом. Над входом находится большая икона святого Николая Можайского (ее размеры – 230 х 160 см).

В 2002 году над храмом вновь нависла угроза. Дом, который стоял перед храмом, снесли, и Никольский храм оказался стоящим практически на строительной площадке, где возводили новую высотку. Очень близка была вероятность, что храм тоже снесут. Но церковь удалось спасти, ее вписали в околodomовое пространство, и теперь она считается достопримечательностью города. В настоящий момент ее легко увидеть, напротив нее в доме сделали арку, и церковь хорошо просматривается с улицы.

Первым настоятелем Никольского храма был протоиерей Иаков Ктитарев. При нем в приходе шла

активная просветительская работа, проходили концерты духовной музыки, действовали церковнопевческие курсы и детская школа. С 30-х годов сохранились объявления и небольшие афиши, в которых сообщается о концертах русской и церковной музыки, беседах «с картинками и проекционным фонарем».

Регентом хора с 1930 года был П. В. Спасский, который позже, с 1949 года, стал регентом Александро-Невского собора, главного русского собора в Париже.

Прихожанами церкви долгое время были писатели Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев, актриса Е. Рощина-Инсарова, художник Г. Н. Слободзинский, певица Н. Карандакова и др. Все они входили в духовный кружок, который существовал в это время при церкви. Их лица мы можем видеть на сохранившейся от того времени фотографии. Фото находится в личном архиве Н. Зайцевой-Сологуб, а его копия любезно предоставлена автору статьи Н. Спасским. В первом ряду – С. А. Слободзинская, художница, жена художника Г. Н. Слободзинского, священник о. Георгий Сериков, настоятель церкви в 40-х годах, Б. К. Зайцев с женой. В эмиграции русский писатель по-новому осознал свою религиозность. Благодаря страданиям и потрясениям революции, как отмечал сам Зайцев, он открыл для себя неведомый прежде материк – «Россию Святой Руси». Еще в 1924 году Зайцев написал о своей жизни в эмиграции следую-

щие строки: «В нелегких условиях, причудливо мы живем. Может быть, и бесправные, но нищи ли мы внутренне? Вот это вопрос. И ответ на него, мой: нет, не нищи. Святыни бывают различные, и различна их иерархия. Но, бесспорно, среди них место Родины. У кого есть настоящая Родина и чувство ее, тот не нищ. <...> Многое видишь теперь по-иному, иначе оцениваешь». [Зайцев, 1998, с. 4]. В эмиграции, вдали от родины, тема Святой Руси становится главной в творчестве художника.

В романе «Дом в Пасси» (1935), написанном как раз в то время, когда он был прихожанином храма в Булони, воссоздана жизнь русской эмиграции во Франции. Драматические судьбы русских изгнанников, выходцев из различных слоев общества, объединяет мотив «просветляющего страдания». Центральный персонаж романа – монах Мельхиседек, подвигающийся в миру. Он воплощает православный взгляд на мир, на происходящие вокруг события, на проблему зла и страдания: «Последние тайны справедливости Божьей, зла, судеб мира для нас закрыты. Скажем лишь так: любим Бога и верим, плохо Он не устроит» [Зайцев, 1991].

Иконное убранство храма также несет в себе следы истории жизни прихода. Двухъярусный иконостас, находящийся в церкви, выполнен иконописцем В. А. Цевчинским. Им

же написана и наружная икона св. Николая Можайского.

Цельная композиция иконостасного комплекса икон, созданного иконописцем в Никольской церкви в Булонь-Бийянкур, дает возможность говорить как о своеобразной авторской манере художника, так и о богословской программе, разработанной для иконостаса именно этого храма. Иконописный почерк художника отличается строгостью и даже суровостью. Напряженность линий подчеркивается также тревожным пурпурным цветом фона, на котором написан деисус. Вместе с тем, декоративность деталей, которую можно видеть на иконе Георгия Победоносца, в одеяниях архангелов отсылает наше восприятие к образцам народного искусства, которое, вероятно, также оказало свое влияние на художника.

Схема расположения икон в иконостасе отражает особую традицию в формировании программы алтарной преграды, которая постепенно сложилась в храмах русской эмиграции. Несмотря на небольшие размеры храмов и иконостасов, каждый из них, помимо, конечно, основного своего литургического предназначения является своего рода памятником утраченной России. Поэтому в состав иконостаса включаются самые почитаемые на Руси образы, иконы самых почитаемых на Руси святых. Хотелось бы отметить, что этот опыт мог бы быть более пристально рассмотрен в современной России, где в ситуа-

пии церковного возрождения встало много вопросов и проблем при воссоздании храмов, церковных интерьеров и иконостасов [Юрьева, 2005].

Программа иконостаса храма св. Николая в Булонь-Бийянкур следующая:

Местный ряд. Царские врата с традиционным изображением Благовещения и четырех евангелистов. Над вратами – сюжет Тайной Вечери, выполненный в симметричной композиции с образом Христа в центре. По сторонам от Царских Врат образы Спаса Вседержителя и Богоматери Грузинской. Северные и Южные врата украшены образами Архангелов Михаила и Гавриила. Далее, в иконостасе находится «местная» икона Николая Чудотворца.

Деисусный чин. В центре – «Спас в Силах», справа от Спаса: Богоматерь, архангел Михаил, апостол Петр, святой Иоанн Богослов, святой Сергей Радонежский; слева – Иоанн Креститель, архангел Гавриил, апостол Павел, апостол Андрей Первозванный, преподобный Серафим Саровский.

Небольшой по размерам, храм очень уютен внутри. Кроме иконостаса его украшает большое количество икон. Самые старые из них – это иконы, сохранившиеся еще от первой деревянной церкви: это иконы св. Николая (в митре), икона «Богоматерь Нечаянная Радость», написанные Вадимом Морозовым,

отцом известного иконописца общества «Икона».

В церкви также находятся иконы Г. В. Морозова, Е. П. Озолиной, Н. Г. Спасской и других членов общества «Икона». Есть иконы, принесенные в храм прихожанами и происхождение их неизвестно.

Наталья Григорьевна Спасская – иконописец, член общества «Икона» в Париже. Училась живописи у Г. Н. Слободзинского (1896–1967) в Булонь-Бийянкуре, в 1972–1973 годах училась иконописанию у Г. В. Морозова, с 1980 по 1984 – у Л. А. Успенского в школе при Западноевропейском экзархате в Париже. Автор многих икон в храмах, в том числе и в храме св. Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур. В частности, ее кисти принадлежат «Выносной крест с Распятием», который экспонировался на выставке общества «Икона» в 1988 году (10), иконы «Рождество Христово» и «Вход Господний в Иерусалим». Ее усилиями также был восстановлен наружный образ св. Николая Можайского.

В храме по-прежнему поет прекрасный хор, которым руководит регент – Н. П. Спасский, сын первого регента Никольской церкви – П. В. Спасского.

Н. П. Спасский является также основателем Общества ревнителей церковного пения, генеральным секретарем ассоциации изучения русского литургического пения во Франции, а также вице-

председателем общества «Икона» в Париже.

По-прежнему в церкви идет приходская жизнь, помимо служб, в приходе читаются просветительские лекции, хор церкви выступает со своими программами русской духовной и народной музыки. Храм остается непотопляемым островком русской жизни среди разросшегося Парижа и достойно несет свою миссию по сохранению и преумножению русской культуры.

**Иконостас церкви
Святого Серафима Саровского
в Париже**

Написанием иконы «Св. Андрея Первозванного» отмечено участие В. А. Цевчинского в создании иконостаса для церкви Святого Серафима Саровского в Париже. Этот храм был построен в 1933 году, тогда же был создан и первый его иконостас [Исцеленнов, 1973]. Спустя 40 лет здание храма пришло в негодность, в связи с чем в 1973–1974 годах на месте старого храма по проекту архитектора А. Н. Фёдорова была построена новая деревянная церковь. В 1978 году по проекту Н. И. Исцеленнова был создан второй вариант иконостаса, а образы для него написали члены общества «Икона» в Париже. Центральные иконы деисусного чина – Спаситель, Богородица, Иоанн Предтеча, Арх. Михаил и Арх. Гавриил, Ап. Петр и Ап. Павел – написаны Г. В. Морозовым. Остальные шесть икон – Н. Г. и Н. П. Спасскими, З. Е. Залесской, И. А. Кюлевым,

С. Я. Рышковей-Чекуновой и В. А. Цевчинским. Поскольку это была совместная работа, каждый из иконописцев постарался создать свой образ в общей канонической манере. Не выбивается из этого ряда и икона «Св. Андрей Первозванный» Цевчинского.

**Иконы и росписи церкви
Архангела Михаила в Каннах**

Церковь Архангела Михаила в Каннах является одной из старейших русских православных церквей во Франции и имеет долгую и непростую историю. Строительство храма осуществилось с 1894 по 1896 годы при содействии великой княгини Анастасии Михайловны и великого князя Михаила Михайловича, внучки и внука Николая I на частные пожертвования. Имеет три престола: во имя Михаила Архангела, Александра Невского, Екатерины Александрийской.

В. А. Цевчинский возглавлял иконописную мастерскую, которая работала при храме, в период настоятельства в нем священника Игоря Дулгова (1963–1987?). Русская община православного храма в Каннах тогда, после окончания Второй Мировой войны, пережила свое возрождение. Силами иконописцев мастерской был расписан вход в церковь под колокольней, а также написаны новые иконы [Храм]. Известно, что с Цевчинским над фресками работал Дмитрий Косоротов.

Сюжеты входных росписей связаны с посвящениями храма. Над входом был расположен образ Богоматери «Знаменье», сопровождаемый архангелами Михаилом и Гавриилом, сам вход фланкировали образы самых почитаемых в православной церкви святых – Св. Николая (слева) и Св. Сергия Радонежского (справа). Ниже были написаны два орнаментальных полотенца. Все сюжеты выполнены на светлом, бледно-желтом золотистом фоне. Образы святых фронтальны и статичны. В ликах прослеживается спокойствие и самоуглубленность, отсутствие какой-либо суеты. За внешней простотой изображения скрыто глубокое понимание сущности древнего иконописания. Несомненно, художник обращался именно к этим образцам.

К сожалению, на сегодняшний день, фрески переписаны. Дело в том, что иконописец выполнил работу на панелях, прикрепленных к стене храма. В ходе работ по обновлению храма эти панели были демонтированы, а на их месте появилась новая живопись.

Теперь на своде, имеющем голубой цвет, изображен Архангел Михаил в Славе, а образ Богоматери «Знаменье» сопровождается шесткрылыми серафимами. Работы по восстановлению фресок у входа в Михаило-Архангельский храм были выполнены согласно решению попечительского совета приходской ассоциации от 29 сентября 2010 года, по благословению митрополита Во-

сточно-Американского и Нью-Йоркского Илариона, Первоиерарха РПЦЗ, по утвержденному им эскизу. Работа проведена иконописцами Анной Калининой и Тамарой Цветковой. В большей своей части композиция повторяет прежнюю работу Цевчинского, но, к сожалению, по этим стенописям мы теперь не можем судить о его иконописной манере.

**Церковь во имя иконы
Пресвятой Богородицы «Всех
скорбящих Радость» и Николая
Чудотворца и часовня на
русском кладбище в Ментоне**

Храм во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» и Николая Чудотворца в Ментоне был заложен и освящен в 1892 году. Постройка производилась по плану и под руководством архитектора Г.-Г. Терслинга. На русском участке старого местного кладбища стоит часовня св. мц. цар. Александры, выстроенная графом Н. А. Протасовым-Бахметьевым в 1886 г. в память сестры милосердия А. Тепляковой, отличившейся в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Автором часовни был Николай Иванович Юрасов, строителем – архитектором Дофрэ. Алтарный образ написал известный русский художник И. Н. Крамской. Внутри часовни находится склеп, куда переносят кости из снесенных русских могил. Известно, что в 1950-е годы несколько икон для храма и часовни написал В. А. Цевчинский. На это

указывают авторы книги «Русские храмы и обители в Европе» [Русские, 2005].

Вероятно, множество небольших икон было написано В. А. Цевчинским для православных верующих и хранятся сегодня у них дома, как это происходило с иконами многих иконописцев, таких, как, например, Л. А. Успенский.

Одна из таких икон – небольшой образ св. Антония Великого, принадлежит З. Е. Залесской, последнему председателю общества «Икона» в Париже. Учитывая хорошую сохранность иконы, можно подвергнуть анализу иконописную манеру мастера в той степени, в какой она проявлена в этом образе. Можно сказать, что стиль В. А. Цевчинского в этой иконе характеризуется строгостью соответствия канону, четкостью и графичностью силуэта.

Еще одна икона В. А. Цевчинского – «Архангел Михаил» – опубликована в книге об обществе «Икона» в Париже [Вздорнов, 2002. Цв. вкладка]. В ней указано, что эта икона была экспонирована на выставке Общества «Икона» в 1988 году. Эти сведения расходятся с информацией из каталога выставки [ICONES, 1988]. Тем не менее, если признать, что эта икона также принадлежит В. А. Цевчинскому, то это

также расширяет наши представления о его иконописной манере, которая в этом образе не противоречит другим его произведениям. Архангел Михаил представлен в полный рост, в воинских доспехах и алом плаще, перевязанном через левое плечо. В правой высоко поднятой руке Архангела обнаженный меч, в левой – ножны. Здесь можно видеть ту же строгость силуэта, четкую отобранность графических приемов. Взгляд Архангела Михаила сосредоточен и как бы направлен внутрь себя.

Заключение

В ходе исследования был выявлен ряд иконографических памятников, принадлежавших творчеству иконописца. В результате их анализа можно прийти к выводу, что наиболее цельным сохранившимся произведением художника является иконостас церкви Николая Чудотворца в Булонь-Бийанкур в Париже. Он наиболее репрезентативно представляет творчество мастера, его художественную манеру, отличающуюся строгостью, последовательностью в соблюдении иконографических канонов. Также показательно программа иконостаса, отразившая основные тенденции развития православного церковного искусства в Русском Зарубежье.

Библиографический список

1. Абданк-Коссовский В. Русская эмиграция // Возрождение. 1956. №52.
2. Аронов А. А. Воспроизводство русской культуры в условиях эмиграции (1917–1939 гг.): культурологический аспект. Москва, 1999. 39 с.
3. В. Освящение храма в Бийянкуре // Возрождение. Париж, 1928.
4. Вздорнов Г. И. Общество «Икона» в Париже / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залеская, О. В. Лелекова. Москва ; Париж : Прогресс-Традиция, 2002. 600 с.
5. Зайцев Б. Дом в Пасси. URL: <https://predanie.ru/book/217405-dom-v-passi/>. (Дата обращения: 04.03.2022).
6. Зайцев Б. Слово о Родине // Зайцев Б. Избранное. Москва : Русские записи, 1998. С. 3-11.
7. Исцеленов Н. И. Общество «Икона» В Париже // Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: Дополнительный выпуск. Париж, 1973. С. 82-85.
8. Лейкинд О. Л. Художники Русского Зарубежья, 1917-1939: Биогр. слов. / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Санкт-Петербург : Нотебене, 1999. 714 с.
9. Русские храмы и обители в Европе / авт.-состав. В. В. Антонов, А. В. Кобак. Санкт-Петербург : Лики России, 2005. 399 с.
10. Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940-1975: Франция / под общей ред. Л. А. Мнухина. Т. 1 (5) 4 (8). Париж; Москва : YMCA-Press ; Русский путь, 2002. 658 с.
11. Спасский Н. П. По случаю 75-летнего юбилея основания прихода св. Николая в Булонь-Бийянкур // Русская мысль. № 43. 20-26 ноября. 2003.
12. Храм Архангела Михаила в Каннах. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/france/city/cannes/temples/> 14152. (Дата обращения: 20.02.2022).
13. Юрьева Т. В. Церковь святого Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур, Париж // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: материалы и исследования. Москва : М-Сканрус, 2007. С. 215-217.
14. Юрьева Т. В. Православный иконостас как культурный синтез : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Юрьева Татьяна Владимировна. Саранск, 2006. 370 с.
15. Юрьева Т. В. Ярославский иконостас на рубеже XX-XXI вв. // Регионоведение. 2005. № 4(53). С. 267-281.
16. Exposition d'Icônes. Icônes traditionnelles contemporaines peintes par des iconographes membres de L'Association l'Icône à Paris (1925-1996): [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. Paris, 1996. 24 p.
17. Exposition d'Icônes. Organisée de L'Association «l'Icône». A l'occasion du 80ème anniversaire de sa foundation (1927-2007). 57 p.
18. ICONES. Millenaire du bapteme de la russie 988 – 1988. Exposition d' icones anciennes et contemporaines. PARIS, 1988.

Reference list

1. Abdank-Kossovskij V. Russkaja jemigracija = Russian emigration // Vozrozhdenie. 1956. №52.
2. Aronov A. A. Vosproizvodstvo russoj kul'tury v uslovijah jemigracii (1917–1939 gg.): kul'turologičeskij aspekt = Reproduction of Russian culture in emigration (1917-1939): A culturological aspect. Moskva, 1999. 39 s.
3. V. Osvjashhenie hrama v Bijjankure = Consecration of the temple in Bijankur // Vozrozhdenie. Parizh, 1928.
4. Vzdornov G. I. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe = “Icon” society in Paris / G. I. Vzdornov, Z. E. Zaleskaja, O. V. Lelekova. Moskva ; Parizh : Progress-Tradicija, 2002. 600 s.
5. Zajcev B. Dom v Passi = The house in Passy. URL: <https://predanie.ru/book/217405-dom-v-passi/>. (Data obrashhenija: 04.03.2022).
6. Zajcev B. Slovo o Rodine = About the Motherland // Zajcev B. Izbrannoe. Moskva : Russkie zapisi, 1998. S. 3-11.
7. Iscelenov N. I. Obshhestvo «Ikona» V Parizhe = “Icon” society in Paris // Kovalevskij P. E. Zarubezhnaja Rossija: Dopolnitel'nyj vypusk. Parizh, 1973. S. 82-85.
8. Lejkind O. L. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja, 1917-1939:= Artists of the Russian emigration, 1917-1939 Biogr. slov. / O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjulin. Sankt-Peterburg : Notebene, 1999. 714 s.
9. Russkie hramy i obiteli v Evrope = Russian churches and monasteries in Europe / avt.-sostav. V. V. Antonov, A. V. Kobak. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2005. 399 s.
10. Russkoe Zarubezh'e: Hronika nauchnoj, kul'turnoj i obshhestvennoj zhizni: 1940-1975: Francija = Russians abroad: Chronicles of scientific, cultural, and social life: 1940-1975: France / pod obshhej red. L. A. Mnuhina. T. 1 (5) – 4 (8). Parizh; Moskva : YMCA-Press; Russkij put', 2002. 658 s.
11. Spasskij N. P. Po sluchaju 75-letnego jubileja osnovanija prihoda sv. Nikolaja v Bulon'-Bijjankur = On the 75th anniversary of St. Nicholas parish in Boulogne-Billancourt // Russkaja mysl'. № 43. 20-26 nojabrja. 2003.
12. Hram Arhangela Mihaila v Kannah = Archangel Michael church in Cannes. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/france/city/cannes/temples/> 14152. (Data obrashhenija: 20.02.2022).
13. Jur'eva T. V. Cerkov' svjatogo Nikolaja Chudotvorca v Bulon'-Bijjankur, Parizh = Church of Saint Nicholas the Wonderworker in Boulogne-Billancourt, Paris // Pochitanie svjatitelja Nikolaja Chudotvorca i ego otrazhenie v fol'klore, pis'mennosti i iskusstve: materialy i issledovanija. Moskva : M-Skanrus, 2007. S. 215-217.
14. Jur'eva T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez : special'nost' 24.00.01 «Teorija i istorija kul'tury» = Orthodox iconostasis as a cultural synthesis : 24.00.01 “Theory and History of Culture” : dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora kul'turologii / Jur'eva Tat'jana Vladimirovna. Saransk, 2006. 370 s.
15. Jur'eva T. V. Jaroslavskij ikonostas na rubezhe XX-XXI vv. = Yaroslavl iconostasis at the turn of the XX-XXI centuries // Regionologija. 2005. № 4(53). S. 267-281.

16. Exposition d'Icônes. Icônes traditionnelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris (1925-1996): [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. Paris, 1996. 24 r.

17. Exposition d'Icônes. Organisée de L'Association «l'Icône». A l'occasion du 80éme annivarsaire de sa foundation (1927-2007). 57 p.

18. ICONES. Millenaire du bapteme de la russie 988 – 1988. Exposition d' icones anciennes et contemporaines. PARIS, 1988.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 10.01.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья

УДК 008

doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-112-133

**Исторический дискурс художественного универсума
Михайловского замка: аспекты власти**

Вячеслав Александрович Летин

Кандидат культурологии доцент кафедры общих гуманитарных наук
и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный
институт», г. Ярославль.

Liotin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3549-3058>

Аннотация. В статье рассматривается исторический дискурс репрезентативной программы власти и личности императора Павла I в контексте художественного универсума его петербургской резиденции Михайловского замка. В этом масштабном проекте Павла I воплотились не только передовые строительные и художественно-оформительские технологии дворцового строительства эпохи, но и присущие дворцовому дискурсу традиции репрезентации власти и персоны властителя. Михайловский замок императора Павла I являлся и самым «дорогим» объектом дворцового строительства, и самым «концептуальным». Его символическая программа вобрала в себя принципы репрезентации власти, реализованные в резиденциях предшественников. Однако, при этом она формировалась лично августейшим заказчиком. Выявив соответствие композиционных осей здания земному (юг-север) и духовному (запад-восток) аспектам бытия, автор публикации вскрывает символический, гендерный и исторический принципы в композиции парадных анфилад Павла I (южная и восточная части дворца) и Марии Федоровны (северная и западная части дворца). В центре внимания исследователя оказывается интерпретация истории России и персоны Государя в декорациях экстерьера и интерьеров бельэтажа дворца. Представленный в работе детальный семиотический анализ исторических живописных полотен, созданных художниками Дж. Аткинсоном и Г. И. Угрюмовым по инициативе императора Павла I для Воскресенского зала дворца, раскрывает концепцию власти, в основе которой принципы маскулинности, патриотичности и сакральности. Галерея правителей-героев (первых в своем роде), созданная художниками, презентовала Павла I, как одного из царственных пионеров – первого правителя

© Летин В. А., 2022

объединившего не только власть светскую и духовную, но и попытавшегося объединить восточную и западную христианские церкви. Дуализм светского и сакрального начал является лейттемой исторического дискурса декора дворца, что, в свою очередь, соответствует *idée fixe* его августейшего хозяина.

Ключевые слова: репрезентация власти; исторический дискурс; Михайловский замок; Павел I; история России; историческая живопись; Г. И. Угрюмов

Для цитирования: Летин В. А. Исторический дискурс художественного универсума Михайловского замка: аспекты власти // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 112-133. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-112-133>

Original article

Historical discourse of Mikhailovsky castle's artistic universe: aspects of power

Vyacheslav A. Letin

Candidate of cultural studies, associate professor of the department of general humanities and theatre studies, Yaroslavl state theatre institute, Yaroslavl.
Liotin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3549-3058>

Abstract. This article examines the historical discourse of Emperor Paul's representational program of power and personality in the context of the artistic universe of his St. Petersburg residence, the Mikhailovsky Castle. This large-scale project, Paul I embodied not only advanced building and decoration technologies of contemporary palace construction, but also the traditions of the sovereign's power and personality representation inherent in the palace discourse. The Mikhailovsky Castle of Emperor Paul I was both the most "expensive" object of palace construction and the most "conceptual". His symbolic program absorbed the principles of power representation implemented in the residences of his predecessors. However, at the same time, it was formed personally by the royal customer. Examining the correspondence between the compositional axes of the building to the earthly (south-north) and spiritual (west-east) aspects of existence, the author of the publication reveals the symbolic, gender and historical principles in the composition of the grand enfilades of Paul I (southern and eastern parts of the palace) and Maria Feodorovna (northern and western parts of the palace). The researcher focuses on interpreting the history of Russia and the Sovereign's persona in the setting of the palace's exterior and interiors of the palace. The detailed semiotic analysis of the historical paintings created by J. Atkinson and G. I. Ugryumov on the initiative of Emperor Paul I for the Resurrection Hall of the Palace

reveals the concept of power, based on the principles of masculinity, patriotism and sacredness. The gallery of hero rulers (the first of their kind), created by the artists, presented Paul I as one of the royal pioneers – the first ruler to unite not only secular and spiritual power, but also the Eastern and Western Christian churches. The dualism of secular and sacred principles is the leitmotif of the historical discourse of the palace decor, which, in turn, corresponds to the idee fixe of its sovereign master.

Keywords: representation of power; historical discourse; the Mikhailovsky Castle; Paul I; Russian history; historical painting; Grigory Ugryumov

For citation: Letin V. A. Historical discourse of Mikhailovsky castle's artistic universe: aspects of power. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11):112-133. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-112-133>

Михайловский замок – последний императорский дворец, построенный в XVIII веке, – завершает череду великолепных петербургских резиденций, а судьба его владельца – череду дворцовых переворотов. В этом масштабном проекте Павла I воплотились не только передовые строительные и художественно-оформительские технологии дворцового строительства эпохи, но и присущие дворцовому дискурсу традиции репрезентации власти и персоны властителя. Михайловский замок императора Павла I являлся и самым «дорогим» объектом дворцового строительства, и самым «концептуальным». Его символическая программа вобрала в себя принципы репрезентации власти, реализованные в резиденциях предшественников. Однако, при этом она формировалась лично августейшим заказчиком. В ней можно выделить религиозно-философский, исторический и гендерный дискурсы, в соответствии с которыми определены расположе-

ние и форма помещений бельэтажа, а также их функции и декор.

Исторический дискурс Михайловского замка занимает важное место в символическом универсуме Михайловского замка, поскольку вобрал в себя, кроме событийного, еще и династический, и личностный аспекты. Тем самым место императора Павла I утверждалось и истории страны, и в династии. Исторический дискурс художественного универсума дворца предстает в разных вариантах, как в декоре экстерьера здания, так и во всем пространстве парадных апартаментов.

В соответствие с двуединой природой символической программы Михайловского замка, сочетающей в себе характерные элементы сакрального и репрезентативного универсумов, трактовка истории в его пространстве так же дуалистична. История здесь предстает в двух вариантах: в ее «земном» (история Российской государственности) и в «сакральном» (история

«духовного роста» человека/человечества) вариантах.

Распределяются эти «исторические» варианты по композиционным осям, символически обыгрывая их направление. Так продольная ось (юг-север) – связана с вариантом земной жизни и, соответственно, российской государственности, а поперечная (запад-восток) – связана с духовной жизнью и, соответственно, с сакральной историей.

В данной работе рассмотрим «земной» вариант истории в контексте символического универсума Михайловского замка.

Аллегорические композиции на исторические темы сосредоточены в декорациях экстерьеров южного и северного фасадов. При этом обе стороны не только оказываются в непосредственной близости к «петровским» объектам, но имеют и концептуальные аллюзии с «петровской» темой. Для Павла I образ Петра Великого был своеобразным камертоном его императорского кредо.

Центральная часть южного фасада решена как триумфальная арка (прямоугольный проезд Воскресенских ворот зрительно «достраивается» до арки полуциркульным окном второго этажа), фланкированная парными обелисками с воинской арматурой и вензелями Павла I. Венчает фасадную композицию монументальный фронтон, в тимпане которого рельеф работы братьев Стаджи «История заносит

славу России на свои скрижали» [Булах, 2002].

Северный фасад, выходящий на Летний сад и Летний дворец Петра I (а в перспективе еще и на петровский домик на другом берегу Невы), украшен пятью барельефами с важными принципами государственности, представленными в виде монументальных барельефов аттика [Карпова, 1999].

Таким образом, идея о деяниях, достойных занесения на славные скрижали истории, декларируемая на южном фасаде дворца, аргументируется пятью «тезисами» – на северном. Показательно и само направление движения по оси, которое задается композицией замка. В этом продвижении посетителя дворца на север символически представлено петровское продвижение Российской империи к берегам Балтики и закрепление на них.

Полюса «государственной» оси составляют с южной стороны парадные апартаменты императора, а с северной – императрицы. С его стороны – это демонстрация исторического опыта страны. С ее – демонстрация актуального «быта» августейшего семейства.

«Российский» аспект исторического дискурса бельэтажа Михайловского замка реализуется в следующих помещениях северной части дворца: Парадная лестница, Воскресенский зал и Большая тронная зала императора Павла I, отчасти – театр. Запечатленные в живописи и представленные в теат-

ре «исторические» события направлены, чтобы создавать у посетителей дворца представление о великих делах предков – вех на пути формирования Просвещенного государства.

Простенки между лопатками на Парадной лестнице предполагалось заполнить фресками на сюжеты истории России, что осуществлено [Кальницкая, 2003] не было. Известно только, что две композиции должен был делать англичанин Дж. Аткинсон [Кустова, 2011] на темы «древних баталий»: «Татары, переносящие лодки» и «Битва с татарами». Кульминации историческая героика должна была достигать в оформлении Воскресенского зала.

Воскресенским залом начиналась анфилада парадных залов императора. Так героикотриумфальная идея растреллиевского монумента тематически развивалась от архитектурного решения парадного въезда в замок в виде триумфальной арки Воскресенских ворот до помещения Воскресенского зала непосредственно над ними. Само название ворот и, соответственно, зала апеллирует к бытовавшей со времен Елизаветы Петровны аллегории, переосмысливавшей религиозное событие Воскресения Христа в качестве политической метафоры: воскрешение петровских начинаний. Так в иконостасах храмов елизаветинской эпохи, имевших непосредственное отношение к императри-

це, образ Воскресения Христа занимал центральное положение вместо традиционного Спаса в силах. Это можно видеть в московском соборе Климента папы Римского на Пятницкой улице и ярославской церкви Николая Надеина. Кульминационным в этом ряду является композиция «Воскресение Христова» на плафоне притвора придворной церкви Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце (изначально Ф. Фонтебассо, возобновлена П. В. Басиным после пожара 1837 г.). Павел I наследует и развивает эту аллегория, переводя ее из сферы религиозной в сферу историческую.

Воскресенский зал представляет собой двусветное помещение, занимающее весь архитектурный объем в центральной части северного объема дворца. Его элегантное оформление интерьера с героикотриумфальными мотивами было создано по проекту архитектора Винченцо Бренны в 1798–1801 гг. Оно вполне соответствовало предназначению помещения как места проведения праздничных мероприятий, а также официальных приемов с приглашенными послами и министрами иностранных держав.

Его декор вполне соответствовал предназначению. Концепция Воскресенского зала должна была «фокусировать» внимание посетителя на персоне Государя, встреча с которым предполагалась в следующем помещении. В шести масштабных полотнах исторического

жанра, посвященных важным вехам становления российской государственности, должна была быть представлена история страны. Причем здесь история напрямую оказывалась связанной с персоной правителя и его личными качествами, проявляемыми им в этот момент. Таким образом, император Павел I символически наследовал не только историческую славу, но и качества своих героических предков-венценосцев. Окруженные искусственным золотистым мрамором стен события Российской истории приобретали не только триумфально-героическое, но еще и сакральное значения. Тем более что практически все они были соотношены с сакральным пространством или соответствующими атрибутами и аксессуарами.

И здесь император Павел I не только дает собственную трактовку Российской истории и определяет в ней место собственной персоны. При этом в интерпретации истории он полемизирует по этим вопросам со своей августейшей матерью, ранее превратившей главный зал петергофского Большого дворца в мемориальное пространство династии, «стерев» с его плафона «апофеоз Елизаветы Петровны» работы Ф.-Б. Растрелли.

Первый подобный опыт был осуществлен в Петродворце Екатериной II, которая в свое время «символически отменяла» царствование «дщери Петра» и, одновременно, презентовала идею женского

правления в Царском селе и Петергофе. В начале 1770-х гг. по указанию Екатерины II была произведена реконструкция интерьеров петергофского Большого дворца. В том числе это коснулось и Большого (Тронного) зала. Вместо располагавшегося в нём ранее плафона работы Б. Тарсия «Триумф Петра и воздвижение памятника деяниям Елизаветы Петровны» [Гуревич, 1979], в соответствии с замыслом Екатерины II над окнами вдоль стен были размещены портреты представителей династии, а на торцевых стенах императорские портреты Петра I и Екатерины I, Елизаветы Петровны и Анны Иоанновны. Тем самым, царственной матерью решалось несколько репрезентативных задач. Прежде всего, императрица Елизавета Петровна «превратилась» из дочери своего отца во «всего лишь одну» из предшественниц екатерининского царствования. В то время как исключительно женские портреты предшественниц делали правление самой Екатерины II вполне традиционным. Более того, обратившись к образу первой русской княгини Ольги и акцентируя момент принятия ею христианства (барельеф А. М. Иванова «Крещение Ольги под именем Елены» [Колотов, 2013]), императрица декларирует легитимность женского царствования в самых истоках российской религиозности и государственности.

Так что дискредитируя и вытесняя образ предшественницы из ис-

торической памяти, Павел I не оригинален. Но в своих репрезентационных амбициях он идет гораздо дальше предшественниц. Ему важно утвердить собственное место в династии Романовых в качестве законного наследника (в отличие от узурпаторш – двоюродной бабки и матери) по крови и духу. В собственном дворце Павел I дает исключительно «маскулинный» взгляд на историю династии и империи. Здесь можно увидеть полемику с оформлением петергофского Тронного зала Большого дворца, в котором Екатериной II как раз и акцентировался приоритет женской роли в истории Отечества.

В Михайловском замке история представлена исключительно как цепь «мужских» подвигов во славу Отечества. Гендерные роли августейших супругов в художественном универсуме Михайловского замка акцентировались функциями помещений их парадных апартаментов. В парадной анфиладе императора личность правителя практически сливалась с историей и религией, становясь воплощением идеи государственности. В парадной анфиладе императрицы акцентировалось ее место в кругу августейшего семейства как особы, контролирующей свои страсти (Галерея Рафаэля), что позволяет ей выполнять роли благочестивой супруги (Парадная спальня) и добродетельной матери (Большая столовая). Таким образом, в символическом универсуме Михайловского

замка только мужчина имел право на место в истории, женщине же отводилось место исключительно в пространстве семьи.

В отличие от утраченных сюжетов, предназначавшихся для Парадной лестницы, шесть сюжетов, предназначавшихся для полотен Воскресенского зала, известны: «Крещение великого князя Владимира» и «Победа Дмитрия Донского над татарами» Дж. Аткинсона (обе 1799, ГТГ) [Бахарева, 2002]; «Взятие Казани Иваном Грозным» Г. И. Угрюмова (1797–1799 г., ГРМ); «Призвание Михаила Федоровича на царство 14 марта 1613 года» (1797–1799 г., ГРМ), «Полтавская баталия» В. К. Шебуева (местонахождение неизвестно) и «Соединение российского и турецкого флота и проход его через Босфор» В. П. Причетникова (местонахождение неизвестно).

В настоящее время Воскресенский зал открыт после реставрации. Полотна Г.И. Угрюмова «вернулись» в родной для них интерьер. Работы Дж. Аткинсона, хранящиеся в Государственной Третьяковской галерее, представлены в нем черно-белыми копиями. Все четыре полотна экспонируются в простенках на боковых стенах зала. Вместо двух утраченных работ В. П. Причетникова и В. К. Шебуева над каминами на торцевых стенах зала размещены зеркала соответствующего размера.

Поскольку ансамбль полотен в полном составе не сохранился, то

целостной программы этой «исторической» панорамы мы представить не можем. Однако, даже по совокупности смыслов сохранившихся фрагментов этого убранства можно выявить ведущие темы, мотивы, сюжеты и образы истории Государства Российского императора Павла I.

Две пары полотен, двое художников представляют собой авторские диптихи на заданную тему. Им присуща общая концепция власти, но каждый из них варьирует ее по-своему.

Вера и отвага: диптих Дж. Аткинсона. Работы Дж. Аткинсона, представляют важные события наиболее раннего периода Российской истории, находятся в фондах Государственной Третьяковской Галереи. При вполне традиционном для исторического и батального жанров в решениях композиционного построения картин, художник большое место уделяет этнической экзотике: стилизованные «национальные» костюмы, густые бороды и архаические прически, специфические типы головных уборов.

Места событий Аткинсоном обозначены условно без соотнесения с историческими реалиями. Так Мамаево побоище происходит не на окруженной лесом и оврагами долине реки Непрядвы, а в гористом ландшафте. Сцена же крещения Владимира разворачивается в классицистски решенном храмовом пространстве.

Начинался исторический цикл Воскресенского зала картиной «Крещение великого князя Владимира». Тем самым история государственности напрямую соотносилась с историей христианства. На картине запечатлен обряд крещения Великого киевского князя. Его этапы пофазово представлены священниками, производящими соответствующие манипуляции над второстепенными персонажами. Итоговым и самым ярким актом этого «живописного крещения» становится надевание креста епископом на коленопреклоненного князя Владимира. На солее священник надевает крест коленопреклоненному князю. Его фигура дана боком, что позволяет художнику продемонстрировать благородный греческий профиль русского правителя. На Великом князе мантия с меховой опушкой, справа от него на первом плане по центру – на подушке с массивными кистями – шлем князя.

Вся сцена на солее залита падающим сверху светом и акцентирована цветом: бликующая одежда и отороченный темным мехом красный плащ с переливающимся золотом орнамента [Государственная Третьяковская галерея, 2005]. Рефлексы красного расходятся по всему пространству картины от фигуры князя, вспыхивая на митре стоящего рядом епископа и угасая на деталях одежды персонажей «массовки». Все это символически представляет персону князя-

неофита как источник света в сумрачном пространстве картины.

«Крещение великого князя Владимира», составляет контраст второму полотну аткинсоновского диптиха, прославляющего подвиг Дмитрия Донского во время Куликовской битвы.

Если на предыдущей картине дана статичная мизансцена в замкнутом пространстве – храмовом – пространстве, то центральным событием на этой картине является подвиг князя Дмитрия Ивановича во время боя. Герой, схватившись левой рукой за древко направленного в его сторону копья, отводит его от себя. Момент, представленный на картине, драматичен. Князь оказался на земле, так как только что под ним была ранена и упала лошадь. Соответственно, к его месту падения устремились и татары, и русские воины. Одни, чтобы пленить или убить, другие – защитить и спасти героя. Это противостояние определяет композиционное решение картины, в правой части которой сгруппированы атакующие золотоордынцы, а в левой – русские. В трактовке сцены боя можно увидеть отголоски полотен Ш. Лебрена из цикла «Деяний Александра Македонского» (1673). В частности, положение упавшей лошади на первом плане, напоминает лошадь на лебреновской картине «Битва при Гавгамеле». Так же «полебреновски» трактуется и этническая идентичность противников.

Татары даются в стилизованных костюмах ориентальных костюмах: халаты, остроконечные шапки с опушкой. Русские воины представлены двумя типами: казаками и «легионерами». Казаки над фигурой князя узнаются по шапкам-мурмолкам и кривым саблям. «Легионеры» – в антикизированных доспехах.

Князь выделяется наиболее полным «античным» доспехом. Его бликующая полированная поверхность делает фигуру героя самой яркой на полотне. Высокий статус персонажа акцентируется зубчатой короной на его шлеме и, вероятно, красным цветом плаща. Плащ, простертый над рукой героя, сжимающей вражеское копьё, акцентирует внимание на центральном жесте.

Верность и Милосердие/Благодетельство: диптих Г. И. Угрюмова. На картинах Г. И. Угрюмова «павловская» концепция репрезентации персоны правителя и её роли в истории государства находит продолжение в развитии двух тем: сакральности власти («Призвание Михаила Федоровича на царство 14 марта 1613 года») и героики («Вступление Иоанна IV в завоеванную у татар Казань»).

Особое место в этой репрезентативной системе занимает образ царя Михаила Федоровича – родоначальника династии Романовых. Картина Г. И. Угрюмова с изображением сцены избрания первого Романова на Российский престол

более других исторических полотен привлекла внимание описывавшего замок А. Коцебу [Коцебу, 2001]. Вполне естественно, что драматург и театральная деятельность оценил здесь не только мастерство живописца, но и близкую ему нарочитую и эффектную «театральность» трактовки им события. Юный Михаил Федорович запечатлен на полотне в центре на амвоне храма между фигур инокини Марфы – матери К.И. Романовой и священника – архиепископа рязанского и муромского Феодорита.

Центральную группу на амвоне обрамляют участники события, распределенные художником по обеим сторонам от алтаря в соответствии с их социальным статусом.

Справа дворяне и священники. Ф. И. Шереметев подносит юному царю корону. В соответствии со статусом Шереметев опирается на вторую ступень «царского места». За ним возвышается фигура князя В. И. Бахтеярова-Ростовцева с державой в руках. Справа от Шереметева стоят архимандрит Чудовского монастыря Авраам и келарь Троице-Сергиевской лавры Авраам Палицин. Позы персонажей составляющих эту группу исполнены достоинства, а жестикуляция благородно сдержанна.

Созерцательному сосредоточенному вниманию восприятия этого важного события противопоставляется группа представителей народа. Их реакция дается художником че-

рез активное физическое действие и экспрессивное жестовое поведение (простертые к царю руки, земной поклон, наклон тел в сторону амвона). Эти столь различные по способу выражения отношения к событию группы объединены цветом. Тесно поставленные фигуры каждой из этих групп затемнены и составляют контраст залитому горным светом амвону. И, естественно, облаченный в серебристую рубаху с золотой отделкой рубаху Михаил Федорович буквально сияет на фоне темных одежд матери и матового золота облачения священника. Его царственность подчеркивается высокими красными сапогами, явно позаимствованным художником из арсенала иконописи. Подобные высокие сапоги с богатой отделкой – кампаги – являлись знаком высшей власти в Византии.

Поза юноши характерна для репрезентативных парадных портретов, тем более что в постановке ног, повороте тела и ракурсе головы угадывается поза Аполлона Бельведерского. Однако, в соответствии с предлагаемыми обстоятельствами жест изменен на выражающий искренность (правая рука ладонью прижата к левой стороне груди) произносимой клятвы (кисть согнутой левой руки поднесена вертикально к лицу).

В контексте павловского «заказа» эта поза может иметь большее значение, нежели традиционное художественное клише. Образ Аполлона напрямую соотносится с

обеими загородными павловскими усадьбами. При этом в Павловске разворачивается целая символическая архитектурно-парковая сюита, ему посвященная [Топоров, 2003]. Гатчинская реализация аполлонической темы гораздо меньше павловской, но едва ли не более прямолинейно. Так на первой иллюстрации «Кушелевского альбома» работы Г.С. Сергеева «Музы подносят Павлу I план Гатчинского дворца», сам Павел I изображен в позе Аполлона Бельведерского [Федорова, 2019]. В результате чего «аполлоническая» поза здесь приобретает еще и личный оттенок, демонстрируя не только высшую природу власти, но и её генезис. Если в символических программах усадебных универсумов Великого князя аполлонический код являлся в первую очередь знаком духовной работы над собой, просвещения души, то в Михайловском замке, дополненный соответствующими символическими деталями, он приобрел ярко выраженные обертона темы власти.

При этом сакральная природа власти, конечно же, разрабатывается и в композиционном, и в образном планах произведения. Так широкие жесты двух наиболее значимых в этом эпизоде персонажей, стоящих рядом с Михаилом Федоровичем: материнский (указывающий на народ) и епископский (соотносящий царские регалии с горним светом) – словно описывают вокруг верхней части фигуры юноши раму-треугольник. В то же вре-

мя его правая нога, поставленная на край верхней ступени амвона, дополняет эту фигуру до ромба. Такое «живое» обрамление главного героя произведения зрительно уподобляет его иконам в рамках центральной части «задника» этой театральной сцены – иконостаса Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме.

Ракурс же представленной здесь мизансцены таков, что трио персонажей, составляющих центральную группу картины, оказывается отнесенным от центральной оси храмового пространства. Фоном им служат не Царские врата иконостаса, а икона местного чина, расположенная с правой (от них) стороны. На ней группа из силуэтов трех святых. Темные монашеские одежды и покрывало на голове центрального персонажа, – это единственное, что позволяет как-то его идентифицировать. При этом его более высокий рост по сравнению с двумя другими фигурами свидетельствует о значимости и превосходстве над ними. Лик святого закрыт простертой вверх кистью руки митрополита Феодорита. Поскольку боковые фигуры даны без какой-либо детальной прорисовки, то идентифицировать их затруднительно. Относительно же центральной фигуры можно предположить, что это должен быть некто, относящийся к духовному сословию и имеющий непосредственное отношение к событиям воцарения первого Романова. Единственный святой право-

славной церкви, который вписывается в данный контекст – это Св. Макарий Унженский/ Желтоводский.

Выходец из Нижнего Новгорода, последователь Св. Сергия Радонежского, основатель монастырей и креститель «сарацин» (чувашей, мордвы, черемисов и т. д.) [Житие Макария Желтоводского и Унженского, 2005]. Почитание его в качестве «крепкого хранителя края» и заступника городов Унжи и Соли Галицкой от набегов казанских татар обусловило к XVI веку наличие его икон в храмах галичской земли. После снятия трехдневной осады татар Соли Галичской в 1532 году в местном Успенском соборе был освящен придел в его честь. Особенностью почитания св. Макария Унженского является его покровительство пленникам. Это связано с житийным эпизодом святого, который оказался в 1439 году пленен татарами и угнан в Казань. Однако сумел освободиться сам и увести из плена и других пленников. В контексте установления идентичности святого за спиной будущего царя на картине Г. И. Угрюмова важно отметить, что только Св. Макарий Унженский в пантеоне русских православных святых имел именно такой «биографический» факт и специфику покровительства [Зонтиков, 1999]. В истории воцарения Михаила Федоровича с этим святым связана тема избавления из польского плена его отца – патриарха Филарета (Федора Никитича Романова). Пережив оса-

ду Москвы и ее освобождение от поляков Вторым народным ополчением под предводительством кн. Д. М. Пожарского и К. М. Минина в начале ноября 1612 года инокиня Марфа с сыном Михаилом Федоровичем предпринимает паломническую поездку в Костромские земли, а именно в Свято-Троицкий (Макарьево-Унженский) монастырь к мощам святого, покровительствующего пленным. Целью этой поездки было молитвенное прошение преподобного о спасении из плена мужа и отца – Филарета (Ф. Н. Романова).

Об этом галичском и поволжском святом Романовым могло быть известно, во-первых, потому что сама инокиня Марфа имела в тех краях вотчинные земли, а во-вторых, от бывшего с ней в московской осаде деверя – Ивана Никитича – не только унженского вотчинника, но и практически соседа по имениям с тем Троицким монастырем. В связи со случившимся в 1619 году освобождением Филарета из плена произойдет официальная канонизация святого, вследствие чего в XVII веке значительно расширится ареал его почитания и количество посвященных ему алтарей.

В таком случае символически благословение на царство приобретает на картине Угрюмова еще и трансцендентный характер, поскольку определяется место царя не только в истории земной, но и – сакральной.

Однако, на картине Г. И. Угрюмова, поднятая рука митрополита

Феодорита закрывает лик святого, позволяя видеть только его темные одежды. Вполне вероятно, сделано это было художником вполне сознательно, поскольку монашеские одежды у зрителя, осведомленного в исторических обстоятельствах события, невольно вызывают ассоциацию с персоной отсутствующего на картине в силу исторических обстоятельств отца будущего царя. Так что святой со схожим житием здесь вполне может выступать в качестве его иконоческого знака.

О том насколько важное значение имел для художника (и заказчика) этот эпизод, свидетельствует сам факт помещения Г. И. Угрюмовым иконы с таким сюжетом с левой стороны от Царских врат. Традиционно в иконостасах православных храмов, в том числе и в реальном иконостасе Троицкого собора Ипатьевского монастыря, на этом месте размещается образ Богородицы с младенцем [Каткова, 2014].

Замена богородичного образа «патрональным» позволяет художнику (и заказчику) решить сразу несколько задач: соответствие историческому ходу событий; визуализация связи с сакральным миром, символическое воссоединение семьи будущего царя.

«Иконная» аранжировка события проводит так же важную для репрезентативной функции произведения в контексте символической программ павловского художественного универсума тему – Вос-

кресения Христа. Именно над проездными – Воскресенскими – воротами южной стороны замка должен был располагаться Воскресенский же зал с историческими картинами, в том числе и «Призванием Михаила Федоровича...». Трансляторами этой темы являются икона на левом столпе и изображение на хоругви, поднятой чуть правее центральной группы людей на солее.

На храмовой иконе вполне определенно прочитывается кульминационный эпизод истории воскресения Христом сына вдовы (Лк. 7, 11–18). О том, что сюжет этого образа в пространстве стилизованного Троицкого собора именно таков, говорит использованная здесь иконографическая схема. Простерты на смертном одре (или уже приподнявшегося на нем) юноша в саване; толпящиеся рядом с одром апостолы, одетые в темное; мать-вдову и Христос, простерший руки к её умершему сыну – именно этот сюжет и представляется на картинах художников от Средних веков до Новейшего времени. Существенным отличительным признаком этого чуда в Наине от двух других чудес с воскрешением людей (Лазаря и дочери Иаира) является его публичность, поскольку другие чудеса предполагают ограниченный круг свидетелей. В теологической интерпретации данное событие интерпретируется как пророческое, предвосхищающее новую эру [Липеровский, 2011], когда «отрет Бог всякую слезу с очей..., и

смерти не будет уже; ни плача ни воплей, ни болезней уже не будет, ибо прежде прошло...» (Апок.21,4). В храмовой «декорации» картины Г. И. Угрюмова сын вдовы еще простерт на одре. Тем самым художником акцентируется момент предчувствия, ожидания чудесного события. Что вполне соотносится с темой и настроением общего замысла произведения.

Появление этого эпизода здесь не случайно. Оно является тонким намеком художника (и, конечно, заказчика) на присутствие здесь еще и масонской символики. Именно сыновьями/детьми вдовы вольные каменщики именовали самих себя [Уоллис-Мэрфи, 2012]. Связано это с ключевым образом масонского учения – Хирамом Аббифом – архитектором первого Иерусалимского храма, который в «Библии» именуется: «...сын одной вдовы из колена Неффалимова...» (I Книга Царств, 7:14). Акцентированный горящей свечой и размещенный в пространстве храма перед амвоном с «народной» стороны этот образ является символическим выражением ожидаемого людьми от нового царства. Своеобразным ответом-обещанием народу служит вознесенная над сценой клятвы Михаила Федоровича хоругвь с изображением сюжета «Воскресения Христа». В композиционном решении этой сцены Г. И. Угрюмовым используется характерная для западноевропейской живописи композиция, ставшая с XVI века своеобразным изобразительным канон

«Воскресения». В этом ключе с разницей в детализировке поз и антуража так эту сцену писали западноевропейские художники Ренессанса и Нового времени: А. Каррачи, Тициан, Мурильо и мн. др. Наиболее же близким угрюмовской версии трактовки «Воскресения» является работа Питера Ластмана (1583–1633). При всей упрощенности композиционного решения и сокращения количества персонажей с шести (Христос, ангел, две жены-мироносицы, два римских воина) до трех (Христос, два римских воина), отхода от цветовой гаммы и изменения ряда деталей явное сходство между этими «Воскресениями» прослеживается в объемно-пространственном решении произведения, в характерной позе и ракурсах Христа, ракурсе Гроба, в двух струях клубов дыма, выходящих из Гроба, в развивающихся пеленах.

Эта хоругвь в пространстве картины читается как содержание даваемой в момент избрания на царство юным Михаилом Федоровичем клятвы своим поданным различных сословий – символическому воплощению России. Утверждение законной государственности на картине, семантически совпадает с трактовкой темы «Воскресения Христа» и императором Павлом I: воскрешение петровских идеалов, поруганных его недостойными преемниками, коронация в первый день Пасхи (5 апреля 1797 г.).

В эзотерическом плане «Воскресение» трактуется как преодоление духом плена человеческого тела,

готовность воссоединения с абсолютном. Что, в свою очередь является целью духовной работы членов братства. При этом образ Михаила Федоровича и Христа с хоругви составляют «неполную» рифму. За исключением жестикологии и положения ног изгиб их тел и ракурсы голов идентичны, так что соотнесение персоны будущего царя с царем небесным приобретает здесь явное визуальное воплощение.

Два образа «Восресения» в храме на угрюмовской картине могут быть соотнесены и в ключе масонской эзотерики. В восприятии адептов эзотерических учений, активно использующих каббалистическую символику и образность, вдова и девственница оказывались синонимичными понятиями.

Таким образом, Христос – сын девственницы – вполне соотносим с Хирамом Аббифом [Масонство и русская литература ... , 2000] – сыном вдовы, как символические образы храма духа и храма из камня. Для императорского кредо Павла I этот момент имел принципиальное значение, поскольку биографически он являлся в буквальном смысле сыном вдовы, к тому же «замкнувшим» на собственной персоне власть светскую и духовную.

Наконец третий образ, активно используемый в процессе «Избрания...» – образ Богоматери с младенцем, который держат священнослужители в правом нижнем углу картины. Известно, что из Москвы в Кострому архимандрит Чудовского

монастыря Авраам и келарь Троице-Сергиевской лавры Авраам Палицын привезли икону Петровской Богоматери, одной из трех икон, использовавшихся при приглашении на престол Бориса Годунова. Непосредственный участник этого события Авраам Палицын указывает в своем «Сказании» на участии именно этого образа в акте призвания Михаила Федоровича. Петровская икона Богородицы выступила здесь в качестве последнего аргумента, убедившего инокиню Марфу и её сына принять предложение делегации: «...взем на руке свои чудотворную икону образ Пресвятыя Богородица, юже написал Петр митрополит, а Троицкой келарь старец Авраамей взем образ великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы, и принесоша пред государыню» [Авраамий (Палицын), 1822].

Однако благословление инокиней Марфой сына на царствие в официальной историографии связывается с образом Федоровской иконы Богоматери [Бахарева, 1995], ставшей позже одним сакральных символов дома Романовых. На картине Г. И. Угрюмова богородичный образ трактован достаточно оригинально. Незнание иконографических канонов для православного художника, имевшего опыт создания произведений религиозной живописи, вряд ли возможно. Так что это отступление от традиционной богородичной иконографии здесь должно было иметь серьезные причины. Особенностью «угрюмов-

ской» Богородицы является синтез черт и Петровского, и Федоровского иконографических типов. Так Петровская икона Богородицы представляет оплечное изображение персонажей и относится к типу Одигитрия: Мать и Дитя здесь отстранены друг от друга. Младенец при этом располагается с правой стороны Богородицы. Федоровская же икона Богоматери с младенцем относится к иконографическому изводу «Шагающие ножки» типа Елеуса. Мать и Дитя на иконах этого типа льнут друг к другу щеками, а для Федоровской близость персонажей усиливается еще и объятием шеи правой рукой Сына. Младенец при этом располагается на левой руке Богородицы.

На картине Г. И. Угрюмова сохранилось тесное объятие Матери и Ребенка, как на Федоровской, но при этом Христос сидит на правой руке Богородицы, как на Петровской. Изображение фигуры Богоматери здесь поясное, а младенца – ростовое, как на Федоровской, но характерная деталь извода «шагающие ножки», скрыта рукой, держащего образ Авраамия Палицина, так что фигура Младенца «ситуативно» оказывается «оплечной», как на Петровской.

Совмещая типы двух знаменитых икон в собственном богородичном варианте Г. И. Угрюмов решал таким компромиссом вопрос исторического характера, заявляя тем самым возможность участия в живописной интерпретации собы-

тия обеих святынь. Тем более, что каждая из них была значима для августейшего заказчика в контексте его репрезентативных целей. Петровский образ по преданию был создан Св. Петром – первым митрополитом Московским. Для Павла I это было значимо, поскольку изначально именно Св. Петр Митрополит Московский являлся небесным патроном крещенного в его честь Петра I. Так, что это косвенно могло связывать императора с его предком и кумиром.

Федоровский образ Богоматери с младенцем стал производным для отчеств цариц – супруг царей из династии Романовых. Бывшие в девичестве Прасковией Илларионовной Лопухиной и Прасковией Александровной Салтыковой, они стали после замужеств соответственно Евдокией и Прасковией Федоровными. Евдокия Федоровна, кстати сказать, стала первой супругой Петра I. В XVIII веке производное от иконы отчество получали крестившиеся в православие немецкие принцессы – невесты Великих князей. Так София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская в качестве невесты самого цесаревича Павла Петровича стала великой княгиней Марией Федоровной. Помещенное на оборотной стороне исторической Федоровской иконы изображение Св. Параскевы, сообщало ей качества покровительницы семьи и брака. Что, как мы видели, найдет развитие в пространстве Михайловского замка и

будет непосредственно связано с репрезентацией персоны императрицы в его пространстве.

Как видим, соединение художником черт двух значимых для заказчика иконописных образов позволило установить дополнительные символические связи его с родом Романовых. А вся картина Г. И. Угрюмова в целом оказывается выражением религиозно-философской природы власти в понимании царственного заказчика.

Угрюмовское «Взятие Казани Иоанном IV» развивает идеи репрезентации царской/императорской героическом ключе.

Центральной фигурой её композиции является коленопреклоненная фигура казанского хана, замершего в смиренном полупоклоне. О его царственном положении свидетельствует горностаевая оторочка мантии-халата и декорированная золотом высокая феска с чалмой. За его спиной три женские фигуры в стилизованных восточных одеждах с жестами принятия покорности судьбы и моления. На руках центральной женщины – маленький ребенок. За ними у самой рамки картины два воина-пленника. Один в воинских доспехах изображен стоящим на коленях в поклоне, касаясь головой земли. Второй, полуобнаженный, стоит спиной к зрителю, конвоируется русским воином в доспехах. Над ними возвышаются группы по два-три человека русских воинов. Фоном этой части

картины служит бой под крепостными стенами горящей Казани.

Справа от хана русский царь на белом коне в надетой на рыцарские латы мантии. Он в окружении воинов. Один из них возлагает к ногам коня зеленое знамя Казанской армии. Другой воин в составе центральной фоновой группы над ханом несет белый стяг русского войска с образом Спаса Нерукотворного, словно предваряя тем самым появление царя. Фоном Иоанну VI служит темное дерево, которое по массивному стволу и раскидистым ветвям кроны можно идентифицировать как дуб – символ воинской славы.

В первую очередь обращает на себя внимание, что и здесь образ русского царя соотнесен с религиозной символикой. В первых двух работах Христос благословляет действия правителя, здесь стяг со Спасом символически ведет за собой царя, буквально заставляя склоняться перед ним поверженного казанского правителя и его народ. Условная линия, проходящая вверх от татарского знамени через фигуру хана к русскому стягу, делит картину на две части. Слева царят хаос и смятение: дым, бой, плен. Справа – спокойствие и величие, воплощением которых кажется фигура русского царя.

Интересна трактовка Г. И. Угрюмовым образа Иоанна IV. В фигуре московского царя на своем полотне художник синтезирует европейский и российский опыт репрезентации героя-триумфатора в

искусстве. Так что в конной фигуре царя-победителя можно увидеть влияние работ французских художников-«историков».

Французское влияние сказывается в трактовке сюжета и общей композиции картины. Русский художник в композиции своего произведения синтезирует два иконографических сюжета из жизни Александра Македонского. Коленопреклоненное семейство поверженного правителя перед героем-триумфатором напоминает многочисленные живописные варианты «Семейства Дария перед Александром» после битвы при Гавгамелах. Существенным отличием от угрюмовской трактовки является то, что там фигура победителя дается пешей. Так милосердие Македонца, на равных приветствующего почетных пленников, проявляется в большей степени. Тем более, что эта встреча происходит уже после боя. Еще одним «французским корнем» угрюмовской работы является так же известный сюжет о «Порусе перед Александром Великим» после битвы при Гидаспе. В трактовке этой сцены противопоставляется уже конная фигура триумфатора и лежащее навзничь на руках приближенных тело раненого врага. Так на картине из Воскресенского зала семейство казанского хана явно напоминает семейство Дария с картин европейских художников, а конная фигура правителя, противопоставленная поверженному врагу, перекликается с версальской работой Габриэля Бланхарда с северной части плафона в салоне

Аполлона и луврской картиной Шарля Лебрена. В обоих случаях в результате победы к империи Македонца присоединялось восточное государство, что в контексте российской истории вполне рифмовалось с присоединением Казанского ханства к Московии.

А вот изображение непосредственно конной фигуры русского царя воспроизводит памятник Петру I работы Б.-К. Растрелли, установленный Павлом I на площади Коннетабля непосредственно под окнами Воскресенского зала. В результате чего устанавливалась визуальное соотношение двух правителей: Первого Русского царя и Первого Российского императора. А с учетом надписи («Правнук-прадеду») на пьедестале памятника Петру Великому персоны великих предшественников соединялись непосредственно с самим Павлом I.

Такое сопоставление наглядно иллюстрирует принцип константы сакральной природы власти вне зависимости от ее «физического» носителя, изложенный в работе Э. Канторовича «Два тела короля» [Канторович, 2014]. Соотнесение Ивана Грозного и Петра Великого в контексте XVIII столетия широко представлено в панегирической литературе, репрезентативной живописи и графике. Оно достаточно отрефлектировано в исследовательской литературе. Наиболее «фокусным» в этой связи является статья Е. А. Скворцовой «Парные изображения Ивана Грозного и Петра Ве-

ликого: идея преемственности Московского царства и Российской империи в русском искусстве XVIII века» [Скворцова, 2018]. В ряду разнообразных примеров сближений этих российских правителей, проанализированных в работе Е. А. Скворцовой, выявленный нами и интерпретированный здесь пример с картины Г. И. Угрюмова уникален. Поскольку в данном случае первый царь и первый император не сопоставляются и не противопоставляются, а соединяются друг с другом в одном персонаже. При этом внешности правителя более ранней исторической эпохи придаются черты правителя более позднего времени.

Итак, история служит для Павла I не только ресурсом потенциальных прецедентов, но и является значимым моментом, обуславливающим природу власти. Характерно, что в выбранных им сюжетах российской истории акцентируется сакральная природа власти и следование христиан-правителей Руси/России воле Божией. Сейчас за отсутствием самих картин и их описаний, нельзя сказать, как трактовались бы в этом ансамбле исторических полотен «Полтавская баталия» и «Соединение русского и турецкого флота и проход его через Босфор».

Маскулинные образы власти, представленные в Воскресенском зале павловской резиденции, рас-

крывают присущие правителю-рыцарю «рыцарские доблести»: Владимир Креститель – благочестие и смирение; Дмитрий Донской – личную отвагу; Иоанн IV Грозный – благородство милосердие; Михаил Федорович – верность.

Таким образом, Павел I встраивает себя в исторический ряд Спасителей Отечества. Герои прошлого в буквальном смысле предшествовали императору Павлу I, поскольку в пространстве южной части бельэтажа Воскресенский Парадный зал предшествовал Тронному залу. Так что Первый магистр мальтийского ордена Св. Иоанна, претендующий исключительную роль объединителя Западной и Восточной церквей, становился закономерной фигурой в ряду первых: первого русского князя-христианина, первого русского князя – победителя завоевателей-иноверцев, первого московского царя, первого царя династии Романовых, первого русского императора. При этом сам Павел I в контексте данной репрезентации представляет кульминацию власти в обоих её аспектах как император и Магистр рыцарского ордена. Стоит при этом отметить, что каждый из образов сочетает в себе и светскую, и духовную стороны власти, что вполне соответствует *idee fixe* самого императора Павла I и художественного универсума его дворца.

Библиографический список

1. Авраамий (Палицын). Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. 2-е изд. Москва : Синодальная тип., 1822. 324 с.
2. Бахарева Н. Ю. Произведения Джона Августа Аткинсона для Михайловского замка // Страницы истории отечественного искусства. XII – первая половина XIX века. Выпуск VIII. Санкт-Петербург : Гос. Русский музей, 2002. С. 239-247.
3. Бахарева Н. Н. К вопросу о происхождении иконы «Богоматери Феодоровской» // Городецкие чтения: Материалы научной конференции. Городец, 10-13 мая 1994 г. Городец : Администрация Городецкого р-на Нижегородской обл., 1995. С. 137–157.
4. Булах А. Г. О природе камня в тимпане южного фасада Михайловского замка / А. Г. Булах, А. А. Золотарев, Б. Фитцнер, Е. Я. Кальницкая // Дизайн и строительство. 2002. №15. С. 32–34.
5. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись первой половины XIX века. Том 5. Москва : Красная площадь, 2005. С. 31–32.
6. Гуревич И. М. Большой петергофский дворец / И. М. Гуревич, В. В. Знаменов, Е. Г. Мясоедова. Ленинград : Лениздат, 1979. 168 с. : ил.
7. Житие Макария Желтоводского и Унженского / Подготовка текста, перевод и комментарии И. М. Грицевской. URL <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10577>. (Дата обращения: 04.03.2022).
8. Зонтиков Н. А. Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский: к 555-летию со дня преставления. 1444–1999 гг. Кострома : [б. и.], 1999. 62 с.
9. Кальницкая Е. Я. Возрождение Михайловского замка. URL: <http://www.d-spb.ru/archiv/19/index.htm>. (Дата обращения: 12.07.2019).
10. Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. Москва : Издательство Института Гайдара, 2014. 752 с.
11. Колотов М. Г. Атрибуция воссозданных рельефов Тронного зала Большого петергофского дворца / М. Г. Колотов, Ю. В. Трубинов // Жизнь дворца: публичное и приватное. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», Санкт-Петербург : Европейский дом, 2013. С. 297-304.
12. Коцебу А. Достопамятный год моей жизни: Воспоминания. Москва : Аграф, 2001. 320 с.
13. Кустова А. Е. Русская тема в живописи Дж. А. Аткинсона // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 1. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2011. С. 196–203.
14. Липеровский Л. Воскрешение сына вдовы Наинской // Чудеса веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/chudesa-i-pritchi-hristovy/>. (Дата обращения: 19.07.2019).
15. Масонство и русская литература XVIII - начала XIX вв. / под ред. В. И. Сахарова. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 272 с.

16. Скворцова Е. А. Парные изображения Ивана Грозного и Петра Великого: идея преемственности Московского царства и Российской империи в русском искусстве XVIII века // *Артикульт*. 2018. 31(3). С. 16-30.

17. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

18. Уоллис-Мэрфи Т. Тайное знание. Секреты западной эзотерической традиции. Москва : Центполиграф. 2012. 287 с.

19. Федорова В. В. Гатчина – Версаль Павла I. «Гатчина сквозь столетия». URL: <http://www.history-gatchina.ru/parks/park/park4.htm>. (Дата обращения: 18.07.2019).

Reference list

1. Avraamij (Palicyн). Skazanie o osade Troickogo Sergieva monastyrja ot poljakov i litvy i o byvshih potom v Rossii mjatezhah = Tale of the Trinity Sergius monastery siege by Poles and Lithuanians and of subsequent revolts in Russia. 2-e izd. Moskva : Sinodal'naja tip., 1822. 324 s.

2. Bahareva N. Ju. Proizvedenija Dzhona Avgusta Atkinsona dlja Mihajlovskogo zamka = Works by John August Atkinson for St. Michael's castle // *Stranicy istorii otechestvennogo iskusstva. XII – pervaja polovina XIX veka. Vypusk VIII. Sankt-Peterburg : Gos. Russkij muzej, 2002. S. 239-247.*

3. Bahareva N. N. K voprosu o proishozhdenii ikony «Bogomateri Feodorovskoj» = On the origin of the icon “Our Lady of Feodorov” // *Gorodeckie chtenija: Materialy nauchnoj konferencii. Gorodec, 10-13 maja 1994 g. Gorodec : Administracija Gorodeckogo r-na Nizhegorodskoj obl., 1995. S. 137–157.*

4. Bulah A. G. O prirode kamnja v timpane juzhnogo fasada Mihajlovskogo zamka = On the nature of the stone in the tympanum of the southern facade of St. Michael's Castle / A. G. Bulah, A. A. Zolotarev, B. Fitcner, E. Ja. Kal'nickaja // *Dizajn i stroitel'stvo. 2002. №15. S. 32–34.*

5. Gosudarstvennaja Tret'jakovskaja galereja. Katalog sobranija. Zhivopis' pervoj poloviny XIX veka. Tom 5 = State Tretyakov Gallery. Collection catalog. Paintings of the first half of XIX century. Vol. 5. Moskva : Krasnaja ploshhad', 2005. S. 31–32.

6. Gurevich I. M. Bol'shoj petergofskij dvorec = Grand Palace of Peterhof / I. M. Gurevich, V. V. Znamenov, E. G. Mjasoedova. Leningrad : Lenizdat, 1979. 168 s. : il.

7. Zhitie Makarija Zheltovodskogo i Unzhenskogo = Life of Macarius of Zheltovodsk and Unzhensk / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii I. M. Gricevskoj. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10577>. (Data obrashhenija: 04.03.2022).

8. Zontikov N. A. Prepodobnyj Makarij Unzhenskij i Zheltovodskij: k 555-letiju so dnja prestavlenija. 1444–1999 gg. = Venerable Macarius of Unzhensk and Zheltovodsk: to the 555th anniversary of his repose. 1444-1999. Kostroma : [b. i.], 1999. 62 s.

9. Kal'nickaja E. Ja. Vozrozhdenie Mihajlovskogo zamka = Revival of St. Michael's castle. URL: <http://www.d-c.spb.ru/archiv/19/index.htm>. (Data obrashhenija: 12.07.2019).

10. Kantorovich Je. Dva tela korolja. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii = Two bodies of the king. A study in medieval political theology / per. s angl. Moskva : Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2014. 752 s.

11. Kolotov M. G. Atribucija vossozdannyh rel'efov Tronnogo zala Bol'shogo petergofskogo dvorca = Attribution of reconstructed reliefs in the Throne Room of the Grand Palace of Peterhof / M. G. Kolotov, Ju. V. Trubinov // Zhizn' dvorca: publichnoe i privatnoe. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoj konferencii GMZ «Petergof», Sankt-Peterbrug : Evropejskij dom, 2013. S. 297-304.

12. Kocebu A. Dostopamjatnyj god moej zhizni: Vospominanija = A memorable year of my life: Memories. Moskva : Agraf, 2001. 320 s.

13. Kustova A. E. Russkaja tema v zhivopisi Dzh. A. Atkinsona = Russian theme in J.A. Atkinson's painting // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej. Vyp. 1. / pod red. S. V. Mal'cevoj, E. Ju. Stanjukovich-Denisovoj. Sankt-Peterburg : NP-Print, 2011. S. 196–203.

14. Liperovskij L. Voskreshenie syna vdovy Nainskoj = Resurrection of the son of the widow of Nain // Chudesa very. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/chudesai-pritchi-hristovy/>. (Data obrashhenija: 19.07.2019).

15. Masonstvo i russkaja literatura XVIII - nachala XIX vv. = Masonry and Russian literature in the 18th and early 19th centuries / pod red. V. I. Saharova. Moskva : Jeditorial URSS, 2000. 272 s.

16. Skvorcova E. A. Parnye izobrazhenija Ivana Groznogo i Petra Velikogo: ideja preemstvennosti Moskovskogo carstva i Rossijskoj imperii v russkom iskusstve XVIII veka = Pair images of Ivan the Terrible and Peter the Great: the idea of continuity of the Moscow Kingdom and the Russian Empire in 18th-century Russian art // Artikul't. 2018. 31(3). S. 16-30.

17. Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury = Petersburg text in Russian literature. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 2003. 616 s.

18. Uollis-Mjerfi T. Tajnoe znanie. Sekrety zapadnoj jezotericheskoj tradicii = Secret knowledge. Secrets of the Western esoteric tradition. Moskva : Centpoligaf. 2012. 287 s.

19. Fedorova V. V. Gatchina – Versal' Pavla I. «Gatchina skvoz' stoletija» = Gatchina – Pavel's I Versailles. “Gatchina through centuries”. URL: <http://www.history-gatchina.ru/parks/park4.htm>. (Data obrashhenija: 18.07.2019).

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 20.01.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

Научная статья

УДК 792.09

doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-134-149

**Русская режиссерская школа и драматургия в театре
Ваге Шахвердяна**

Ирина Викторовна Азеева^{1✉}, Артем Васильевич Назлуханян²

¹Кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры общих гуманитарных наук и театроведения, проректор по научной и творческой работе, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт», г. Ярославль.

²Студент 4 курса, направление подготовки бакалавров «Театроведение» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт», г. Ярославль

¹yrah@rambler.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2250-4344>

²tyom.nyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0187-2324>

Аннотация. В центре внимания авторов театр режиссера Ваге Шахвердяна, являющийся феноменом истории и современной жизни армянского театрального искусства. Акцентируя актуальность и значимость театроведческого и культурологического описания данного художественного феномена, авторы соотносят его с феноменом авторского театра.

Исследование опирается на выработанные российской театроведческой школой принципы изучения и анализа режиссерского театра. В статье впервые предпринята попытка театроведческого анализа режиссерского творчества Шахвердяна. Авторы подчеркивают определяющую роль русской режиссерской театральной школы, полученной Шахвердяном в период обучения, в становлении и развитии театра данного режиссера. Художественное своеобразие театра Шахвердяна раскрывается в ходе анализа спектаклей, поставленных режиссером по русской классической драматургии. Анализируются поставленные Шахвердяном в армянском и русском театрах спектакли по пьесам М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского и А. П. Чехова. Исследование строится на анализе видеозаписей спектаклей, описаний спектаклей, сделанных критиками, и на материале бесед одного из авторов статьи с режиссером Шахвердяном, а также на других интервью, данных режиссером.

Результаты исследования позволяют убедительно утверждать, что русский театр и русская драматургия занимают в авторском театре Шахвердяна одно из важнейших мест. Постановки русской драматургии демонстрируют самобытный режиссерский почерк Шахвердяна. Он

отличается яркой сценической метафоричностью, отсутствием тяготения к сиюминутной актуальности, выраженным стремлением к философскому, общечеловеческому звучанию спектаклей. Авторский театр Шахвердяна основывается на полученной им русской режиссерской школе, на постижении русского театрального искусства на спектаклях выдающихся советских и российских режиссеров, на национальном характере, присущем народу Армении, его менталитете, темпераменте, яркой образности и трагическом восприятии мира.

Ключевые слова: армянский театр; Ванадзорский драматический театр им. О. Абеяна; В. С. Шахвердян; спектакль; русская драматургия; русская режиссерская школа; авторский театр

Для цитирования: Азеева И. В., Назлуханян А. В. Русская режиссерская школа и драматургия в театре Ваге Шахвердяна // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 134-149. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-134-149>

Original article

Russian directing school and dramaturgy in Vahe Shakhverdyan's theater

*Irina V. Azeeva*¹✉, *Artyom V. Nazlughanyan*²

¹Candidate of cultural studies, associate professor, professor of the Department of general humanities and theatre studies, vice-rector for research and creative work, Yaroslavl state theatre institute, Yaroslavl.

²4th year student, Bachelor's program in Theater Studies, Yaroslavl state theatre institute, Yaroslavl.

¹yrakh@rambler.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2250-4344>

²tyom.nyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0187-2324>

Abstract. The authors focus on the theater of the director Vahe Shakhverdyan, which is a phenomenon in the history and modern life of Armenian performing art. Emphasizing the relevance and significance of the theatrical and cultural description of this artistic phenomenon, the authors correlate it with the phenomenon of the independent theater.

The research is based on the principles of studying and analysing the director's theater developed by the Russian school of theater studies. The article is the first attempt of the theatrical analysis of Shakhverdyan's creative work as a stage director. The authors emphasize the decisive role of the Russian directing theater training in the formation and development of Shakhverdyan's theater. The artistic originality of Shakhverdyan's theater is revealed during the analysis of his performances based on Russian classical drama. The performances based on the plays by M. Y. Lermontov, A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov, staged by Shakhverdyan in Armenian and Russian theaters are analyzed in the article. The research is based on the analysis of video footage of

the plays, descriptions of performances by critics, and on the material from conversations of one of the authors of the article with the director Shakhverdyan, as well as on other interviews given by the director.

The results of the study allow us to assert that Russian theater and Russian drama occupy one of the most important places in Shakhverdyan's theater. The productions of Russian plays demonstrate Shakhverdyan's original directing manner. It is distinguished by his bright theatrical metaphors, lack of gravitation toward immediate relevance, and an expressed desire for philosophical, humanistic performances. Shakhverdyan's individual theatrical style is based on the Russian directing education he received, on his comprehension of Russian stage performances by outstanding Soviet and Russian directors, and on the national character of Armenian people, their mentality, temperament, vivid imagery and tragic perception of the world.

Keywords: Armenian theater; O. Abelian Vanadzor Drama Theater; V. S. Shakhverdyan; performance; Russian drama; Russian directing school; author's theater

For citation: Azeeva I. V., Nazlukhanyan A. V. Russian directing school and dramaturgy in Vahe Shakhverdyan's theater. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11): 134-149. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-134-149>

Ваге Суренович Шахвердян в театральном мире Армении человек известный: режиссер, общественный деятель, театральный педагог, чья работа отмечена еще в советский период почетным званием «Заслуженный деятель искусств Армянской ССР» (1989), а в 2001 году – званием «Народный артист Армении».

В жизни театра родного для Шахвердяна Ванадзора (в 1945 году он здесь родился, тогда город назывался Кировакан) Ваге Суренович занимает огромное место. Здесь прошла его театральная молодость, здесь он живет и работает в настоящее время. Трудно представить Ванадзор без Шахвердяна, и так же

трудно представить Шахвердяна без его театра в родном городе.

Театр Шахвердяна является феноменом истории и современной жизни армянского театра. Ему присуща яркая самобытность, базирующаяся на школе русского режиссерского театра и впитавшая в себя национальные особенности армянского театра, его уникальный колорит.

Шахвердян далеко выходит за рамки постановщика-ремесленника, демонстрирует потенциал режиссера-мыслителя, режиссера-философа, режиссера с ярко выраженной гражданской позицией. Его спектакли не раз становились событиями армянской театральной жизни, оказывались востребованными в международном

театральном поле. Уже первые его постановки в 70-е годы минувшего века в драматическом театре родного города вызвали интерес зрителя и пристальное внимание критики.

Театр Шахвердяна можно считать авторским, имея в виду «театр одного режиссера», стремление театра транслировать публике художественные идеи своего создателя. Сегодня авторский театр, когда во внимание принимаются не спектакли одного режиссера, поставленные в разных театрах, а театр под художественным руководством режиссера, в котором основу репертуара составляют именно его спектакли – не правило, а исключение из него. Так, складывается ситуация в России. Театр Армении во многом воспроизводит ее.

Актуальность данного исследования во многом определяется вышеназванной ситуацией. Феномен театра Шахвердяна в Армении сегодня можно соотнести, пожалуй, только с феноменом театра Льва Додина в России [Егошина, 2014]. Значимость стремления зафиксировать этот феномен в театроведческом и культурологическом исследовании высока. Осмысление художественного своеобразия театра Шахвердяна представляется актуальным для российского и армянского театроведения, поскольку акцентирует проблемное поле развития как русского, так и армянского театра конца XX – начала XXI веков, позволяет раскрыть художественную природу и проблематику

явления, характерного как в исторической ретроспективе, так и для современной театральной культуры.

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринята попытка театроведческого анализа режиссерского творчества Шахвердяна. Художественные особенности театра Шахвердяна в русскоязычном театроведении отражены только в театрально-критических текстах. О принципиальной новизне исследования свидетельствует и слабая степень разработанности темы русской драматургии в творчестве Шахвердяна.

В чем заключается художественное своеобразие театра Шахвердяна, позволяющее его театру не только существовать долго во времени, но и, что особенно важно, быть живым театром? Обращение к спектаклям, поставленным Шахвердяном по русской драматургии, позволит найти ответ на этот вопрос.

Исследование опирается на выработанные российской театроведческой школой принципы изучения и анализа режиссерского театра. Важна связь с историческим и культурным контекстом, а также необходимость иметь в виду мировоззрение, национальные особенности характера, художественную позицию и индивидуальность режиссера, театр которого исследуется. Используются и современные методы таких смежных гуманитарных дисциплин как культурология, история, эстетика.

Теоретическую и историческую базу исследования составили научные исследования истории армянского театра Б. Арутюняна и Г. Гояна [Арутюнян, 2012; Арутюнян, 1961; Гоян, 1952], исследования феномена режиссерского театра Р. Кречетовой [Кречетова, 2016], О. Мальцевой [Мальцева, 1999; 2010], осмысление творческой личности Т. Злотниковой [Злотникова, 2007].

Материал исследования составили видеозаписи спектаклей Шахвердяна, личные зрительские впечатления от просмотренных в Ванадзорском драматическом театре спектаклей Шахвердяна и беседы с режиссером одного из авторов данной статьи (А. Назлуханян), статьи и интервью, касающиеся творчества Шахвердяна, рецензии на спектакли режиссера в российской и европейской периодической печати, армянских изданиях [Շահվերդյանի, 2007; Շահվերդյանի, 2012].

В данной статье рассматривается тесная связь театра Шахвердяна с русским театром, анализируются поставленные Шахвердяном в армянском и русском театрах спектакли по пьесам русских авторов: М. Ю. Лермонтов «Маскарад», А. Н. Островский «Без вины виноватые», А. П. Чехов «Три сестры», «Вишневый сад». Поскольку авторы статьи не имели возможности посмотреть эти спектакли, исследование строится на анализе высказываний критиков о спектаклях и на

материале вышеназванных бесед одного из авторов статьи с режиссером Шахвердяном, а также на других интервью, данных режиссером.

В творческой судьбе художественного руководителя Ванадзорского драматического театра им. О. Абеляна Ваге Суреновича Шахвердяна русский театр и русская драматургия занимают одно из определяющих мест. В начале 70-х годов минувшего века ему повезло в Московском художественном академическом театре посмотреть великий спектакль Вл. И. Немировича-Данченко «Три сестры» [Зайчикова], след которого можно обнаружить в творческой практике Шахвердяна – в его «Трех сестрах», поставленных в 1987 году на сцене Театра им. О. Абеляна. Не только великие мхатовские «Три сестры», но и МХАТ в целом сыграл большую роль в становлении молодого режиссера Шахвердяна. На четвертом году обучения (все в том же начале 70-х) студент Ереванского государственного художественно-театрального института Шахвердян оказался в Москве на стажировке в МХАТе. Днем он ходил на репетиции, а вечерами смотрел спектакли. Важно отметить, что и в Ереване в этот период обучение режиссеров было строго ориентировано на русскую театральную школу, а армянские педагоги того времени как правило имели русскую театральную школу, полученную в театральных вузах Москвы или Ленинграда.

Не менее важную роль в становлении режиссера Шахвердяна сыграли спектакли Юрия Петровича Любимова, поставленные в Театр на Таганке в 70-80-е годы XX века. С некоторыми из них студенту Шахвердяну удалось познакомиться в период вышеупомянутой стажировки (одно из самых сильных впечатлений оставил спектакль по повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие»). Поэтический, переполненный яркими сценическими метафорами театр Ю. П. Любимова стал еще одним важнейшим ориентиром, едва ли не основой режиссерского метода Шахвердяна. Для Любимова в спектакле более всего важна идея, выраженная концептуально языком сценической метафоры [Мальцева, 1999; 2010]. Это можно обнаружить в анализируемых далее спектаклях, поставленных Шахвердяном по русской драматургии, а также и в его практике работы над спектаклем. Например, став руководителем Ванадзорского (Кироваканского) театра, он вводит обязательную магнитофонную запись всего спектакля, которая затем совместно прослушивается постановочной группой, включая актеров, чтобы понять, где у актеров проблемы с дикцией, где звук не дошел до зрителя. Возможно, Шахвердян перенял этот опыт у Любимова, аудиозаписи спектаклей которого 70-80-х годов давно стали доступны в сети Интернет не только историкам и исследователям театра,

но и широкому кругу интересующихся.

А еще были спектакли «Современника» и многих других московских театров. Все это стало для Шахвердяна замечательной школой русского театра. Русская драматургия (М. Ю. Лермонтов, А. Н. Островский, А. П. Чехов) и литература (Ф. М. Достоевский) – тот материал, на котором Шахвердян становилась выдающимся режиссером, одним из лидеров национального армянского театра. Русские авторы, наряду с Шекспиром, являются для него определяющими. В беседе с одним из авторов данной статьи он говорит об этом так: «У меня подход такой: Шекспир и Чехов. Я все время актерам говорю, вы должны чувствовать шекспировский дух и чеховский психологизм, и не важно, что сейчас вы играете – Чехова, Шекспира или Достоевского. Эти авторы для меня являются кредо».

Размышляя о своей жизни в Ванадзорском-Кироваканском театре, Шахвердян особо выделяет несколько постановок, среди них чеховские «Три сестры» занимают отдельное место. Шахвердян впервые на армянской сцене поставил эту пьесу А. П. Чехова. И поставил так, что спектакль вошел в историю не только советского, армянского, но и европейского театра. Этот спектакль он считает своей вершиной, он принес ему успех в Армении, на сценах Парижа, Лиссабона, Кишинева и многих других городов.

Спектакль родился до землетрясения, которое пережила Армения в 1988 году, до обретения Арменией независимости, до первой Карабахской войны. Но в нем очевидно предчувствие грядущих бед и потрясений. Многие критики считают, что его долгая сценическая жизнь во многом объясняется одной из ключевых фраз спектакля, принадлежащей Маше – «Надо жить, надо жить!». Особый смысл эти слова приобретают в стране, которая многие годы, в сущности, не живет, а выживает. Спектакль подробно описан во многих критических статьях, ему посвященных. Шахвердян поставил чеховскую пьесу, обнаружив в ней возможность звучания армянской культуры. И спектакль пронзительно зазвучал армянскими смыслами. Патрик Мерль, посмотревший этот спектакль в Париже в театре «Жимназ», пишет: «Драматический театр имени Абеяна из Ванадзора не довольствуется воспроизведением Чехова 1901 года. Он вглядывается в собственные свои истоки, обращается к раздумьям народа, до сих пор раскачиваемого историей» [Мерль, 2007, с. 234].

Эдме Санти так описывает атмосферу, созданную Шахвердяном в этом спектакле: «Пять светильников, каждый с пятью рожками, устремленными в небо, свечи вдоль рампы – замирающие звуки балалайки и скрипки вводят нас в атмосферу Безвременья и глубокой печали России кончающегося

XIX века. <...> Высохшие цветы, увядшие корзины, обнаженное дерево, круг стульев – бал загубленных жизней может начаться» [Санти, 2007, с. 233].

Жан-Пьер Тибода, один из ведущих театральных критиков Франции, обозреватель газеты «Либерасьон» откликнулся на спектакль «Три сестры» развернутой статьей «Тепло Ванадзорского театра». Он отмечает, что духовный мир Шахвердяна устремлен к самим истокам армянской культуры. В описании Тибода русский чеховский мир в режиссерском решении Шахвердяна и сценографии его многолетнего соавтора художника-сценографа Евгения Софронова прочитывается и как трагической армянский мир: «Когда открывается занавес, три женщины в белом стоят неподвижно посреди пейзажа из стульев, мертвых листьев и сухой травы, устилающей сцену. <...> Здесь – двор и сад с поблекшими дощатыми стенами по бокам, и вместо жертвенников-алтарей – старые фотографии в рамках, поблекшие белые цветы, сухой мох под ногами и, как примета времени, самовар. В глубине – дерево, лишенное листьев, на ветви которого одна из сестер повяжет ленту, загадывая заветное желание, как это делают армянки в святых местах. Каждый стул покрыт паутиной пыли, к каждому сидению прикреплена фотография в рамке, а у ног – корзина с искусственными цветами. Впечатление кладбища, осени, мо-

литвенного бдения» [Тибода, 2007, с. 231]. Жану-Луи Мартинелли, режиссеру, директору Страсбургского Национального театра (Франция), кажется, что пятирожковые канделябры, находящиеся то вверху, то на земле, заменяют собою своды армянских храмов [Мартинелли, 2007].

О грустной поэзии этого спектакля говорит и отзыв Наталии Гомцян: «Авторы спектакля заняты поиском гармонии и диссонансов, стараясь сочетать лиризм и трагедию, порой нарочито ярко расцветившая подавляющую героев безвыходность. <...> И как трогает это упрямое стремление человека к надежде под гнетом бесплодной судьбы, это тоска по самому себе!» [Гомцян, 2007, с. 246].

Не в родном Ванадзорском театре, а будучи художественным руководителем Национального академического театра им. Сундукяна (Ереван) Шахвердян ставит в начале нулевых чеховский «Вишневый сад». Сона Мелоян считает, что не только «чеховская тема краха, установившегося порядка вещей, разоренного очага, потери родины, перемен неизбежных, нежеланных и фатальных», чрезмерно созвучная жизни Армении в это время, влияет на выбор режиссером этого материала [Мелоян]. «Режиссера позвала классика, гармония большого стиля», – пишет критик [Мелоян]. Она отмечает то, что является главным в театре Шахвердяна: «образ прекрасного театра», спектакль, «в ко-

тором колдовская красота неясно светящегося вишневого сада, красота антуража и костюмов, и ясная красота обдуманых необыденных мизансцен включились бы в более широкий контекст, демонстрировали бы не красоту вещей, но красоту художественного мира великой чеховской пьесы» [Мелоян].

Чеховский «Вишневый сад» в постановке Шахвердяна в 2002 году Национальный академический армянский театр им. Сундукяна показывал на сцене Вахтанговского театра во время гастролей, приуроченных к 80-летию открытия первого государственного театра Армении.

Ольга Игнатюк, полагающая спектакль «Вишневый сад» самым концептуальным в творчестве Шахвердяна, пишет, что в сценической истории пьесы «сам Вишневый Сад оказался главным героем сюжета» [Игнатюк]. Описывая спектакль, критик рассказывает о том, как Вишневый Сад в виде девушек в белой кисее расположился в первых рядах зрительного зала: «Сад живой, дышащий: при любом упоминании о нем со сцены тревожится, вздрагивает или вздыхает, напряженно следя за событиями. Когда же речь заходит о его вырубке, в смятении поднимается среди нас, взмахивает ветками, молча, прося о защите» [Игнатюк]. На сцене Сада уже нет, голая земля да обрубки серых колонн. Во втором акте Вишневый Сад переместится на сцену, смешается с героями, про-

щаясь, будет грустно заглядывать им в глаза. На «потенциальных невестах» Ане, Варе, Дуняше фата из вишневых цветов. Шахвердян мастерски создает коллективных персонажей. То, как действует коллективный персонаж в этом спектакле, критик описывает так: «Когда же прозвучал приговор “Сад продан!” – вишневые деревья, плача, обступили Раневскую (эта мизансцена – эмблема спектакля), а потом двинулись навстречу к нам, протягивая руки и моля о помощи. Не описывать эту сцену невозможно, поскольку именно в ней – вся кульминация и вся скорбь этого спектакля» [Игнатюк]. Критик подчеркивает и неотрывность темы спектакля и пьесы от армянской истории, выделяя тему утраты родного гнезда и земли [Игнатюк].

Шахвердян взялся за постановку лермонтовского «Маскарада», идя навстречу давнему желанию одного из ведущих артистов Ванадзорского театра – Акопа Азизяна, который и в настоящее время играет в этом театре. Внимание к актеру, стремление в полной мере реализовать его творческие возможности – это тоже черта режиссера и руководителя театра Шахвердяна.

Критик Максим Ованесян, говоря о «Маскараде» в постановке Шахвердяна, дает очень точную характеристику творческого кредо режиссера: «...не любит пересказывать, скорее всего, он толкователь. Для него фабула пьесы – условна и служит главным образом

для раскрытия его мыслей, порожденных данным произведением» [Ованесян, 2007, с. 99]. Шахвердян прочитывает главную тему «Маскарада», как взаимоотношения аристократического Класа и его заблудшего сына, которого Клас объявляет беспутным, потому что он отверг его нравственные принципы. Для раскрытия этой темы режиссер создал условный образ Класа, который он выявил в лермонтовском тексте. Особая группа из участников маскарада от картины к картине становится непреодолимой всемогущей силой, готовой безжалостно уничтожить каждого, кто попытается воспротивиться ей. Все это свидетельствует о режиссерской смелости Шахвердяна, о нестандартности его творческого мышления.

Иракий Химшиашвили отмечает умение Шахвердяна выстраивать массовые сцены (об этом пишут едва ли не все критики, видевшие спектакли Шавхвердяна, в которых он использует массовые сцены): «Собирательный образ маскарадного общества в спектакле весьма удачен и занимает одно из центральных мест в художественной системе постановки. Шеренги фигур будут раз за разом препятствовать свободному танцу одетой в белое платье Нины при ее первом появлении на сцене. Эта масса безлика: порой она скрывает лица под масками. Держа еще одну маску в руке, порой личину снимает и обнажает под ней бездушные маски

своих лиц. Эти фигуры почти все время на сцене <...> И эта толпа чутко реагирует на происходящее, в тайне злорадствуя и в любой момент готовясь вытеснить, изгнать “оступившегося”» [Химшиашвили, 2017, с. 108–109].

«Для Шахвердяна главное в Арбенине – его скепсис, за добро он способен отплатить злом. Но Арбенин Азизяна еще страшнее, – пишет Гунар Трейманис, видевший этот спектакль во время рижских гастролей абеляновцев. – Для него существует лишь один выбор – быть злым и жестким, холодным и бесчеловечным, мрачным и отчужденным, иначе в минуту слабости тебя больно ранят, тебя постигнет зависть и клевета» [Трейманис, 2007, с. 157]. Латвийский критик говорит о том, что это интеллектуальное прочтение лермонтовской драмы, оно меньше задевает сердце, поэтому на первый план режиссером и выводится Неизвестный в исполнении Размика Хосроева, являющийся воплощением рока, один из униженных, палач и жертва в одном лице. Критиком такой Неизвестный прочитывается как духовный двойник Арбенина, его большая совесть.

К сожалению, материала о спектакле по пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые», поставленном Шахвердяном в Кировакане (ныне – Ванадзор), удалось найти крайне мало. Свои впечатления об этой постановке, показанной в 1993 году в Орле на фестивале спектак-

лей, поставленных по русской классике, критик передает так: «Некоторые сцены были решены в динамике и стилистике античных трагедий. Чувствовалась мощная волевая режиссура, впечатляли почти графическая четкость каждой мизансцены, эмоциональный нерв действия диктовала чувственная музыка» [Тимофеев]. Спектакль стал победителем этого фестиваля, что свидетельствует о его высоком уровне.

В 2009 году Шахвердян ставит пьесу «Без вины виноватые» в Воронежском академическом театре драмы им. А. Кольцова. Эту пьесу Островского в постановке Шахвердяна в Ванадзорском театре в 1993 году на фестивале в Орле увидел Анатолий Васильевич Иванов, в то время руководивший Воронежским театром им. Кольцова, после чего и принял решение пригласить Шахвердяна на постановку в Воронеж. Но это были очень трудные для Армении годы, Шахвердян не мог оставить Театр им. О. Абеляна, который в это время пытается выжить, активно гастролируя [Данилова]. Надо отметить, что с Кольцовским театром Шахвердяна связывает не только эта постановка, но и ранее поставленный им на этой сцене спектакль «Дом Бернарды Альбы» по пьесе Г. Лорки. Он лично знает возможности этой труппы, считает ее для себя родной [Данилова]. Роль Кручининой Шахвердян отдает актрисе Надежде Леоновой, в «Доме Бернарды Аль-

бы» сыгравшей роль Старухи Понсии; роль Коринкиной исполнила актриса Магда Магдалинина.

Для постановки в Воронеже режиссер использовал вариант пьесы, переработанной им для постановки в Театре им. О. Абеляна. Изменения в тексте Островского большие. Самые заметные – включение в текст спектакля текстов других авторов. В спектакль вошел монолог Леди Мекельсфильд из трагедии К. Гуцкова «Ричард Севедж, или Сын одной матери». В исполнении Кручининой он звучит в самом начале спектакля. «Таким образом, – пишет рецензент, – мы понимаем, что потеря ребенка стала не только ее личной драмой, но и темой творчества. Ей было что сказать, и потому она поступила на сцену» [Роговская]. Кроме того, звучат тексты Шута из шекспировского «Короля Лира», их исполняет тот самый Шмага, герой Островского, полагавший, что место артиста – в буфете. Шахвердян делает эту фигуру едва ли не центральной. Шмага – не жалкий пьяница (как у Островского), а человек театра, организующий действие. Шахвердян меняет и жанровое решение пьесы Островского, трансформируя комедию в высокую драму. Насыщенное бытовыми подробностями пространство пьесы Островского режиссер от быта освобождает вообще: «Сцена практически пуста. Из декораций: небольшой станок по центру, стулья по кругу, легкая

ткань и зажженные канделябры» [Роговская].

Здесь, в Воронеже, Шахвердян делает очень важное признание для раскрытия темы данного исследования: «Я всегда себя в России чувствую комфортно. Я часто бываю в Москве, в других городах. Возможно, это от того, что у меня русское образование, я знаю русскую литературу, русский театр (он для меня родной). Россия – моя вторая Родина» [Данилова]. Здесь же он размышляет о созвучии армянской и русской души: «Русская душа очень широкая, добрая, богатая. Армянская душа тоже добрая, хотя и не такая широкая. У армянского народа очень тяжелая судьба. Поэтому мы чувствуем друг друга и душу другого народа. В этом, наверное, секрет и моего созвучия с коллективом Кольцовского театра. Мы так легко понимаем друг друга – с полуслова. Мне иной раз кажется, что я рос с этими актерами. Может быть, наши страны еще ждут впереди какие-то испытания, но мы всегда будем близки, потому что это идет из глубины веков. Люди, конечно, не ангелы. И в Армении, и в России. Но общий вектор на добро является определяющим у обоих народов» [Данилова]. Здесь же он говорит о своем интересе к современной режиссуре, ярко заявившей о себе на российской сцене: ему очень интересны Римас Туминас, Кирилл Серебренников, Андрей Житинкин. Литовская режиссура, отличающаяся и метафоричностью,

и поэтичностью языка, явно привлекает особое внимание Шахвердяна, он выделяет тогда еще делающего первые уверенные шаги в профессии Оскараса Коршуноваса. Здесь же в очередной раз подчеркивает свое режиссерское кредо: «Я сторонник психологического театра, преподнесенного в ярко выраженной театральной форме. Для меня форма имеет большое значение. Основываться только на хрестоматийном психологизме старого МХАТа сегодня невозможно. <...> Я принадлежу к тем режиссерам, которые придумывают на сцене. Если во время репетиции вдруг “загорелось”, то придумывается легко. Если нет – репетиция прошла напрасно» [Данилова].

Из уст Шахвердяна звучит утверждение, что армянскому зрителю всегда была интересна русская классика, что на нее ходят так же активно, как и на армянскую, что это объясняется общей историей. Ее смотрят почти так же хорошо, как армянскую. Это вытекает из общей истории. Русская классика в армянском театре занимает столь же значимое место, что и Шекспир, она, как и великий англичанин, заложена «в душу, память, интеллект армянина» [Данилова].

Шахвердян считает, что пьеса Островского «Без вины виноватые» в конце 2000-х актуальна как никогда: «Сколько беспризорных детей на улицах! Причем многие из них работают на кого-то. Собирают

деньги и отдают хозяевам. Бесприютность детей – это важная проблема» [Данилова]. И тема талантливого человека, с большим трудом пробивающего себе дорогу, всегда актуальна. Шахвердяну важно, что его воронежский спектакль принципиально не похож на тот, который он поставил на родине. Изменилось и время, и сам режиссер. И в это время агрессивная и одерживающая победу посредственность, серость в лице Коринкиной и Милловзорова, как актуальная проблема, как то, что может погубить и талант, и красоту, выходит на первый план. Талант рассматривается Шахвердяном как нравственная категория. «Зритель не видит, как играет Коринкина, – пишет критик, – но он ни за что не поверит в то, что она – хорошая актриса. Просто потому, что видит ее поступки» [Роговская]. На первый план режиссером выводится не Кручинина, а Незнамов. В исполнении Юрия Смышникова он «...по-детски искренний и в этой своей детскости абсолютно беззащитный. И в то же время он актер и личность. Как и Кручинина, он мог бы потрясти публику, быть ее кумиром» [Роговская].

В разговоре об этом спектакле обнаруживается еще один важный для режиссера ориентир в русском театре, но он выглядит скорее проблемой, чем незыблемой вершиной. Шахвердян открыт поиску, эксперименту (влияние Ю. П. Любимова здесь очевидно, да и собственные

убеждения режиссера, выработанные в течение большой и успешной жизни в театре, играют роль). «Еще лет десять-пятнадцать тому назад я любовался работами Малого театра. Это был для меня как учебник, – говорит режиссер, – но сегодня мне этого мало. Не чувствуется дыхания времени. Нельзя сохранить неизменным эталон театрального искусства. И в театрах-музеях тоже нужны перемены. Надо пробовать что-то новое» [Данилова]. Он строг в этом плане и к самому себе: «Как только почувствую, что не могу больше думать, придумывать новое, то пойму, что надо уходить. И не только из театра. Потому что вне театра я жить не смогу» [Данилова].

Постановки русской классической драматургии убедительно демонстрируют авторский режиссерский почерк Шахвердяна с его яркой поэтичностью, сценической метафоричностью, оригинальным мизансценированием (в особенности этим отличаются массовые сцены в постановке Шахвердяна), отсутствием тяготения к сиюминут-

ной актуальности при выраженном стремлении к философскому, общечеловеческому звучанию спектаклей. Решения его «русских» спектаклей не базируются на стремлении к оригинальной внешней интерпретации материала, в их основе глубокое режиссерское проживание материала, отправленное в режиссерский замысел и воплощенное в его решении. Он мастерски передает энергию своего погружения в русскую драматургию актерам, столь же психологически глубоко и с энергией душевного порыва убедительно и ярко воплощающим своих персонажей в его спектаклях. Во всем этом удивительное сочетание русской режиссерской школы, полученной Шахвердяном в Ереванском художественно-театральном институте, постижения русского театрального искусства на спектаклях выдающихся режиссеров русского театра и национального характера, присущего народу Армении, его менталитета, темперамента, яркой образности и трагического восприятия мира.

Библиографический список

1. Арутюнян Б. Б. Армянский театр / Б. Б. Арутюнян, Г. Г. Гоян // Театральная энциклопедия. В 5 т. Т. 1. Москва : Советская энциклопедия, 1961. С. 288–293.
2. Арутюнян Б. Б. Армянский театр XIX–XX веков. Москва : Гуманитарий, 2012. 412 с.
3. Гомцян Н. Спектакли ванадзорцев удерживали зрителей в холодном зале // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 246–247.
4. Гоян Г. Г. 2000 лет армянского театра: в 2-х т. Т. 1. Театр древней Армении. Москва : ГИЗ «Искусство», 1952. 512 с.
5. Гоян Г. Г. 2000 лет армянского театра: в 2-х т. Т. 2. Театр средневековой Армении. Москва : ГИЗ «Искусство», 1952. 544 с.

6. Данилова Е. Ваге Шахвердян ставит в Воронеже спектакль о воинствующей посредственности. URL: <https://culturavrn.ru/theatre/392>. (Дата обращения : 09.01.2022).
7. Егошина О. В. Театральная утопия Льва Додина. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 248 с.
8. Зайчикова О. Чудо режиссуры. «Три сестры» в постановке Вл. И. Немировича-Данченко и оформлении В. В. Дмитриева. URL: <http://www.strast10.ru/node/3219>. (Дата обращения: 05.02.2022).
9. Злотникова Т. С. Философия творческой личности : монография. Москва : «ООО Издательство “Согласие”», 2007. 918 с.
10. Игнатюк О. Армянские песни о главном. URL: <https://forum.hayastan.com/topic/6327-театр-имсундукяна-в-москве>. (Дата обращения : 09.01.2022).
11. Кречетова Р. П. Режиссер и другие. Москва : Навона, 2016. 392 с.
12. Мальцева О. Н. Поэтический театр Юрия Любимова: Спектакли Московского театра драмы и комедии на Таганке: 1964–1998 / О. Н. Мальцева. Санкт-Петербург : Российский институт истории искусств, 1999. 271 с.
13. Мальцева О. Н. Юрий Любимов. Режиссерский метод: спектакли Московского театра драмы и комедии на Таганке, 1964–1998 [2-е изд.]. Москва : АСТ, 2010. 410 с.
14. Мартинелли Ж.-Л. «Три сестры» Ваге Шахвердяна // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 227.
15. Мелоян С. Вишневы рай. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/3504479>. (Дата обращения: 09.01.2022).
16. Мерль П. Чехов, чарующий в театре «Жимназ» // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 234–235.
17. Ованесян М. «Маскарад» // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 99–102.
18. Роговская Н. Премьера в Воронежском театре драмы воспринята неоднозначно. URL: <https://culturavrn.ru/theatre/558>. (Дата обращения: 09.01.2022).
19. Санти Э. «Три сестры» – душа и слезы Армении // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 233.
20. Тибода Ж.-П. Тепло Ванадзорского театра // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 229–232.
21. Тимофеев Н. Театр. Второй приход армянского режиссера / Н. Тимофеев. URL: https://communa.ru/kultura/teatr-_vtoroy_prikhod_armyanskogo_rezhissyera/. (Дата обращения: 09.01.2022).
22. Трейманис Г. Если бы знать... // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 152–157.
23. Химшиашвили И. Языком современного театра // Шахвердян В. Постановка Ваге Шахвердяна. Ереван : Лусакн, 2007. С. 108–109.
24. Շահվերդյան Վ. Վանաձորի Հովհաննես Արեղյանի անվան դրամատիկական թատրոնի–80 Լուսակն, Եր., 2012 թ. 267 էջ.
25. Շահվերդյան Վ. Բեմադրությունը Վահե Շահվերդյանի. Եր.: Լուսակն, 2007 թ. 287 էջ.

Reference list

1. Arutjunjan B. B. Armjanskij teatr = Armenian theatre / B. B. Arutjunjan, G. G. Gojan // Teatral'naja jenciklopedija. V 5 t. T. 1. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1961. S. 288–293.
2. Arutjunjan B. B. Armjanskij teatr XIX–XX vekov = Armenian theatre in XIX–XX centuries. Moskva : Gumanitarij, 2012. 412 s.
3. Gomecjan N. Spektakli vanadzorcev uderzhivali zritelej v holodnom zale = Vanadzor performances kept the audience in the cold hall // Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 246–247.
4. Gojan G. G. 2000 let armjanskogo teatra: v 2-h t. T. 1. Teatr drevnej Armenii = 2000 years of Armenian theater: in 2 vols. V.1. Theater in ancient Armenia. Moskva : GIZ «Iskusstvo», 1952. 512 s.
5. Gojan G. G. 2000 let armjanskogo teatra: v 2-h t. T. 2. Teatr srednevekovoj Armenii = 2000 years of Armenian theater: in 2 vols. V. 2. Theater in medieval Armenia. Moskva : GIZ «Iskusstvo», 1952. 544 s.
6. Danilova E. Vage Shahverdjan stavit v Voronezhe spektakl' o voinstvujushhej posredstvennosti = Shahverdyan is staging a play in Voronezh about militant mediocrity. URL: <https://culturavrn.ru/theatre/392>. (Data obrashhenija : 09.01.2022).
7. Egoshina O. V. Teatral'naja utopija L'va Dodina = Theatrical utopia of Lev Dodin. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 248 s.
8. Zajchikova O. Chudo rezhissury. «Tri sestry» v postanovke Vl. I. Nemirovicha-Danchenko i oformlenii V. V. Dmitrieva = A miracle of directing. Three Sisters directed by V.I. Nemirovich-Danchenko and designed by V. V. Dmitriev. URL: <http://www.strast10.ru/node/3219>. (Data obrashhenija: 05.02.2022).
9. Zlotnikova T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of the creative personality: monografija. Moskva : «OOO Izdatel'stvo "Soglasie"», 2007. 918 s.
10. Ignatjuk O. Armjanskije pesni o glavnom = Armenian songs about the important things. URL: <https://forum.hayastan.com/topic/6327-teatr-imsundukjana-v-moskve>. (Data obrashhenija: 09.01.2022).
11. Krechetova R. P. Rezhisser i drugie = Director and others. Moskva : Navona, 2016. 392 s.
12. Mal'ceva O. N. Pojeticheskij teatr Jurija Ljubimova: Spektakli Moskovskogo teatra dramy i komedii na Taganke: 1964–1998 = Yuri Lyubimov's poetic theater: Performances of the Moscow Taganka theater of drama and comedy: 1964–1998. Sankt-Peterburg : Rossijskij institut istorii iskusstv, 1999. 271 s.
13. Mal'ceva O. N. Jurij Ljubimov. Rezhisserskij metod: spektakli Moskovskogo teatra dramy i komedii na Taganke, 1964–1998 = Yury Lyubimov. The Director's Method: performances of the Moscow Taganka theater of drama and comedy, 1964–1998. [2-e izd.]. Moskva : AST, 2010. 410 s.
14. Martinelli Zh.-L. «Tri sestry» Vage Shahverdjana = Three Sisters by Vahe Shahverdyan// Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 227.
15. Melojan S. Vishnevyy raj.= Cherry paradise. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/3504479>. (Data obrashhenija: 09.01.2022).

16. Merl' P. Chehov, charujushhij v teatre «Zhinnaz» = Chekhov, enchanting at the Zhinnaz theater // Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 234–235.
17. Ovanesjan M. «Maskarad» = The Masquerade // Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 99–102.
18. Rogotovskaja N. Prem'era v Voronezhskom teatre dramy vosprinjata neodnoznachno = The premiere at the Voronezh Drama Theater was received with mixed emotions. URL: <https://culturavr.ru/theatre/558>. (Data obrashhenija: 09.01.2022).
19. Santi Je. «Tri sestry» — dusha i slezy Armenii = Three Sisters — soul and tears of Armenia // Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 233.
20. Tiboda Zh.-P. Teplo Vanadzorskogo teatra = Warmth of the Vanadzor Theater // Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 229–232.
21. Timofeev N. Teatr. Vtoroj prihod armjanskogo rezhissera = Theater. The second advent of the Armenian director. URL: https://communa.ru/kultura/teatr-_vtoroy_prikhod_armjanskogo_rezhissyera/. (Data obrashhenija: 09.01.2022).
22. Trejmanis G. Esli by znat'... = If only we knew...// Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 152–157.
23. Himshiashvili I. Jazykom sovremennogo teatra = The language of modern theater // Shahverdjan V. Postanovka Vage Shahverdjana. Erevan : Lusakn, 2007. S. 108–109.
24. Շահվերդյան Վ. Վանաձորի Հովհաննես Արելյանի անվան դրամատիկական թատրոն—80 Լուսակն, Եր., 2012 թ. 267 էջ.
25. Շահվերդյան Վ. Բեմադրությունը՝ Վահե Շահվերդյանի. Եր.: Լուսակն, 2007 թ. 287 էջ.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
The article was submitted on 04.01.2022; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «МИР
РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья», 10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место

работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % – приветствуется. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

6. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

7. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При

обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставля-

ет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

---

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The branch of science and the code of the specialty for which the article was written (23.00.02 – “Political problems of international relations, global and regional development”, 23.00.04 – “Political regionalism. Ethnopolitics”, 10.01.01 – “Russian literature”, 10.01.03 – “Literature of the peoples of foreign countries”, 10.02.01 – “Russian language”; 24.00.01 – “Theory and history of culture”).

4.3. Information about the author: Full name of the author (including in transliterated form), contact mobile phone, e-mail; academic degree and title, place of work (full official name of the organization) and position, address of the organization with an index.

4.4. Title of the article in Russian and English.

4.5. annotation

– must be written in Russian and English;

– should contain a description of the main goals and objectives of the study; in general terms, without going into details, describe the course of the research;

– contain a description of the most significant research results, indicating their importance;

– the annotation should not contain references to literature and special abbreviations; the information contained in the title should not be repeated;

– significant words and phrases from the main text of the article should be used in the text of the abstract;

– the text must comply with all norms and rules of the relevant language and not contain stylistic, grammatical, spelling and punctuation errors;

– the length of each abstract should be between 210 and 250 words.

4.6. Keywords – no less than 7 and no more than 12 (in Russian and English).

4.7. ORCID ID of the author.

4.8. The text of the article.

4.9. Bibliographic list (indicated in alphabetical order).

5. Bibliographic references to sources used must be indicated in the text in square brackets (for example, [Karasik, 2002, p. 231] (pages are indicated when citing!); [Interpretive char-

acteristics ..., 1999, p. 56]; [Shakhovsky, 2008; Sheigal, 2007]). The bibliographic list must be drawn up in accordance with GOST R 7.0.100 2018 "Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of drawing up" with continuous numbering, 14 point size, 1.5 spacing and placed after the text of the article. Each source indicated in the bibliography must have a link in the text. The editors will give priority to articles that meet the following conditions: the number of references must contain at least

25 titles, at least 20 sources over the last 3 years. Links to your work – 10 %. Links to sources in a foreign language – at least 50 % – are welcome. All sources must indicate the year of issue, city and publisher, number of pages.

6. Notes and footnotes in the article are not allowed!

7. Tables, diagrams, diagrams, histograms should be drawn in a contrasting gray scale. GIF format is used for pictures. The editorial board does not improve the quality of the drawings and does not correct any mistakes made in the drawing. Each figure, table, diagram must have a serial number, title and explanation of all symbols. All columns in tables must be titled. If errors are found in the figure, diagram, table, the editors reserve the right to delete the figure and the text related to it. Under the tables and figures, it is necessary to indicate the source from which the figure or table is taken (for example: author, book, magazine, etc.).

8. Units of measurement are given in accordance with the International System of Units (SI).

9. If the article is written on the basis of an experiment, then it must be formatted as follows:

- introduction;
- literature review;
- research methods;
- results and discussion;
- conclusion;
- thanks;

A manuscript intended for publication will be accepted for consideration by the editorial board only if it receives a completed and signed license agreement in two copies by mail (the form is posted on the website).

The volume of the article should be at least 10 pages and not exceed 20 pages of A4 text, typed in accordance with the above requirements.

If the submitted materials do not meet at least one of the above listed requirements, as well as if the article file is infected with a computer virus, the editorial staff will not consider the article for publication.

An article in the journal undergoes peer review and receives a recommendation from two members of the editorial board and is submitted with reviews to the editor of the journal for inclusion in the journal issue, the content of which is approved by the editorial board. The editors reserve the right to send manuscripts of articles for independent examination.

If there are serious comments on the article in the review, the article will be rejected and the author will be recommended to modify the article in accordance with the comments of the reviewer.

The author receives the author's copy of the journal by mail according to

the issued sub-subscription. You can subscribe from one issue of the magazine per year.

An article approved and recommended by the reviewer of the journal can be published within a year.

For a postgraduate student to publish an article without a subscription to the journal, it is necessary to provide the editor of the journal:

- a certificate from the postgraduate study department;
- an extract from the decision of the department or other structural unit on the need to publish the article, certified by the organization;
- review of the scientific advisor to the article, certified by his organization.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 1 (11)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 19,5 п. л., 9,2 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 49. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 15.04.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44